ПРАВДА ЛИ,

ЧТО НАШЕ ДУХОВЕНСТВО

НЕ ХОЧЕТЪ И НЕ УМѢЕТЪ

УЧИТЬ НАРОДЪ?

По поводу статьи Е. Маркова:

„Религія въ народной школѣ“.

Русская Рѣчь. Январь 1881 г.

П. Казанскаго.

МОСКВА.

Типографія М. Н. Лаврова и К°.

Леонтьев. пер. свой домъ.

1882.

Отъ Московскаго Комитета для цензуры духовныхъ книгъ печатать дозволяется. Московская Духовная Академія, 28 октября 1882 г.

Цензоръ Протоіерей *Филаретъ Сергіевскій.*

Правда ли, что наше духовенство не хочетъ и не умѣетъ учить народъ?

По поводу статьи Е. Маркова: религія въ народной школѣ. Русская Рѣчь. Январь 1881 г..

Значительная часть нашего образованнаго общества и особенно представители петербургской ультра-либеральной свѣтской журналистики давно уже проникнуты сильнымъ желаніемъ поставить народныя школы внѣ вліянія нашей православной церкви. Съ тѣхъ поръ, какъ вопросъ о народномъ образованіи сдѣлался живымъ вопросомъ, привлекшимъ къ себѣ вниманіе нашего общества, съ тѣхъ поръ, какъ наша журналистика получила возможность обсуждать вопросъ о воспитаніи, о школахъ,— сдѣлались замѣтными усилія нашихъ либеральныхъ педагоговъ вытѣснить изъ школъ вліяніе церкви. Съ этою цѣлію всѣми силами старались доказать, что наше русское духовенство не можетъ, не должно оказывать вліянія на народное образованіе, потому что вліяніе духовенства на народъ и его образованіе скорѣе-де вредно, чѣмъ полезно. И вотъ полились въ нашей журналистикѣ потоки брани, порицаній, насмѣшекъ, клеветы, ругательствъ на наше духовенство. Результатомъ этой журнальной потѣхи и издѣвательства надъ духовенствомъ было то, что его объявили на весь міръ и глупымъ, и тупымъ, и безнравственнымъ. Но, несмотря на весь этотъ гвалтъ глумленія, клеветы и издѣвательства надъ нашимъ

духовенствомъ, оно все еще продолжаетъ учить въ школахъ, поддерживаетъ въ нихъ религіозно-нравственное воспитаніе въ духѣ нашей православной церкви и несмотря на препятствія продолжаетъ оказывать значительное противодѣйствіе растлѣвающему вліянію модныхъ педагоговъ и просвѣтителей, поставившихъ своей задачей убить въ народѣ религіозно-нравственное чувство, уничтожить благоговѣйную преданность церкви и правительству, поколебать уваженіе ко всякому авторитету въ жизни общественной и домашней. Понятно, это противодѣйствіе стремленіямъ партіи мнимыхъ радѣтелей о народномъ образованіи переполняетъ ихъ сердца злобой противъ духовенства. Злоба эта изливается потоками злословія и клеветы на духовенство при всякомъ удобномъ случаѣ, особенно же когда упомянутымъ радѣтелямъ о благѣ и просвѣщеніи народа улыбается надежда осуществить свою завѣтную мечту вырвать народныя школы изъ подъ вліянія церкви и очистить поле для дѣятельности модныхъ педагоговъ. Задумаетъ правительство произвесть улучшенія и исправленія въ нашихъ школахъ, распространится слухъ о перемѣнѣ лицъ, стоявшихъ во главѣ министерства народнаго просвѣщенія или дѣйствительно совершается такая перемѣна—и наша либеральствующая пресса начинаетъ оглашать Россію своей пѣсней, дышащей яростью и злобой противъ духовенства. Она льститъ новымъ лицамъ, поставленнымъ державною волею заботиться объ интересахъ народнаго образованія, ухаживаетъ за ними, ожидаетъ отъ нихъ самой плодотворной дѣятельности, обѣщаетъ имъ вѣчную неувядающую славу въ потомствѣ, но подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы духовенство съ позоромъ изгнано было изъ храма народнаго образованія, потому что оно де вполнѣ заслужило того, чтобы съ безчестіемъ вытолкать его изъ народныхъ школъ.

Завѣтная мечта нашихъ либеральныхъ радѣтелей о

народномъ благѣ и народномъ просвѣщеніи—уничтожить вліяніе православной церкви на народъ и его образованіе, высказывается во многихъ журналахъ и газетахъ болѣе и менѣе откровенно и прямо, и при этомъ всегда, въ видѣ аргумента, подвергается осмѣянію и позору наше духовенство, какъ сословіе, утратившее и умъ и сообразительность, и нравственность.

Но нигдѣ, по нашему мнѣнію, эта завѣтная мечта не высказывалась съ такою нахальною наглостью, съ такимъ пренебрежительнымъ отношеніемъ къ православной церкви, съ такою ожесточенною и слѣпою ненавистью къ пастырямъ нашей церкви, съ такимъ множествомъ злословія, издѣвательства, попрековъ и клеветы, какъ въ указанной статьѣ г. Маркова.

Высказывая похвалы программѣ новаго (теперь уже сошедшаго со сцены) министерства народнаго просвѣщенія за то, что она отличается зиждительнымъ и примирительнымъ характеромъ, что въ ней замѣтно стремленіе министерства „возстановить нормальныя (?) условія здоровья и спокойствія, которыхъ былъ лишенъ такъ долго вопросъ народнаго образованія“—г. Марковъ рекомендуетъ министерству только одну отрицательную мѣру, которая составляетъ непремѣнное условіе будущей плодотворной дѣятельности по вопросу народнаго образованія. Мѣра эта до такой степени важна для развитія народнаго образованія, до такой степени необходима для плодотворной дѣятельности министерства, что только исполни оно эту мѣру—разрѣшеніе вопроса о народномъ образованіи „уже не представитъ особыхъ трудностей и сомнѣній, разсѣется въ немъ удушающая его теперь атмосфера подозрительности, вражды и недовѣрія, все въ немъ станетъ просто и ясно; онъ (вопросъ о народномъ образованіи?) потечетъ спокойно, какъ рѣка равнины, освѣжая и наполняя новою жизнью все, что будетъ омываться его плодотворными водами“ (?). Если

же министерство не послушается совѣта г. Маркова и не исполнитъ его предначертаній—погибла Россія, погибла въ ней народное образованіе!

Въ чемъ же заключается рекомендуемая г. Марковымъ отрицательная мѣра, отъ которой зависитъ судьба Россіи и народнаго въ ней образованія? Въ очищеніи храма народнаго образованія отъ всякихъ непризванныхъ мытарей и фарисеевъ. Г. Маркову кажется, что „храмъ народнаго просвѣщенія во всѣхъ разнородныхъ своихъ отдѣлахъ и на всѣхъ своихъ ярусахъ наполнился, въ послѣдніе дни, всякими непризванными мытарями и фарисеями, учредившими въ нихъ свои торжища. По примѣру Божественнаго Учителя, прежде чѣмъ возвысить кроткій голосъ забытой истины, необходимо взять въ руки вервіе и изгнать изъ храма торгующихъ, опрокинуть нечестивыя сѣдалища ихъ".

Что же это за мытари и фарисеи, противъ которыхъ кипитъ ревность въ благородномъ и чистомъ сердцѣ г. Маркова и которыхъ онъ (еслибы только имѣлъ власть) бичомъ изъ вервій изгналъ бы изъ храма народнаго просвѣщенія и опрокинулъ бы нечестивыя ихъ сѣдалища?

Это—если не исключительно, то по преимуществу священники православной русской церкви, призванные правительствомъ къ преподаванію закона Божія юношеству, какъ въ высшихъ и среднихъ, такъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ православной Россіи; это—вообще наше православное духовенство, въ школѣ и внѣ школы трудящееся для религіозно-нравственнаго воспитанія народа.

Изгнать съ позоромъ православное духовенство изъ храма народнаго просвѣщенія, съ безчестіемъ вытолкать его изъ народныхъ школъ—вотъ та необходимая отрицательная мѣра, которая можетъ разомъ уничтожить всѣ трудности, соединенныя съ вопросомъ о

народномъ образованіи и посредствомъ которой, по мнѣнію г. Маркова, новое министерство можетъ стяжать себѣ славу въ вѣкахъ грядущихъ!

На чемъ же утверждается этотъ жестокій, позорный для русскаго духовенства и русской церкви приговоръ г. Маркова? Что взволновало его желчное негодованіе противъ пастырей православной церкви?

По мнѣнію г. Маркова, все наше духовенство, начиная съ самыхъ высшихъ его представителей и кончая самыми низшими членами его, есть не болѣе, какъ соль, потерявшая силу, годная только на то, чтобъ выбросить ее вонъ на попраніе людямъ. Чтобъ оправдать свое мнѣніе о нашемъ русскомъ духовенствѣ и чтобъ подвигнуть новое министерство къ позорному изгнанію законоучителей изъ народныхъ школъ, авторъ изображаетъ духовенство въ самыхъ ужасныхъ, отвратительныхъ, возбуждающихъ омерзеніе краскахъ, какія только можетъ придумать человѣкъ, возбужденный непримиримою ненавистью. Имъ нарисована ужасная картина религіозно-нравственнаго состоянія нашего духовенства. Если повѣрить рѣчамъ г. Маркова,—вся іерархія, все сословіе пастырей и учителей русской церкви находится въ непроглядной духовной тьмѣ, отверглось Христа, не понимаетъ Его ученія, сдѣлалось грубымъ, полуязыческимъ, „всею своею жизнью провозглашаетъ одинъ грубый культъ мамоны“ (198): оно не только само ходитъ въ этой ужасной тьмѣ невѣрія и безнравственности, но и распространяетъ ее повсюду, гдѣ еще сохранился свѣтъ ученія Христова; оно не только само нечестиво и безнравственно, но и въ другихъ убиваетъ всякое религіозно-нравственное чувство своимъ мертвящимъ вліяніемъ: „если бы вручить, вѣщаетъ г. Марковъ, нашу зарождающуюся школу теперешнему духовенству, то въ ней очень скоро не осталось бы даже отдаленнаго намека на религіозно-нравственныя начала,

точно такъ же, какъ не осталось слѣда ихъ въ семинаріяхъ и духовныхъ училищахъ". Можно ли терпѣть такое до мозга костей испортившееся сословіе въ средѣ общества? Какая непростительная, пагубная для нашего отечества ошибка, что до сихъ поръ терпѣли такое духовенство и даже позволяли ему распространять свое пагубное вліяніе! Новое министерство непремѣнно обязано употребить всѣ зависящія отъ него средства, чтобы предохранить молодое поколѣніе отъ развращающаго вліянія нашего духовенства, и съ позоромъ, и какъ можно скорѣе изгнать изъ храма просвѣщенія всѣхъ священниковъ-законоучителей и опрокинуть нечестивыя сѣдалища ихъ... если только министерство повѣритъ словамъ г. Маркова.

Если *повѣритъ!*.. Въ самомъ дѣлѣ, г. Марковъ злословитъ, позоритъ, топчетъ въ грязь цѣлое сословіе, взводитъ на него ужасныя обвиненія и произноситъ надъ нимъ смертный приговоръ, не освобождая отъ него почти ни одного члена осуждаемаго имъ сословія; но не указываетъ фактовъ, послужившихъ основаніемъ такому приговору; обвиненія, взводимыя имъ на духовенство, крайне голословны и бездоказательны.

Какъ ни трудно возражать тому, кто не столько обсуждаетъ предметъ хладнокровно, на основаніи опредѣленныхъ фактовъ, сколько сыплетъ бранью, злословіемъ и клеветою; но намъ все-таки хотѣлось бы, по мѣрѣ силъ, показать, какъ несправедливъ г. Марковъ въ своей враждѣ противъ духовенства; какъ много онъ клевещетъ на него и какъ неосновательенъ и даже опасенъ его проектъ изгнанія отцевъ законоучителей изъ народныхъ школъ и врученія дѣла религіозно-нравственнаго воспитанія народа учителямъ, вышедшимъ изъ нашихъ учительскихъ семинарій.

По мнѣнію г. Маркова, наше духовенство „ни въ какомъ смыслѣ не можетъ считаться воплощеніемъ

религіозной нравственности и органомъ, способнымъ привить къ народу привычки этой нравственности... Наше грубое и полуязыческое духовенство... не вноситъ въ жизнь народа никакого духовнаго совѣта (свѣта?), не возвышаетъ ни сколько сердца и мысли массъ отъ привычныхъ имъ матеріальныхъ интересовъ въ идеальныя области любви и правды".

Быть воплощеніемъ религіозной нравственности— это весьма высокое требованіе, возвышенный идеалъ, который вполнѣ осуществился только въ одномъ Сынѣ человѣческомъ, Богочеловѣкѣ І. Христѣ. Остальные люди только стремятся къ нему и никогда вполнѣ не могутъ достигнуть его. Исторія церкви Христовой представляетъ намъ безчисленное множество людей, жизнь которыхъ отличалась высокими нравственными совершенствами. Но никто изъ нихъ никогда не говорилъ и не сознавалъ, что жизнь его есть воплощеніе и полное осуществленіе христіанской нравственности и христіанскаго совершенства; напротивъ каждый изъ нихъ глубоко сознавалъ и чувствовалъ, что жизнь его далека отъ идеальнаго совершенства, что въ ней существуетъ противорѣчіе между идеаломъ и дѣйствительностью. Въ людяхъ святыхъ, сіявшихъ высокими нравственными совершенствами, это сознаніе было даже глубже и сильнѣе, чѣмъ у людей обыкновенныхъ и грѣшныхъ. Этотъ разладъ между дѣйствительностью и идеаломъ всегда существуетъ не только у отдѣльныхъ людей, но въ цѣлыхъ народахъ, въ цѣлыхъ сословіяхъ и классахъ каждаго народа въ самые лучшіе и высшіе моменты ихъ историческаго развитія и жизни. Если смотрѣть на жизнь людей съ идеальной точки зрѣнія; то никто изъ людей не избѣжитъ осужденія: народы, сословія, люди всѣхъ званій, состояній и родовъ занятій должны будутъ явиться массой осужденныхъ и признанныхъ негодными. Если и на наше духовенство смотрѣть съ этой

высшей идеальной точки зрѣнія; то, конечно, и оно не можетъ быть признано воплощеніемъ религіозной нравственности и не можетъ избѣжать осужденія. Оно, какъ и всякое другое сословіе, состоитъ не изъ ангеловъ, а изъ людей, а потому въ его жизни всегда было, есть и будетъ противорѣчіе между его дѣйствительной жизнью и тѣмъ идеаломъ, къ которому оно должно стремиться въ своей жизни.

Но сказать, что наше духовенство „*ни въ какомъ смыслѣ* не можетъ считаться воплощеніемъ религіозной нравственности и органомъ способнымъ привить къ народу привычки этой нравственности“ — значитъ сказать о немъ самое худшее, что можно сказать къ униженію человѣка. Человѣкъ, котораго ни въ какомъ смыслѣ нельзя признать воплощеніемъ религіозной нравственности тоже, что человѣкъ, утратившій вѣру въ Бога, чуждый высшихъ нравственныхъ стремленій, совсѣмъ извратившій свою природу; онъ уже потерялъ человѣческое достоинство и не имѣетъ права называться человѣкомъ; кромѣ внѣшности въ немъ нѣтъ ничего человѣческаго и въ сущности онъ не болѣе, какъ животное. Вотъ что хочетъ сказать г. Марковъ о нашемъ духовенствѣ! И высказавъ эту позорную и унизительную для духовенства сентенцію, г. Марковъ нисколько не думаетъ подтвердить ее хоть чѣмъ нибудь. Слѣдуя манерѣ г. Маркова—при сужденіи о нашемъ духовенствѣ ограничиваться рѣзкими, безпощадными, но бездоказательными и голословными фразами, и мы, защищая духовенство, могли бы ограничиться только рѣзкимъ и голословнымъ отрицаніемъ правды въ словахъ г. Маркова и похвальными отзывами о нашемъ духовенствѣ; мы могли бы распространиться на слѣдующую тему: въ вашихъ словахъ, г. Марковъ, нѣтъ и малой доли правды: нашему духовенству присуще глубокое религіозно-нравственное чувство и въ его

жизни осуществляется религіозно-нравственный идеалъ въ достаточной степени, по крайней мѣрѣ ничуть не меньше, чѣмъ въ жизни всякаго другаго сословія; далѣе, въ нашемъ духовенствѣ религіозно-нравственныя понятія и разумнѣе, и выше, и чище, чѣмъ въ другихъ нашихъ сословіяхъ; наконецъ наше духовенство не только по своимъ религіозно-нравственнымъ понятіямъ выше и чище другихъ сословій, но и жизнь его гораздо больше соотвѣтствуетъ христіанскому идеалу и дѣйствуетъ воспитывающимъ образомъ на народъ, и пр. Но подобнаго рода защита духовенства противъ взводимыхъ на него тяжкихъ обвиненій, состоящая въ голословномъ указаніи его достоинствъ и преимуществъ, конечно, не имѣла бы силы и не принесла бы ему пользы: мы знаемъ, что такая защита произвела бы непріятное впечатлѣніе даже на тѣхъ, которые относятся сочувственно къ духовенству, а люди, враждебные къ нему, посмотрѣли бы на нее, какъ на хвастливую и подозрительную рекламу; а реклама своими неумѣренными и голословными похвалами можетъ подѣйствовать развѣ только на людей наивныхъ и простодушныхъ; въ большинствѣ же читающихъ ее она можетъ возбудить лишь недовѣріе и подозрительность къ тому предмету, къ которому она относится. Вполнѣ признаемъ неудобство рекламъ въ дѣлѣ защиты кого-бы то ни было и въ своемъ спорѣ съ г. Марковымъ о нашемъ духовенствѣ отказываемся отъ употребленія пріемовъ рекламы; но если напыщенныя и голословныя похвалы кому или чему нибудь, называемыя *рекламой*, возбуждаютъ въ людяхъ недовѣріе и подозрительность; то мы не можемъ не высказать желанія, чтобъ и къ голословному и бездоказательному злословію и порицанію, или *пасквилю* на кого или что нибудь, люди относились съ неменьшимъ недовѣріемъ и подозрительностью, чѣмъ къ рекламѣ.

Къ своей цѣли мы пойдемъ другимъ путемъ; на него указываютъ намъ слова обвинительнаго противъ духовенства пункта, гласящаго, что „наше духовенство не можетъ быть органомъ, способнымъ привить къ народу привычки религіозной нравственности". Если у г. Маркова было какое нибудь основаніе къ такому сужденію о нашемъ духовенствѣ; то, конечно, такимъ основаніемъ было его убѣжденіе въ томъ, что религіозно-нравственная жизнь нашего народа находится въ жалкомъ состояніи, что если и есть у нашего народа религіозно-нравственныя понятія, чувствованія и стремленія, то они до такой степени неясны, слабы и безжизненны, что не обнаруживаются въ дѣйствительной его жизни, не вошли въ плоть и кровь его и не вліяютъ на складъ и отношенія его жизни. Предполагаемъ, что причину религіозной неразвитости нашего народа г. Марковъ видитъ въ его духовныхъ пастыряхъ и потому приходитъ къ заключенію, что „наше духовенство ни въ какомъ смыслѣ не можемъ считаться воплощеніемъ религіозной нравственности и органомъ, способнымъ привить къ народу привычки этой нравственности".

Но вѣрно ли то основаніе, на которомъ утверждается выводъ г. Маркова о нашемъ духовенствѣ? Вѣрна ли мысль, будто нашъ народъ не отличается религіозностью, будто онъ не обладаетъ „привычками религіозной нравственности" и неспособенъ „возвышаться сердцемъ и мыслью отъ привычныхъ ему матеріальныхъ интересовъ въ идеальныя области любви и правды?" Правда, не одинъ г. Марковъ такъ думаетъ о религіозности нашего народа; и до него были и теперь есть еще люди, которые называютъ „вздоромъ" религіозность нашего народа, объявляютъ его „почти не христіанскимъ народомъ". Но тѣ изъ нашихъ писателей, которые ближе знаютъ нашъ простой народъ, съ любовію и безъ предубѣжденія изу-

чали его внутреннюю жизнь, утверждаютъ напротивъ, что нашъ народъ глубоко религіозенъ, проникнутъ духомъ евангельской любви,—что „несмотря на свою грубость и свои грѣхи обладаетъ глубокимъ знаніемъ Христа и Его спасительнаго ученія,—что онъ принялъ въ свою суть Христа и Его ученіе; называютъ его „истинно мудрымъ, исполненнымъ и христіанскаго и политическаго разума народомъ“ и пр. Мы вполнѣ раздѣляемъ послѣднее мнѣніе и думаемъ, что съ нимъ согласится всякій, кому подольше привелось жить среди нашего простаго народа и наблюдать проявленія его религіозной и нравственной жизни. Въ самомъ дѣлѣ, кто имѣлъ возможность близко и долго наблюдать нашъ простой народъ, тотъ не могъ не замѣтить, какъ глубока и искренна въ немъ вѣра въ Бога, надежда на Него и любовь къ Нему,—съ какимъ простодушнымъ и дѣтскимъ довѣріемъ онъ вручаетъ себя и свои дѣла водительству Промысла; тому не разъ, конечно, приходилось быть свидѣтелемъ его кротости, глубокаго смиренія и непоколебимаго терпѣнія, съ которыми онъ переносилъ и переноситъ до сихъ поръ невзгоды своей тяжелой доли. А кто не знаетъ съ какимъ милосердіемъ, соболѣзнованіемъ и сердобольнымъ участіемъ относится нашъ народъ ко всѣмъ бѣднымъ, нищимъ, страждущимъ, калѣкамъ и даже къ самымъ преступникамъ и своимъ врагамъ? Кто не знаетъ его преданности православной церкви, ея законамъ и уставамъ? его любви къ храму и церковному богослуженію? его жажды слушать слово Божіе? Едва ли нужно напоминать, какъ глубоко въ немъ укоренены тѣ нравственныя начала, на которыхъ утверждается всякая общественная жизнь: его уваженіе и почтительность къ родителямъ и старшимъ, его готовность повиноваться начальникамъ и властямъ, начиная отъ самой низшей до самой высшей; а благоговѣніе его къ верховной власти безпредѣльно. Граж-

данскія его доблести, возвышающіяся до геройскаго самоотверженія, не подлежатъ ни малѣйшему сомнѣнію: его готовность служить своему отечеству и жертвовать для него своими трудами, достояніемъ и жизнью поражаетъ своей простотой и геройскимъ величіемъ. Исторія отечественныхъ войнъ представляетъ намъ безчисленное множество примѣровъ христіанскаго мужества, терпѣнія, самоотверженія, готовности положить животъ свой за вѣру, царя и отечество. Откуда почерпаетъ нашъ простой необразованный народъ, на который наши надменные своимъ просвѣщеніемъ либералы смотрятъ съ презрѣніемъ какъ на грубую, суевѣрную, полуязыческую массу,—откуда, повторяемъ, почерпаетъ онъ силу совершать великія подвиги истинно-христіанскаго самоотверженія?— Единственно изъ простаго и глубокаго своего убѣжденія, что такъ жить и дѣйствовать велитъ Самъ Богъ, что смерть за вѣру, царя и отечество имѣетъ высокую цѣну въ очахъ Божіихъ и пріявшимъ ее пріобрѣтаетъ прощеніе грѣховъ и вѣнецъ мученическій. Всѣ эти свойства и дѣйствія русскаго народа не служатъ ли краснорѣчивымъ доказательствомъ его религіозной нравственности, которая обратилась у него въ твердыя, укоренившіяся привычки? Спрашивается теперь, откуда взялись, подъ чьимъ вліяніемъ пробудились въ русскомъ народѣ эти истинно-христіанскія чувства, развились, утвердились и обратились въ твердыя нравственныя привычки? Безъ сомнѣнія, подъ благотворнымъ вліяніемъ и воздѣйствіемъ православной церкви и ея пастырей, которые, въ продолженіе тысячелѣтія дѣйствуя на народъ въ храмѣ—при богослуженіи, дома—при совершеніи различныхъ таинствъ и молитвословій, съумѣли насадить и возрастить въ простыхъ душахъ русскаго народа сѣмена истиннаго евангельскаго ученія и возбудить въ нихъ истинно-христіанскія чувства и стремленія. Не свидѣтельству-

етъ ли это въ пользу русскаго духовенства, не говоритъ ли о способности пастырей русской церкви вліять на своихъ пасомыхъ, утверждать въ нихъ прочныя религіозно-нравственныя привычки и возвышать сердца и мысли массъ отъ матеріальныхъ интересовъ въ идеальныя области любви и правды?

Не подлежитъ сомнѣнію то, что религіозно-нравственная жизнь нашего простаго народа большею частію не утверждается на вполнѣ разумномъ и отчетливомъ пониманіи предметовъ религіи и нравственности, не опирается на ясномъ знаніи догматовъ вѣры. Религіозно-нравственное состояніе нашего простаго народа во многомъ похоже на религіозно-нравственное состояніе дѣтскаго возраста. Подъ непосредственнымъ вліяніемъ примѣра благочестивыхъ родителей въ душѣ ребенка пробуждается живое, но простодушное религіозно-нравственное чувство, которое становится руководительнымъ началомъ всей его жизни: онъ проникнутъ живою и искреннею вѣрою въ Бога, въ Его благость, милосердіе, всемогущество, вездѣприсутствіе и всевѣдѣніе, въ надеждѣ и упованіи обращается къ Нему съ молитвою о помощи и защитѣ въ затрудненіяхъ и скорбяхъ и пр.; словомъ, его жизнь проникнута тѣми же христіанскими религіозно-нравственными началами, какъ и жизнь христіанской семьи, среди которой онъ ростетъ. Но при этомъ религіозно-нравственная жизнь ребенка не освѣщена еще разумнымъ сознаніемъ, не утверждена на прочномъ убѣжденіи: не спрашивайте у него отчетливаго и основательнаго знанія догматовъ вѣры и ученія о христіанскихъ обязанностяхъ. Его религіозно—нравственная жизнь освѣтится разумнымъ сознаніемъ, утвердится на прочныхъ убѣжденіяхъ только тогда, когда достаточно разовьется его умъ, укрѣпится мыслительная способность, вообще когда получится имъ правильное умственное образованіе.

Такъ и нашъ простой народъ обладаетъ живой и искренней, но простодушной, непосредственной вѣрою въ Бога, безъ отчетливаго и яснаго пониманія догматовъ вѣры; его религіозно-нравственная жизнь зиждется не на знаніи предметовъ вѣры, но на религіозно-нравственныхъ, инстинктахъ чувствахъ, правда, сильныхъ и глубокихъ, но не отличающихся сознательностію, отчетливостью, неосвѣщенныхъ разумнымъ пониманіемъ того, къ чему они направлены.

Конечно, не возможно удовлетвориться этимъ уровнемъ религіозно-нравственнаго просвѣщенія нашего народа. Но слава Богу, и честь нашему духовенству и за то, что сдѣлано имъ для религіозно-нравственнаго воспитанія нашего народа! Винить его за то, что оно не сдѣало бо́льшаго въ этомъ отношеніи, едва ли справедливо. Безъ правильно организованныхъ школъ народныхъ, духовенство наше, само по себѣ, не могло поставить нашъ безграмотный народъ на высшую ступень религіознаго развитія. Религіозныя вѣрованія и нравственное чувство могутъ возвышаться до сознательности, до степени сознательныхъ и твердыхъ убѣжденій только у того, кто, получивъ доброе направленіе въ религіозно-нравственномъ отношеніи при помощи домашняго воспитанія, впослѣдствіи получаетъ достаточно основательное умственное образованіе, сообщающее способность съ пониманіемъ читать и слушать слово Божіе, размышлять о предметахъ вѣры и нравственности и составить правильный взглядъ на міръ и жизнь людей. Но нашъ простой народъ до шестидесятыхъ годовъ настоящаго столѣтія находился въ весьма неблагопріятныхъ условіяхъ относительно умственнаго своего развитія. Были-ль до этого времени у насъ школы для народа? — Существовавшія тогда школы назначались для дѣтей высшихъ и среднихъ сословій и были недоступны для крестьянскихъ дѣтей; школъ же, гдѣ могли бы обучаться крестьянскія дѣти, тогда

почти совсѣмъ не было. Да едвали могла пробудиться и самая потребность въ такихъ школахъ. Многіе милліоны нашего народа находились въ крѣпостной зависимости, лишены были правъ личной самостоятельности и свободы, находились въ полномъ и безотчетномъ распоряженіи помѣщиковъ. Живя и богатѣя на счетъ своихъ крестьянъ, поглощая всѣ избытки крестьянскаго достоянія, помѣщики заботились только о своемъ благосостояніи и комфортѣ, но не обнаруживали ни малѣйшей заботливости о просвѣщеніи своихъ крестьянъ; [1]) самимъ же крѣпостнымъ, обремененнымъ разными повинностями и барщиной, съ трудомъ удовлетворявшимъ свои насущныя потребности, не могла придти и на умъ мысль о своемъ образованіи; доля раба, находившагося всецѣло и съ семьей и съ своими пожитками въ безконтрольномъ распоряженіи у своего господина, не сдѣлалась бы лучше отъ полученнаго имъ образованія. Что касается остальныхъ, т. е. не помѣщичьихъ крестьянъ, то и ихъ положеніе было не многимъ лучше положенія крѣпостныхъ. Поэтому въ низшихъ слояхъ нашего народа не только образованности, но и простой грамотности почти не было. Тотъ весьма незначительный процентъ грамотныхъ людей, какой былъ тогда въ крестьянствѣ, обязанъ своимъ происхожденіемъ нашему такъ безпощадно порицаемому духовенству. При домахъ нѣкоторыхъ священниковъ, діаконовъ и даже дьячковъ существовали частныя школы, гдѣ каждый годъ обучалось незначительное число деревенскихъ мальчиковъ чтенію, письму, счету и молитвамъ. Конечно, школы эти были немногочисленны и резуль-

---

[1]) „Двѣсти лѣтъ держали его (народъ) мы, помѣщики, въ своей крѣпости, и выпустили на волю, по крайней мѣрѣ огромное большинство изъ насъ, такимъ же, какимъ взяли, не воспитавъ, не научивъ его ничему, ни грамотѣ, ни даже улучшенной системѣ хозяйства и обработки земли“. Русь 1881, № 42.

татъ ихъ дѣятельности былъ весьма незначителенъ. Но чего и можно было ожидать отъ этихъ бѣдныхъ школъ, не имѣвшихъ правильной организаціи, достаточныхъ средствъ и посѣщаемыхъ въ продолженитолько немногихъ зимнихъ мѣсяцевъ?—Но и при таіихъ неблагопріятныхъ для просвѣщенія народа условіяхъ наше духовенство все-таки сдѣлало, что могло сдѣлать для религіозно-нравственнаго воспитанія русскаго народа. Оно распространило и утвердило въ народѣ начатки ученія Христова, внушило ему вѣру въ Бога и Его премудрый и благой Промыслъ, научило его прибѣгать къ Нему въ горестяхъ и скорбяхъ, постигавшихъ его въ жизни; оно поддерживало въ народѣ добрые нравы и привычки, внушало ему правила незазорной, честной христіанской жизни, обличало господствовавшіе въ немъ пороки; воспитало въ немъ любовь къ церковному богослуженію, преданность и вѣрность уставамъ церкви; словомъ, оно воспитывало и поддерживало въ нашемъ народѣ ту живую, искреннюю и простодушную религіозность, какою отличается и доселѣ нашъ народъ.

Какими же средствами наше духовенство достигло этого результата?—Если сфера вліянія нашего духовенства на народъ чрезъ школу была очень незначительна; то оно оказывало и оказываетъ широкое вліяніе на народъ, пользуясь для воспитанія и просвѣщенія его множествомъ случаевъ, при непосредственномъ и постоянномъ сношеніи съ нимъ. Не для собиранія только грошей и гривенниковъ, не для ѣды, питья и пированья являются священники въ домы прихожанъ, какъ думаютъ г. Марковъ и многіе обличители духовенства, но и для духовной пользы своихъ пасомыхъ. Можно ли повѣрить голословному обвиненію, будто духовенство наше до такой степени упало и развратилось, что совсѣмъ не помнитъ о высокихъ обязанностяхъ пастырскаго служенія и думаетъ только о

матеріальныхъ своихъ выгодахъ и доходахъ? Напротивъ, большинству священниковъ присуще не только сознаніе своихъ обязанностей, но и стремленіе честно исполнить ихъ. Ходя по приходу, являясь въ домы своихъ пасомыхъ для совершенія требъ церковныхъ, они пользуются всякимъ удобнымъ случаемъ побесѣдовать съ прихожанами о предметахъ вѣры и нравственности, обличить ихъ суевѣрія и пороки, внушить имъ правила христіанскаго добраго поведенія. Этотъ путь религіозно-нравственнаго вліянія на народъ особенно доступенъ нашему сельскому духовенству. Отношенія его къ своимъ прихожанамъ ближе, проще и непосредственнѣе, чѣмъ отношенія городскаго духовенства къ своимъ. Въ городахъ эти отношенія холоднѣе, дальше и оффиціальнѣе, чѣмъ въ селахъ. Въ большинствѣ случаевъ городское духовенство, если оно является въ дома своихъ прихожанъ—само ли, по установившемуся обычаю, въ извѣстные церковные праздники, или по особому приглашенію прихожанъ—совершитъ то или другое таинство или молитвословіе и, получивъ отъ хозяина дома приличное вознагражденіе, спѣшитъ удалиться. Можетъ быть священникъ и желалъ бы иногда побесѣдовать съ тѣмъ или другимъ прихожаниномъ о предметахъ вѣры и нравственности, преподать ему доброе наставленіе; но оставляетъ это намѣреніе, встрѣчая здѣсь оффиціальный холодный пріемъ; въ городахъ, особенно въ нынѣшнее время, не рѣдко смотрятъ на священника свысока, пренебрежительно, не желаютъ слушать его бесѣдъ и наставленій и желаютъ поскорѣе избавиться отъ его присутствія. Въ селахъ и деревняхъ напротивъ священникъ встрѣчается съ бо́льшимъ уваженіемъ, радушіемъ и готовностью выслушать отъ него слово наставленія и назиданія; здѣсь священникъ чувствуетъ себя лицомъ болѣе авторитетнымъ и крестьянинъ относится къ его словамъ и наставленіямъ съ боль-

шимъ почтеніемъ, какъ къ голосу лица, стоящаго выше его по уму и образованію. Кромѣ того, жизнь крестьянъ съ ея добрыми и слабыми сторонами, съ ея радостями и печалями, съ ея бѣдностію, нуждой и горемъ доступнѣе для наблюденія пастыря, чѣмъ жизнь горожанъ, и представляетъ безчисленное множество случаевъ, вызывающихъ пастыря къ наставленію, вразумленію, обличенію и утѣшенію. А такія отношенія пастыря къ своимъ пасомымъ, конечно, представляютъ несравненно больше благопріятныхъ условій для успѣха пастырской дѣятельности.

Далѣе тѣ, которые говорятъ, что наше духовенство не имѣетъ вліянія на религіозно-нравственное развитіе народа, упускаютъ изъ виду одно изъ важнѣйшихъ средствъ, находящихся въ распоряженіи у духовенства для религіозно-нравственнаго воспитанія народа. Это средство—исповѣдь. На исповѣди предъ духовникомъ раскрываются тайники сердца человѣческаго, глубины жизни душевной; здѣсь онъ получаетъ возможность заглянуть во внутреннюю жизнь каждаго изъ своихъ пасомыхъ съ ея сокровенными побужденіями и стремленіями, видѣть незамѣтныя язвы и страданія души человѣческой и употреблять лучшія и болѣе вѣрныя средства для нравственнаго усовершенствованія своей паствы. Открывая свою душу предъ всевидящимъ Богомъ, въ присутствіи его служителя, облеченнаго властью вязать и рѣшить, произносить судъ надъ самыми сокровенными помышленіями и движеніями сердца человѣческаго, христіанинъ бываетъ болѣе, чѣмъ когда либо, расположенъ внимать совѣтамъ, наставленіямъ и обличеніямъ священника, какъ словамъ самого Бога. И безъ сомнѣнія неисчислима та польза духовная, которую получали и продолжаютъ получать въ этой врачебницѣ духовной всѣ прибѣгающія сюда христіанскія души: множество людей выходило и выходитъ отсюда съ бо-

лѣе живою и крѣпкою вѣрою въ Бога, съ миромъ и радостію въ сердцѣ, съ болѣе чистымъ и просвѣщеннымъ взглядомъ на жизнь, съ лучшими стремленіями, съ болѣе глубокимъ сознаніемъ своихъ нравственныхъ недуговъ и сокрушеніемъ о нихъ, твердою рѣшимостію отстать отъ прежнихъ пороковъ и страстей и начать жизнь новую, лучшую. Все это не подлежитъ сомнѣнію; но того религіозно-нравственнаго вліянія, какое оказываетъ духовенство на народъ при совершеніи таинства покаянія, нельзя ни взвѣсить, ни измѣрить; для этого нѣтъ никакихъ данныхъ статистики; это—тайна совѣсти духовныхъ врачей и врачуемыхъ.

Далѣе однимъ изъ лучшихъ средствъ къ религіозно-нравственному просвѣщенію нашего народа несомнѣнно служитъ богослуженіе православной церкви. Наше духовенство понимаетъ высокое образовательное значеніе православнаго богослуженія и содѣйствовало и содѣйствуетъ развитію въ народѣ горячей любви къ храму и церковному богослуженію, и этимъ оказало и оказываетъ значительную услугу дѣлу религіозно-нравственнаго воспитанія народа. Даже порицатели нашего духовенства признаютъ это вліяніе его на народъ; но они не только не видятъ въ этомъ никакой заслуги со стороны духовенства, напротивъ, этотъ фактъ даетъ имъ только новый поводъ къ обвиненію и порицанію духовенства. „Наше духовенство, говоритъ напр. г. Марковъ, взятое, какъ цѣлое сословіе, является представителемъ и проводникомъ въ народную массу не религіозно-нравственныхъ истинъ и вкусовъ, а внѣшней механической обрядности“.

Въ отвѣтъ на это обвиненіе надобно замѣтить, что православная церковь раскрыла христіанское ученіе не только теоретическимъ путемъ въ своихъ символахъ, пастырскихъ посланіяхъ, полемическихъ сочиненіяхъ противъ еретиковъ, въ словахъ, бесѣдахъ и экзегетическихъ трудахъ св. отцевъ и учителей; но

и путемъ, такъ сказать, наглядным и символическимъ—при помощи церковныхъ обрядовъ. Поэтому богослуженіе православной церкви не ограничивается чтеніемъ св. писанія, его объясненіемъ, совершеніемъ установленныхъ Богомъ таинствъ; эти существенныя составныя части христіанскаго богослуженія сопровождаются многими прекрасными и глубокознаменательными обрядами, изъ коихъ нѣкоторые ведутъ свое начало отъ первыхъ временъ христіанства. Не для украшенія богослуженія, не для приданія ему пышности и блеска введены и освящены церковію эти обряды; но для болѣе полнаго и лучшаго достиженія цѣли религіозно-нравственнаго воспитанія всѣхъ своихъ членовъ какъ образованныхъ, такъ о необразованныхъ; при помощи обрядовъ она достигаетъ того, что всѣ чада ея усвояютъ вѣру Христову какъ бы *наглядным способомъ*, при которомъ сущность и содержаніе христіанскаго ученія выражаются во внѣшнихъ образахъ и дѣйствіяхъ, и такимъ образомъ становятся доступными и понятными даже тѣмъ, которые по причинѣ своей необразованности и малаго умственнаго развитія неспособны къ пониманію и усвоенію высокихъ истинъ ученія Христова путемъ теоретическаго раскрытія. Богослужебные обряды нашей церкви имѣютъ тѣсную органическую связь съ религіозно-нравственнымъ христіанскимъ ученіемъ, служатъ прекраснымъ выраженіемъ и воплощеніемъ его; одни изъ нихъ служатъ выраженіемъ того или другаго догмата, другіе — проникнуты нравственнымъ ученіемъ, третьи служатъ живымъ напоминаніемъ замѣчательнѣйшихъ событій изъ жизни Спасителя. Прибавьте къ этому молитвы и пѣснопѣнія, которыми сопровождается каждое богослужебное дѣйствіе и каждый обрядъ церковный, и которыми объясняется глубокій смыслъ богослуженія и мысль христіанина вводится въ глубину догматическаго и нравственнаго

ученія Христова — и вы поймете, что православное богослуженіе съ его многочисленными обрядами назначено не къ развитію въ народѣ механической обрядности, а напротивъ къ раскрытію для него глубокихъ христіанскихъ истинъ, къ возбужденію въ немъ истинно-христіанскихъ чувствъ и стремленій, къ возвышенію сердца и мысли массъ въ самыя идеальныя области любви и правды. Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ того христіанскаго догмата, который не раскрывался бы въ церковныхъ молитвахъ и пѣснопѣніяхъ; нѣтъ того возвышеннаго и глубокаго христіанскаго чувства и стремленія, которое не возбуждалось бы въ сердцѣ христіанина церковными пѣснопѣніями; нѣтъ того подвига христіанской любви и самоотверженія, который не былъ бы прославленъ здѣсь и къ которому не возбуждалась бы душа христіанина; нѣтъ грѣха и порока, который не осуждался и не оплакивался бы церковію. Кто со вниманіемъ, усердіемъ и любовію присутствуетъ при православномъ богослуженіи, тотъ развиваетъ въ себѣ любовь не къ пустой обрядности, но къ истинно-христіанскому знанію, къ истинно-христіанской жизни, исполненной любви и правды; здѣсь—въ православномъ храмѣ даже простой, необразованный христіанинъ можетъ найти полное удовлетвореніе своимъ религіозно-нравственнымъ стремленіямъ; здѣсь онъ чувствуетъ себя въ присутствіи Бога и Христа Спасителя, слышитъ Его ученіе, созерцаетъ всю Его жизнь; здѣсь онъ слышитъ о высокихъ подвигахъ и добродѣтеляхъ святыхъ и праведныхъ людей. И не съ холодной душой, не съ пустымъ сердцемъ уходитъ онъ изъ храма; напротивъ, уноситъ отсюда въ душѣ своей высокіе идеалы христіанской любви, правды, нравственнаго совершенства и по мѣрѣ силъ своихъ и разумѣнія старается осуществить ихъ въ своей жизни. „Кто любитъ и знаетъ наше богослуженіе, тотъ находитъ въ немъ неисчер-

паемыя сокровища Боговѣдѣнія, благочестія, мысли, разума, красоты и поэзіи. Оно само по себѣ — училище для народа и живая проповѣдь, поучающая народъ—словомъ Божіимъ, молитвою, образами и звуками. Каждое слово въ немъ есть достояніе народное, и кто умѣетъ передать каждое слово во всемъ его значеніи, во всей его красотѣ и раскрыть предъ народомъ всѣ тайны сокрытыя въ чинѣ богослуженія, — тотъ совершаетъ благое, зиждительное дѣло для народа, просвѣщаетъ свѣтомъ людей во тьмѣ сидящихъ и исполняетъ великій долгъ свой въ церкви "[1]). Слѣдовательно, если бы пастырская дѣятельность русскаго духовенства и въ самомъ дѣлѣ обнаруживалась *исключительно* только въ развитіи и поддержаніи въ пасомыхъ любви къ церковному богослуженію; то и въ такомъ случаѣ оно исполнило бы не малую долю своихъ пастырскихъ обязанностей по отношенію къ народу и не могло-бы быть названо „проводникомъ въ народную массу не религіозныхъ истинъ и вкусовъ, а внѣшней механической обрядности". Думать, что православное богослуженіе есть не болѣе, какъ школа, развивающая въ народѣ привязанность къ механической обрядности, а пастыри церкви, возбуждающіе и поддерживающіе въ народѣ любовь къ храму Божію, суть не болѣе, какъ учители внѣшней обрядности,— позволительно только людямъ, отторгшимся отъ православной церкви и пренебрежительно относящимся къ ея ученію и уставамъ, или же людямъ, выросшимъ и доживающимъ свой вѣкъ въ крайнемъ невѣжествѣ относительно православной церкви и ея богослуженія.

Отъ указанныхъ нами разнообразныхъ и многочисленныхъ, хотя иногда мало замѣтныхъ, вліяній духовенства на народъ получается весьма замѣчатель-

---

1) Доброе слово воспитанникамъ духовныхъ семинарій и академій, стр. 43.

ный и важный результатъ, который называется *религіозно-нравственнымъ направленіемъ жизни русскаго народа*, о которомъ засвидѣтельствовалъ Достоевскій, говоря: „нашъ народъ просвѣтился уже давно, принявъ въ свою суть Христа и Его ученіе,.. въ огромномъ большинствѣ своемъ православенъ и живетъ идеей православія въ полнотѣ, хотя не разумѣетъ эту идею отвѣтчиво и научно“. Отъ той же причины берутъ свое начало: простая, но непоколебимая вѣра народа, поддерживавшая и поддерживающая его среди самыхъ тяжелыхъ страданій, выпадавшихъ на его долю впродолженіе всего историческаго его существованія,—правила христіанской нравственности, легшія въ основу его жизни, воплотившіяся въ его нравахъ и обычаяхъ и сообщившія русскому простому народу тотъ здравый смыслъ, который предохранилъ его отъ бредней и соблазновъ нашихъ мнимыхъ народолюбцевъ, „ходившихъ въ народъ“ съ цѣлію поколебать и уничтожить въ немъ вѣру въ Бога, извратить основы его нравственной жизни, поколебать его довѣріе къ пастырямъ своей церкви, возбудить въ немъ недовѣріе и подозрительность къ начальству, поселить недовольство своимъ состояніемъ и пр. Не въ этомъ ли вліяніи нашего духовенства на народъ заключается одна изъ причинъ той непримиримой ненависти противъ духовенства, тѣхъ неистовыхъ кликовъ ярости и злобы противъ него, которыми оглашаются въ послѣднее время страницы современной, особенно петербургской прессы? Современнымъ quasi-радѣтелямъ народнаго блага, пропитаннымъ анти-религіозными, анти-церковными, анти-правительственными стремленіями, не по душѣ религіозно-нравственный складъ жизни нашего народа; они изъ всѣхъ силъ стремятся изгладить непріятныя для нихъ черты нравственнаго его облика и создать его по *своему* образу. До сихъ поръ они пренебрежительно

относились къ нашему духовенству, не понимали ясно его силы и значенія въ жизни русскаго народа. Но послѣднія попытки ихъ—передѣлать народъ по своему образу—показали имъ незамѣтное, но глубокое вліяніе нашего духовенства на народъ; теперь они чуютъ правду, которая состоитъ въ томъ, что наше духовенство составляетъ великую зиждительную и охранительную силу въ жизни русскаго народа, что оно скромнымъ вліяніемъ своимъ создало для ихъ разрушительной дѣятельности такія препятствія, какихъ они не ожидали встрѣтить на своемъ пути. По нашему мнѣнію, этимъ въ значительной степени объясняется та ожесточенная ненависть, съ которою накинулась наша фальшиво-либеральная пресса на наше духовенство, стараясь его унизить, очернить, втоптать въ грязь, и тѣмъ подорвать его значеніе и авторитетъ въ глазахъ всего русскаго народа. Преслѣдуя послѣднюю цѣль, наши либералы не только разоблачаютъ дѣйствительные недостатки нашего духовенства (какое сословіе ихъ не имѣетъ?), но и выдумываютъ на него небылицы, клевещутъ на него. Они понимаютъ, что стоитъ только порвать связь духовенства съ народомъ, убить вліяніе его на народъ и возбудить въ послѣднемъ недовѣріе, ненависть и вражду къ духовенству,—поле для ихъ преступной дѣятельности окажется значительно расчищеннымъ.

Мы предвидимъ, что многіе, очень многіе отнесутся съ недовѣріемъ къ нашимъ словамъ о силѣ вліянія нашего духовенства на народъ. Но такихъ мы спросимъ: чѣмъ, какими другими вліяніями вы объясните религіозно-нравственный характеръ нашего народа? Если не признать воспитательнаго вліянія нашего духовенства на народъ, если согласиться съ мнѣніемъ г. Маркова, что наше духовенство „ни въ какомъ смыслѣ не можетъ считаться воплощеніемъ религіозной нравственности и органомъ способнымъ

привить къ народу привычки этой нравственности"; то, по нашему мнѣнію, нельзя будетъ указать достаточнаго объясненія религіозности нашего народа; его простую, но глубокую вѣру въ Бога, его жизнь, проникнутую смиреніемъ, кротостію и любовію, его любовь къ храму Божію надобно будетъ отнести къ числу явленій, не имѣющихъ достаточной причины, явленій загадочныхъ; вопросъ, какимъ образомъ нашъ народъ просвѣтился ученіемъ Христовымъ, принялъ въ свою *суть* Христа, усвоилъ идею православія и живетъ ею, долженъ будетъ остаться безъ отвѣта.

Мы не отрицаемъ, что наше духовенство имѣетъ значительные недостатки, что жизнь и дѣятельность его далеки отъ идеальнаго совершенства, что въ немъ не мало лицъ, унижающихъ своей жизнью высокое званіе пастыря церкви; но несмотря на это мы глубоко убѣждены въ томъ, что наше духовенство, какъ сословіе, по своимъ религіозно-нравственнымъ понятіямъ и убѣжденіямъ, по своимъ нравамъ и обычаямъ, по духу и направленію своей жизни и дѣятельности... (мы хотѣли сказать: *выше*, *чище*, чѣмъ другія сословія, но такъ какъ эти выраженія безъ сомнѣнія покажутся крайне преувеличенными и не справедливыми; то мы употребимъ вмѣсто нихъ самыя скромныя и сдержанныя) нисколько не ниже и не хуже другихъ сословій, а главное, гораздо ближе къ нашему народу, родственнѣе ему, чѣмъ всѣ другія сословія; при значительной степени образованности оно болѣе, чѣмъ всякое другое сословіе, сохранило въ себѣ черты русскаго истинно народнаго духа и характера и потому способнѣе понимать потребности нашего народа и удовлетворять имъ. Поэтому кто дорожитъ религіозно-нравственнымъ характеромъ нашего народа и желаетъ, чтобъ онъ не только удержался въ нашемъ народѣ, но еще больше развился и усовершенствовался; тотъ всѣми силами долженъ стараться о томъ, чтобъ

наше духовенство, проникнувшись болѣе живымъ сознаніемъ своего высокаго служенія и исправивъ свои недостатки, не только сохранило, но еще болѣе усилило и расширило свое вліяніе на народъ.

Но обратимся къ г. Маркову. Онъ обвиняетъ наше духовенство не за то только, что оно развиваетъ и укореняетъ въ народѣ любовь къ церковности, которая крайне антипатична петербургскому обличителю духовенства и пренебрежительно трактуется имъ какъ „церковно-богослужебная византійская символистика“, но и утверждаетъ, что духовенствомъ народъ пріучается къ „обрядности, чуждой самымъ основнымъ идеямъ христіанства“, что „живя подачками народа въ большей части мѣстностей Россіи, оно (духовенство) по неволѣ заинтересовано поддерживать многіе суевѣрные, вовсе нехристіанскіе обычаи и убѣжденія народа, уцѣлѣвшіе въ немъ отъ языческаго времени и неизбѣжно связанные съ матеріальной выгодой духовенства въ видѣ платы деньгами, приношеній натурою, угощенія и пр.“. При чтеніи этихъ тяжкихъ обвиненій, взводимыхъ г. Марковымъ на наше духовенство, у всякаго, кто вслѣдствіе вражды къ духовенству не потерялъ еще способности безпристрастно отнестись къ обвиняемому, естественно является желаніе слышать отъ обвинителя подтвержденіе его упрекамъ; но, къ удивленію, эти обвиненія у г. Маркова оставлены безъ всякаго подтвержденія и фактическихъ доказательствъ; нашъ обличитель предоставляетъ самому читателю его филиппикъ догадываться, какія данныя послужили основаніемъ къ выводу, что духовенство поддерживаетъ въ своихъ пасомыхъ языческіе обычаи и убѣжденія и пріучаетъ ихъ къ обрядности, чуждой основнымъ христіанскимъ идеямъ. Мы довольно близко знакомы съ жизнью русскаго духовенства какъ городскаго, такъ въ особенности сельскаго. Прочитавши сейчасъ приведенное обвиненіе г. Маркова, мы

постарались воспроизвесть въ своей мысли по возможности весь образъ жизни нашего духовенства, чтобы догадаться, что̀ подало г. Маркову поводъ сказать, будто духовенство поддерживаетъ въ народѣ любовь къ обрядности, чуждой основнымъ идеямъ христіанства, будто оно ради матеріальной своей выгоды поддерживаетъ въ пасомыхъ языческіе обычаи и убѣжденія — и не могли припомнить ничего такого, что̀ могло-бы уполномочить г. Маркова произнести о нашемъ духовенствѣ столь рѣзкій и жесткій отзывъ. Наше духовенство строго держится обрядовъ православной церкви, вполнѣ согласныхъ съ духомъ христіанскаго ученія, а новыхъ, самоизмышленныхъ оно не вводитъ. Впрочемъ, въ обличеніяхъ г. Маркова есть два мѣста, которыя повидимому указываютъ, на какомъ основаніи наше духовенство обвиняется имъ въ распространеніи и поддержаніи среди народа грубыхъ и суевѣрныхъ обычаевъ и обрядовъ. Такъ на стр. 197 говорится, что „чѣмъ матеріальнѣе и грубѣе обычаи народа, тѣмъ ослзательнѣе отражаются они на благосостояніи духовенства. Частые праздники напр. значитъ частыя службы и частыя пированія, на которыхъ, конечно, необходится безъ духовенства“. Далѣе на стр. 216 г. Марковъ утверждаетъ, что полуграмотные сельскіе попы поучаютъ народъ, что въ благовѣщенскую пятницу работать нельзя, что на Ивана Постнаго круглаго не ѣдятъ, что въ Семенъ-день сѣмяна святятъ, а на Спасъ-Маккавея макъ съ медомъ нужно въ церковь неста“.

Неужели христіанскіе праздники и совершаемая въ праздничные дни служба церковная принадлежатъ къ матеріальнымъ и грубымъ обычаямъ народа? Ужели они существуютъ только потому, что духовенство ради своего благосостоянія и матеріальнаго прибытка находитъ нужнымъ поддерживать ихъ? и ужели духовенство обязано возставать противъ праздниковъ,

установленныхъ церковію въ воспоминаніе замѣчательнѣйшихъ событій изъ жизни Христа Спасителя, Богоматери и великихъ угодниковъ, прославленныхъ Богомъ, и внушать православному народу, что установленные церковію праздники и совершаемыя въ эти дни по ея уставу церковныя службы суть не болѣе какъ обычаи, свойственные только грубому и суевѣрному народу и подлежащіе уничтоженію? Ужели вы, г. Марковъ, такъ думаете о христіанскихъ праздникахъ, установленныхъ православною церковію и освящаемыхъ торжественнымъ богослуженіемъ?.. Впрочемъ, если для васъ христіанскій храмъ есть не болѣе, какъ „православное капище“, то неудивительно, что для васъ православные священники — грубые, полуязыческіе жрецы, а церковные праздники и неразлучное съ ними торжественное богослуженіе не болѣе, какъ суевѣрные и грубые обычаи народа, поддерживаемые духовенствомъ только ради того, что съ ними неразлучно связаны матеріальныя его выгоды въ видѣ платы деньгами, приношеній натурою, угощенія и пр. „Частые праздники, говорите вы, значитъ, частыя службы и частыя пированья, на которыхъ, конечно, не обходится безъ духовенства“. Какой жалкій и пошлый взглядъ на православное богослуженіе высказывается въ вашихъ словахъ! И какъ странно слышать такія сужденія отъ человѣка, ревнующато, повидимому, о христіанской религіи! И какія небылицы вы взводите на русское духовенство! Гдѣ вы видали, чтобъ за каждымъ праздничнымъ богослуженіемъ слѣдовало пированье, на которомъ не обходится безъ духовенства? Во многихъ храмахъ православной Россіи богослуженіе совершается чуть не каждый день: какъ это вы, г. Марковъ, не догадались сказать на этомъ основаніи, что наше духовенство пируетъ у своихъ прихожанъ каждый день?—Не отрицаемъ, что въ нѣкоторые праздники прихожане имѣютъ обычай предла-

гать своему причту церковному угощеніе. Но 1) праздниковъ, въ которые соблюдается этотъ обычай, весьма не много: это—Пасха, Рождество Христово и такъ называемые храмовые праздники; 2) духовенство вовсе не ищетъ и не требуетъ отъ прихожанъ этихъ угощеній; радушные прихожане сами предлагаютъ ихъ духовенству; послѣднее очень часто тяготится этими угощеніями и участвуетъ въ нихъ только потому, что не желаетъ своимъ отказомъ отъ предлагаемаго угощенія огорчить радушныхъ хозяевъ.... Совѣстно даже говорить о такихъ всѣмъ извѣстныхъ вещахъ, но не говорить о нихъ все-таки нельзя въ виду крайне обидныхъ и несправедливыхъ нареканій на наше духовенство со стороны такихъ людей, какъ г. Марковъ и ему подобные, которые до такой степени озлоблены противъ русскаго духовенства, что каждое его дѣйствіе выводятъ изъ самыхъ низкихъ, своекорыстныхъ, и чувственныхъ побужденій, — которые что ни станутъ разбирать въ жизни духовенства, „имѣютъ даръ одно худое видѣть“.

Не та же ли слѣпая злоба противъ русскаго духовенства вызвала и слѣдующія слова г. Маркова: полуграмотные сельскіе попы поучаютъ народъ, что въ Благовѣщенскую пятницу работать нельзя, что на Ивана Постнаго круглаго не ѣдятъ и пр...? Гдѣ, въ какомъ сельскомъ приходѣ нашелъ г. Марковъ полуграмотнаго попа? Въ нынѣшнее время, смѣемъ увѣрить г. Маркова, ни въ одномъ сельскомъ приходѣ нѣтъ полуграмотныхъ священниковъ; почти всѣ они кончили курсъ въ духовныхъ семинаріяхъ, получили достаточное образованіе и никакъ не могутъ быть приравнены къ тѣмъ кандидатамъ на священство, на которыхъ жаловался нѣкогда Геннадій Новгородскій. Какъ ни плохо думаетъ г. Марковъ о семинарскомъ образованіи, но смѣемъ увѣрить его, что ученики духовныхъ семинарій выходятъ оттуда съ достаточ-

нымъ пониманіемъ религіозно-нравственнаго ученія Христова и свободными отъ тѣхъ жалкихъ суевѣрныхъ понятій и мнѣній, которыя приписываются г. Марковымъ сельскому духовенству и которыя на самомъ дѣлѣ свойственны развѣ темной крестьянской бабѣ. Сдѣлаемъ уступку г. Маркову и допустимъ, что гдѣ нибудь въ сельскихъ захолустьяхъ Россіи дѣйствительно существуютъ, къ его удовольствію или неудовольствію, полуграмотные священники, зараженные предразсудками и суевѣріями. Но на основаніи такихъ единичныхъ исключительныхъ примѣровъ логично ли. справедливо ли судить о цѣломъ духовномъ сословіи? Нелѣпыя обвиненія, взводимыя на духовенство людьми въ родѣ г. Маркова, показываютъ, что обличители нашего духовенства совсѣмъ не знаютъ его, сражаются съ чѣмъ-то воображаемымъ —съ тѣмъ смѣшнымъ, жалкимъ и ненавистнымъ представленіемъ о духовенствѣ, какое образовалось въ ихъ головахъ не на основаніи дѣйствительнаго знакомства съ жизнію и бытомъ духовенства, а на основаніи тѣхъ жалкихъ беллетристическихъ созданій нашей quasi-реалистической литературы, въ которыхъ духовныя лица представляются непремѣнно людьми нелѣпыми и уродливыми во всѣхъ отношеніяхъ: здѣсь всегда придается имъ неотесанная, угловатая наружность, странный до безобразія уродливый жаргонъ, дикія мысли, пошлыя побужденія, извращенныя нравственныя понятія и суевѣрныя религіозныя представленія. Въ такихъ беллетристическихъ произведеніяхъ такъ и сквозитъ желаніе авторовъ—выставить священниковъ и діаконовъ на посмѣяніе и потѣху публики. Но въ подобныхъ произведеніяхъ, представляющихъ каррикатуру нашего духовенства, столько же правды, сколько и въ произведеніяхъ г. Глѣба Успенскаго, имѣющаго претензію изобразить умственный и нравственный обликъ нашего крестьянина.

Наше духовенство получаетъ необходимыя средства къ жизни отъ своихъ прихожанъ или въ видѣ платы деньгами, или въ видѣ разнообразныхъ приношеній натурою за совершеніе такъ называемыхъ требъ церковныхъ. Этотъ способъ полученія духовенствомъ необходимыхъ средствъ къ существованію г. Маркову и ему подобнымъ даетъ поводъ къ самымъ оскорбительнымъ и позорнымъ отзывамъ о нашемъ духовенствѣ. За это называютъ его „жрецомъ православнаго капища, униженно звенящимъ кошелькомъ и жадно обирающимъ пироги“,—говорятъ, что оно „гоняется за кусками, гривенниками, т. е. за грубой и осязательной выгодой“, „живетъ подачками народа“, „не выходя изъ церкви, на глазахъ своихъ прихожанъ, жадно торгуется за каждый лишній грошъ въ свою пользу“, „всею своею жизнію провозглашаетъ одинъ грубый культъ мамоны“, „деретъ съ живаго и мертваго“..., но всѣхъ варіацій на эту тему не перечислишь.

Всѣ эти и подобные оскорбительные отзывы о духовенствѣ крайне несправедливы и не дѣлаютъ чести тѣмъ, кому они принадлежатъ. Если крестьянинъ, не понимая трудности и важности пастырскаго служенія, говоритъ о священникѣ, что онъ деретъ съ живаго и мертваго; то подобныя слова до нѣкоторой степени извинительны крестьянину ради его грубости и необразованности. Но выраженія пренебреженія къ духовенству за то, что оно „питается отъ святилища, живетъ отъ благовѣствованія“, непростительны людямъ, причисляющимъ себя къ разряду людей образованныхъ. Если осуждающіе духовенство за то, что оно получаетъ содержаніе отъ своихъ пасомыхъ, дѣйствительно принадлежатъ къ людямъ умнымъ и образованнымъ; то они должны знать и помнить ту несомнѣнную истину, что всякій честно трудящійся, всякій проходящій извѣстную должность въ обществѣ имѣетъ право на соотвѣтственное вознагражденіе за

свой трудъ,—что вознагражденіе это составляетъ его законную собственность, пріобрѣтенную его трудомъ, что трудящійся можетъ требовать извѣстной платы съ спокойной совѣстью и безъ униженія своего достоинства и чести, и никто не можетъ попрекнуть его за это какимъ нибудь обиднымъ словомъ. Вы, г. Марковъ и всѣ вамъ подобные, знаете, что поденщикъ, мастеровой, фабричный, чиновники, отъ самаго незначительнаго до самаго высшаго ранга, получаютъ вознагражденіе за свой трудъ, въ видѣ-ли поденной платы, или въ видѣ опредѣленнаго жалованья; проходитъ день—поденьщикъ требуетъ отъ хозяина условленной платы; проходитъ недѣля, мѣсяцъ—мастеровые, фабричные, чиновники приходятъ за своимъ жалованьемъ,—и вы, конечно, не осуждаете, не презираете ихъ за это; потому что вы хорошо помните, что они не за подачками, не за милостыней пришли,—а за тѣмъ, что̀ пріобрѣли своими трудами, на что̀ имѣютъ неотъемлемое право, какъ на законное свое достояніе. И духовенство служитъ благу общества, удовлетворяетъ высшимъ его потребностямъ и интересамъ. Служеніе духовнаго сословія, по своему значенію, выше служенія всякаго другаго сословія и соединено съ многочисленными трудами и подвигами не только физическими, но и нравственными, съ великою и страшною отвѣтственностію предъ Богомъ. Поэтому и духовенство имѣетъ законное право на вознагражденіе за свои труды, за свое служеніе обществу. Между трудами духовенства и платой за нихъ, получаемой отъ пасомыхъ деньгами, или натурой, существуетъ такое же отношеніе, какое находится между службой каждаго общественнаго дѣятеля и его жалованьемъ. Послушайте, что говоритъ Апостолъ въ защиту права пастырей церкви—получать содержаніе отъ своихъ пасомыхъ: „*какой воинъ служитъ когда-либо на своемъ содержаніи? Кто, насадивъ виноградъ, не ѣстъ пло-*

довъ его? Кто, пася стадо, не ѣстъ молока отъ стада? По человѣческому ли только разсужденію я это говорю? Не то же ли говоритъ и законъ? Ибо въ Моисеевомъ законѣ написано: не заграждай рта у вола молотящаго. О волахъ ли печется Богъ? Или, конечно, для насъ говорится? Такъ для насъ сіе написано... Если мы посѣяли въ васъ духовное, велико ли то, если пожнемъ у васъ тѣлесное?... Развѣ не знаете, что священнодѣйствующіе питаются отъ святилища? Что служащіе жертвеннику берутъ долю отъ жертвенника? Такъ и Господь повелѣлъ проповѣдующимъ Евангеліе жить отъ благовѣствованія“ (1 Кор. 9, 7—14). Если вы признаете, что всякій общественный дѣятель имѣетъ право на получаемое имъ жалованье, какъ на свою собственность, пріобрѣтенную его трудами; то вы должны признать, что и духовенство имѣетъ такое же законное право на вознагражденіе за свои труды для народа, и не должны называть этого вознагражденія, какую бы форму оно ни имѣло, презрительнымъ именемъ *подачекъ*. Если ни къ кому изъ трудящихся и служащихъ для общества вы не смѣете отнестись пренебрежительно за то, что онъ требуетъ за свой трудъ вознагражденія; то какъ смѣете, какое право имѣете вы бросать обидныя укоризны въ лицо духовенству за то, что за свою службу оно получаетъ извѣстную плату? почему только одно духовенство вы лишаете права смотрѣть на приношенія, получаемыя имъ отъ прихожанъ какъ на свою собственность, а не какъ на подачки, бросаемыя нищему? Если чиновникъ, получая жалованье, не теряетъ чести, не унижаетъ своего достоинства въ вашихъ глазахъ, не возбуждаетъ въ васъ обиднаго для него подозрѣнія, что онъ проходитъ свою должность ради корысти, ради „грубой и матеріальной выгоды“; то почему же вы не остаетесь на той же точкѣ зрѣнія, когда видите свя-

щенника, получающаго гривенники, гроши и приношенія натурою, составляющіе единственное вознагражденіе за его труды,—почему вы клеймите его позорнымъ прозвищемъ „жреца, униженно звенящаго кошелькомъ и жадно обирающаго пироги?“ почему вы обижаете его подозрѣніемъ, что онъ проходитъ свое высокое служеніе безъ усердія, безъ пониманія его значенія, единственно для *гнусной корысти*, для грубой и осязательной выгоды? Все это крайне несправедливо и обидно для духовенства. Но горечь этой несправедливости и обиды увеличивается еще въ нѣсколько разъ, когда духовенство вспоминаетъ о томъ, что не по своей винѣ очутилось оно въ положеніи сословія, живущаго на счетъ своихъ прихожанъ, питающагося отъ добровольныхъ подаяній своихъ пасомыхъ. Это положеніе создалось для него не по его желанію, а вслѣдствіе историческихъ, отъ него независѣвшихъ, обстоятельствъ.

Но защищая духовенство противъ нападеній и насмѣшекъ г. Маркова указаніемъ на право духовенства—получать необходимыя средства для жизни отъ своихъ прихожанъ, мы ни на минуту не забываемъ, что существующій способъ обезпеченія быта духовенства, не смотря на то, что это способъ „евангельскій, апостольскій, каноническій“, не одному г. Маркову подаетъ поводъ къ насмѣшкамъ и глумленію надъ духовенствомъ; къ праву пастырей церкви жить отъ благовѣствованія относится съ предубѣжденіемъ значительное большинство нашего общества: въ настоящее время *немногіе* изъ среды нашего общества признаютъ этотъ способъ пропитанія духовенства законнымъ и приличнымъ, немногіе относятся къ нему съ должнымъ уваженіемъ и свободны отъ поползновенія бросить насмѣшку или укоризну въ лицо духовныхъ пастырей именно за то, что послѣдніе живутъ добровольными приношеніями своихъ прихо-

жанъ; огромное же большинство православныхъ мірянъ, подобно г. Маркову, пренебрежительно и насмѣшливо относятся къ праву духовенства на полученіе содержанія отъ прихожанъ и на духовенство расположено смотрѣть не болѣе, какъ на сословіе нищихъ, имѣющихъ жалкую привиллегію жить на чужой счетъ, на дармоѣдовъ, эксплуататоровъ чужаго кармана и пр., и преслѣдуетъ его язвительными насмѣшками. Въ такомъ направленіи современнаго общественнаго мнѣнія, для котораго очень не рѣдко и авторитетъ Спасителя, Его апостоловъ и церкви не имѣетъ большаго значенія, заключается причина того, почему наше духовенство считаетъ унизительнымъ свое положеніе, тяготится имъ и желаетъ избавиться отъ него. Но это естественное и справедливое желаніе становится поводомъ къ новымъ нареканіямъ на духовенство. Слыша его жалобы на унизительность существующаго способа обезпеченія духовенства, нѣкоторые подозрѣваютъ, будто наше духовенство не уважаетъ авторитета Христа Спасителя и Его апостоловъ, „считаетъ для себя унизительнымъ то, что установлено Іисусомъ Христомъ, заповѣдано Апостолами и признано всею церковію въ ея каноническихъ установленіяхъ“[1]). Но это обвиненіе едвали можно назвать основательнымъ. Наше духовенство тяготится существующимъ способомъ пропитанія, считаетъ его унизительнымъ для себя не по недостатку уваженія къ тому, что установлено І. Христомъ, заповѣдано Апостолами и признано всею церковію; но потому, что это каноническое установленіе служитъ въ настоящее время поводомъ къ униженію достоинства и чести духовенства.

Но скажутъ: „если духовенство убѣждено въ законности своего права жить добровольными приношеніями своихъ прихожанъ; то пусть оно и пользуется

---

1) Бѣлое духовенство и его интересы, стр. 170.

имъ, не смущаясь общественнымъ мнѣніемъ, которое часто бываетъ ошибочно и превратно, не обращая вниманія на злостные пересуды тѣхъ, которые не понимаютъ каноническаго основанія этого права". Но если бы наше духовенство поступало согласно такому требованію и равнодушно относилось къ общественному мнѣнію, позорящему его честь и доброе имя; то оно много повредило бы себѣ и своему служенію. По нашему мнѣнію, рекомендуемое духовенству равнодушіе къ общественному мнѣнію было бы достойно осужденія. Примѣръ апостола Павла побуждаетъ пастырей церкви заботиться о поддержаніи своей чести и добраго имени въ глазахъ своихъ пасомыхъ. Когда враги апостола, желавшіе унизить его достоинство, стали внушать коринѳскимъ христіанамъ, что онъ— человѣкъ своекорыстный, любящій жить на чужой счетъ, но при этомъ до такой степени хитрый, что при помощи своего лукавства незамѣтнымъ образомъ умѣетъ достигать своихъ корыстныхъ цѣлей (2 Кор. 12, 16); то апостолъ нашелъ ли возможнымъ равнодушно относиться къ такому унизительному мнѣнію о немъ? нашелъ ли возможнымъ спокойно пользоваться правомъ проповѣдника Евангелія жить отъ благовѣствованія? Нѣтъ, глубоко убѣжденный въ своемъ правѣ ѣсть и пить у тѣхъ, въ комъ „посѣялъ онъ духовное", проникнутый уваженіемъ къ тому, что установлено І. Христомъ относительно содержанія проповѣдниковъ Евангелія, апостолъ однакожъ отказывается пользоваться этимъ правомъ тамъ, гдѣ замѣтилъ недостатокъ уваженія къ этому праву, наклонность перетолковывать его къ униженію чести и добраго имени проповѣдника Евангелія; потому онъ говоритъ Коринѳянамъ: *я не пользовался* у васъ *ничѣмъ таковымъ..., чтобы никто не уничтожилъ похвалу мою и дабы не поставить какой преграды благовѣствованію Христову* (1 Кор. 9, 12. 15);

будучи у васъ, хотя я терпѣлъ недостатокъ, никому недокучалъ..., я старался и постараюсь небытъ вамъ въ тягостъ (2 Кор. 11, 8. 9.), тогда какъ отъ другихъ церквей, которыя уважали это право, апостолъ не отказывался принимать приношенія: *другимъ церквамъ я причинялъ издержки, получая отъ нихъ содержаніе для служенія вамъ* (2 Кор. 11, 8).

На основаніи этого апостольскаго примѣра, думаемъ, что и наше духовенство, подвергаясь осужденію, насмѣшкамъ и клеветамъ за то, что живетъ добровольными приношеніями своихъ прихожанъ, имѣетъ въ этомъ *достаточное* основаніе—тяготиться *каноническимъ* способомъ обезпеченія своего быта и желать замѣны его какимъ нибудь-другимъ. Оно глубоко чувствуетъ презрительное къ себѣ отношеніе общественнаго мнѣнія изъ-за грошей и гривенниковъ, собираемыхъ имъ для своего пропитанія, и молитъ правительство и общество о томъ, чтобъ избавили его отъ горькой необходимости—быть предметомъ посмѣянія, презрѣнія и обидныхъ попрековъ, и дали ему возможность и средства для приличнаго и неунизительнаго существованія. Теперешній способъ обезпеченія быта духовенства не только унижаетъ достоинство и честь священниковъ тѣмъ, что подаетъ пасомымъ поводомъ думать о своихъ пастыряхъ, какъ людяхъ корыстолюбивыхъ, какъ нищихъ, живущихъ подачками и жадно выпрашивающихъ лишній грошъ въ свою пользу; но и много вредитъ успѣху пастырскаго служенія, поставляетъ преграды благовѣствованію Христову. При нынѣшней зависимости духовенства отъ прихожанъ, относительно матеріальнаго его обезпеченія, при нынѣшнемъ презрительномъ и подозрительномъ отношеніи къ нему общества, въ каждомъ его дѣйствіи расположены видѣть своекорыстные разсчеты, заботу о грошахъ и гривенникахъ; каждое появленіе священника въ средѣ пасомыхъ

почти неминуемо возбуждаетъ въ нихъ унизительную для его чести мысль объ ожиданіи имъ подачекъ отъ прихожанъ; даже въ усердномъ и неопустительномъ совершеніи имъ службъ церковныхъ предполагаютъ служеніе только гнусной корысти: частыя службы церковныя, по объясненію г. Маркова, означаютъ *частыя пированья, на которыхъ, конечно, не обходится безъ духовенства.* Съ другой стороны, при теперешнемъ способѣ обезпеченія своего быта, пастырь церкви лишается значительной доли свободы, независимости и настойчивости въ своей дѣятельности: сознаніе того, что средства къ его существованію находятся въ рукахъ пасомыхъ, очень часто отнимаетъ у него силу слова и дѣла—заставляетъ его молчать тамъ, гдѣ слѣдовало бы ему возвышать голосъ и обличать, заставляетъ его уступать тамъ, гдѣ слѣдовало бы настаивать и требовать. Какъ бы глубоко ни былъ убѣжденъ священникъ въ своемъ правѣ на полученіе отъ своихъ прихожанъ вознагражденія за свои труды для нихъ,—онъ никогда не можетъ быть спокоенъ и свободенъ отъ чувства униженія, зная, что пасомые не признаютъ законности этого права, наклонны видѣть въ пользованіи имъ посягательство на ихъ карманъ и потому не прочь при случаѣ обидѣть своего пастыря не только мыслью, но и намекомъ и укоризной; а сознаніе того, что приходится добывать средства къ существованію путемъ, по мнѣнію общества, позорнымъ, нравственно гнететъ его и убиваетъ въ немъ мужество и энергію.

Если положеніе нашего духовенства, неимѣющаго другихъ средствъ къ существованію, кромѣ добровольныхъ приношеній, или выражаясь презрительнымъ словомъ нашей литературы, кромѣ *подачекъ* отъ прихожанъ,—представляется нашему обществу позорнымъ и унизительнымъ и полагаетъ значительныя препятствія религіозно-нравственному вліянію нашего духо-

венства на народъ; то естественнѣе всего было бы ожидать, что мольба нашего духовенства объ измѣненіи тяжелыхъ и унизительныхъ условій его быта встрѣчена будетъ нашимъ обществомъ съ горячимъ сочувствіемъ; естественнѣе всего было бы думать, что наше общество съ готовностью поможетъ своимъ духовнымъ пастырямъ выйти изъ унизительнаго положенія и устроитъ ихъ матеріальный бытъ такъ, что уже не останется въ немъ ничего, подающаго поводъ къ осужденію и насмѣшкамъ надъ духовенствомъ. Эти надежды на общество представлялись естественными потому, что обличители духовенства съ своими многочисленными единомышленниками выставляютъ себя людьми, крайне озабоченными благомъ церкви, искренно радѣющими о религіозно-нравственномъ воспитаніи народа. Если они дѣйствительно дорожатъ достоинствомъ и значеніемъ церкви Христовой; то, думалось, они не могутъ не дорожить и честью ея пастырей; если они не притворно радѣютъ о религіозно-нравственномъ воспитаніи народа; то, казалось, они не могутъ равнодушно относиться и къ судьбѣ проповѣдниковъ и проводниковъ религіи и нравственности въ жизнь народа. Но что же мы видимъ на самомъ дѣлѣ? Видимъ, что радѣтели религіозности и нравственности народа только изощряются въ насмѣшкахъ надъ духовенствомъ и выставляютъ его на всеобщій позоръ и посмѣяніе; видимъ, что надъ духовенствомъ глумится чуть не вся Россія, предводительствуемая особенно петербургской свѣтской прессой; но нигдѣ почти не видимъ искренняго и теплаго участія къ положенію духовенства, не видимъ искренняго желанія избавить его отъ всеобщаго поруганія, не видимъ со стороны общества серьезныхъ мѣръ къ устраненію положенія, лишающаго пастырей церкви уваженія и авторитета въ глазахъ пасомыхъ. Если на взглядъ общества духовенство, живя *подач-*

ками народа, становится живымъ опроверженіемъ проповѣдуемаго имъ христіанскаго ученія, если принимая куски, гроши и гривенники отъ прихожанъ, оно выставляется предъ обществомъ „жрецомъ православнаго капища, униженно звенящимъ кошелькомъ и жадно обирающимъ пироги“, „всею своею жизнью провозглашающимъ одинъ грубый культъ мамоны“; то слѣдовало бы ожидать, что наше общество, руководимое интеллигентными радѣтелями и печальниками блага и достоинства церкви и религіозно-нравственнаго воспитанія народа, сочтетъ своей священной и неотложной обязанностью—какъ можно скорѣе вывести своихъ пастырей духовныхъ изъ этого позорнаго положенія, избавить ихъ отъ горькой необходимости—жить этими презрѣнными *подачками* народа въ видѣ грошей, гривенниковъ, приношеній натурою, и обезпечить ихъ бытъ такъ, чтобы имъ уже не было нужды являться среди своихъ прихожанъ въ качествѣ презрѣнныхъ нищихъ. Между тѣмъ, когда поднятъ былъ вопросъ объ улучшеніи быта духовенства, когда всѣ сословія призваны были къ участію въ рѣшеніи этого вопроса; то самымъ наглядным образомъ обнаружилось въ представителяхъ нашего общества отсутствіе готовности оградить достоинство и честь своихъ духовныхъ пастырей отъ униженія и позора и вывести ихъ изъ того положенія, которое подаетъ нашему обществу поводъ глумиться надъ ними. Намъ кажется, ниже приводимыя слова довольно удачно характеризуютъ отношеніе общества къ вопросу объ улучшеніи быта духовенства: „У губернаторовъ была одна забота, чтобы, сохрани Господи, не было сдѣлано отступленія отъ мѣръ, предначертанныхъ правительствомъ; губернскіе предводители дворянства слѣдили болѣе всего за тѣмъ, чтобы у представляемыхъ ими дворянъ, послѣ недавняго погрома съ ними, не отобрали и послѣднихъ

крохъ въ пользу духовенства; предсѣдатели земскихъ управъ соглашались на всякую мѣру, лишь бы не трогали земства; управляющіе палатами государственныхъ имуществъ считали своею главнѣйшею обязанностью зорко смотрѣть, какъ бы не отошло въ пользу духовенства какого-либо клочка казенной земли, или какой-либо арендной статьи, приносившей доходъ крестьянамъ; губернскіе городскіе головы изъявляли полнѣйшее согласіе на всякую мѣру къ обезпеченію духовенства, чрезъ отнятіе чего-бы то ни было у дворянъ и крестьянъ, но отъ представляемыхъ ими городовъ не давали ни гроша. Одни изъ этихъ представителей не имѣли никакого понятія о церковныхъ нуждахъ и потребностяхъ; другіе смотрѣли на дѣло обезпеченія быта духовенства съ полнымъ равнодушіемъ; третьи, и особенно иновѣрцы (потому что и они находились въ числѣ представителей), были бы пожалуй не прочь „обезпечить“ духовенство такъ, какъ одинъ изъ римскихъ императоровъ обезпечилъ римскихъ нищихъ: взялъ ихъ, посадилъ на лодки, да потомъ и велѣлъ утопить всѣхъ заразъ въ Тибрѣ“ [1]). Эти *горячія* заботы представителей нашего общества о благѣ пастырей церкви разрѣшились, какъ извѣстно, закрытіемъ тысячъ церквей,—мѣрой, которая не вывела духовенства изъ унизительнаго его положенія и осуждена была самимъ обществомъ прежде, чѣмъ приведена была въ исполненіе.

Теперь хотятъ рѣшить вопросъ (или лучше обойти его рѣшеніе) объ улучшеніи быта духовенства мѣрами, могущими привести къ еще худшимъ послѣдствіямъ, чѣмъ закрытіе церквей и приходовъ. Теперь составляются проекты (и многимъ они пока очень нравятся) о пониженіи уровня образованія пастырей церкви; нынѣшнее де духовенство слишколъ требо-

---

[1]) Бѣлое духовенство и его интересы, стр. 25.

вательно относительно средствъ къ жизни потому, что образованіе развиваетъ въ человѣкѣ такіе вкусы и потребности, для удовлетворенія которыхъ нужны значительныя матеріальныя средства. Дайте приходамъ право избирать пастырей духовныхъ изъ людей, прошедшихъ кое-какую школу, стоящихъ по своему образованію не многимъ выше грамотнаго мужика— и обществу не нужно будетъ рѣшать непріятнаго вопроса объ улучшеніи быта духовенства; онъ рѣшится самъ собою отчасти потому, что къ членамъ новаго духовенства, какъ вышедшимъ изъ народной среды, народъ будетъ относиться съ бо̀льшимъ сочувствіемъ; отчасти потому, что новые пастыри, какъ люди неизбалованные жизнію, выросшіе среди условій, недалеко ушедшихъ отъ нищеты, будутъ довольствоваться и скудными средствами,—не только не будутъ надоѣдать обществу своимъ нытьемъ о бѣдности и унизительности своего положенія, но будутъ жить, идиллически наслаждаясь своимъ скромнымъ существованіемъ; наконецъ, можетъ быть, потому, что духовенство въ новомъ составѣ, вслѣдствіе своей малообразованности, будетъ не чувствительно къ насмѣшкамъ надъ *подачками*.

Прислушиваясь къ глумленію и насмѣшкамъ общества надъ духовенствомъ и въ тоже время видя, по меньшей мѣрѣ, равнодушіе нашего общества къ такому важному вопросу, какъ вопросъ о доставленіи духовенству возможности—получать средства къ существованію способомъ для него не унизительнымъ, съ чѣмъ въ значительной степени связано возвышеніе нравственнаго вліянія его на общество — невольно усумнишься въ чистотѣ и искренности побужденій тѣхъ людей, которые безчестятъ и позорятъ духовенство, прикрываясь своими заботами о вѣрѣ и нравственности народа.—И посмотрите, въ какое безвыходное нравственное положеніе поставлено наше духо-

венство! Духовенство получаетъ средства жизни изъ того источника, который узаконенъ Спасителемъ, Его апостолами, церковными канонами—оглашаютъ весь міръ пренебрежительными толками о его поборахъ, жадности, вымогательствѣ, говорятъ, что оно нищенствуетъ, гоняется за кусками, грошами, гривенниками, отправляетъ грубый культъ мамоны. Чувствуя тяжесть этихъ попрековъ, глумленія, постоянныхъ уязвленій, духовенство умоляетъ общество и правительство—существующій способъ полученія имъ средствъ къ жизни замѣнить другимъ въ видѣ опредѣленнаго достаточнаго оклада, собираемаго уже не имъ самимъ въ видѣ кусковъ, пироговъ, грошей и гривенниковъ—ему говорятъ, что у государства и общества недостанетъ средствъ къ обезпеченію *такимъ путемъ* нашего многочисленнаго духовенства, и въ добавокъ къ этому обличаютъ его въ неуваженіи и пренебреженіи къ тому, что̀ установлено самимъ Спасителемъ, заповѣдано апостолами и признано всею церковію. Духовенство рѣшается само помогать себѣ, безъ содѣйствія общества старается выбиться изъ своего тяжелаго и унизительнаго положенія, устроя эмеритальныя кассы, банки, свѣчные заводы—его упрекаютъ въ торгашествѣ, въ служеніи грубому коммерческому и утилитарному началу. — Стыдъ и позоръ нашему обществу, что оно, признавая унизительнымъ теперешнее положеніе пастырей церкви, не только не думаетъ поставить ихъ въ лучшія условія жизни и въ болѣе благородныя отношенія къ своимъ пасомымъ, но еще издѣвается и глумится надъ ними!!!

„У насъ священникъ немыслимъ, какъ наставникъ, совѣтникъ и утѣшитель семьи въ ея затрудненіяхъ и горѣ, и вообще во всѣхъ случаяхъ ея внутренней духовной жизни, какими несомнѣнно являются священники многихъ другихъ европейскихъ об-

ществъ“ (206), изрекаетъ г. Марковъ и причисляетъ нашихъ священниковъ къ разряду лицъ, „которыя почти никогда не захотятъ, да и не съумѣютъ ни разъяснить ничего, ни поучить ничему“ (210).

Читая эти изрѣченія петербургской пиѳіи, не знаешь, чему приписать ихъ—ожесточенной-ли ненависти противъ нашего духовенства, или крайнему невѣжеству касательно его жизни и его отношеній къ своимъ пасомымъ. Мы болѣе склонны приписать ихъ первой причинѣ, чѣмъ послѣдней. Только предположивъ клокотаніе ожесточенной ненависти въ сердцѣ г. Маркова, можно понять, какъ повернулся у него языкъ сказать о нашихъ священникахъ, что они „немыслимы, какъ наставники, совѣтники и утѣшители семьи“... „почти никогда не захотятъ, да и не съумѣютъ ни разъяснить ничего (народу), ни поучить ничему“. Если бы онъ не утратилъ трезвости мысли и ясности сужденія подъ вліяніемъ страсти, и если-бы въ немъ была хоть малая доля спокойствія, то, по нашему мнѣнію, онъ не могъ бы не замѣтить въ жизни нашего особенно теперешняго духовенства многихъ явленій, которыя удержали бы его отъ такого безпощаднаго приговора надъ нашимъ духовенствомъ.

„У насъ священникъ немыслимъ, какъ наставникъ, совѣтникъ и утѣшитель семьи въ ея затрудненіяхъ и горѣ“!...Сказано сильно!но кого разумѣть подъ словомъ: *у насъ?* Если разумѣть васъ, г. Марковъ, и всѣхъ тѣхъ, которые раздѣляютъ ваши взгляды на православную церковь и ея пастырей, то мы вполнѣ согласны, что для васъ и вамъ подобныхъ нашъ священникъ немыслимъ, какъ наставникъ, совѣтникъ и утѣшитель семьи. Мыслимое-ли дѣло, чтобы вы и ваши единомышленники обратились за наставленіемъ къ кому-нибудь изъ тѣхъ, кто, по вашему мнѣнію, и не желаетъ и не умѣетъ научить кого-нибудь чему нибудь? Мыслимо-ли, чтобы вы стали искать совѣта

и утѣшенія у того, кто представляется вамъ чѣмъ-то въ родѣ хищника, думающаго только о своей наживѣ, — у „жреца православнаго капища, униженно звенящаго кошелькомъ — жадно обирающаго пироги, всею своею жизнью провозглашающаго одинъ грубый культъ мамоны“? Мыслимы-ли для васъ близкія, дружественныя и почтительныя отношенія къ члену того сословія, которое „ни въ какомъ смыслѣ не можетъ считаться воплощеніемъ религіозной нравственности“? Скорѣе всего надобно думать, что вы, воображая себя носителемъ и ревнителемъ истинной христіанской вѣры и нравственности, бѣжите отъ священника, какъ грубаго язычника; присутствіе его въ вашемъ домѣ было бы для васъ крайне непріятно и тяжело; вы отнеслись бы къ священнику съ леденящей холодностью, съ пренебреженіемъ и постарались бы скорѣе отдѣлаться отъ него. Есть-ли возможность для священника — быть для такихъ семей наставникомъ, совѣтникомъ и утѣшителемъ?... Но, къ счастью, вашъ лагерь не многочисленъ; далеко, далеко не всѣ въ русскомъ православномъ мірѣ держатся вашихъ воззрѣній, при которыхъ дѣйствительно священникъ былъ бы немыслимъ, какъ наставникъ, совѣтникъ и утѣшитель семьи въ ея затрудненіяхъ и горѣ. Во всѣхъ слояхъ православнаго русскаго народа еще весьма много семей, гдѣ ваши воззрѣнія на духовенство не признаются вѣрными, гдѣ на священниковъ, вопреки вашему желанію унизить и лишить ихъ уваженія и довѣрія, смотрятъ съ почтеніемъ, уваженіемъ и принимаютъ ихъ съ довѣріемъ и любовію, обращаются къ нимъ за наставленіемъ, совѣтомъ и утѣшеніемъ въ горѣ и затруднительныхъ обстоятельствахъ жизни и внимаютъ ихъ словамъ съ благоговѣніемъ и покорностью, какъ словамъ самого Господа. Съ другой стороны, къ счастью пасомыхъ и къ чести нашего духовенства, оно можетъ выдвинуть

изъ своей среды цѣлый полкъ вполнѣ достойныхъ пастырей, цѣлый облакъ свидѣтелей, всею своею жизнью обличающихъ всю лживость вашихъ пренебрежительныхъ сужденій о духовенствѣ и доказывающихъ, что они стоятъ на высотѣ своего пастырскаго служенія, вполнѣ могутъ быть наставниками, совѣтниками и утѣшителями для своихъ пасомыхъ во всѣхъ горестныхъ и затруднительныхъ обстоятельствахъ ихъ жизни. Это относится не только къ городскому, но въ особенности къ сельскому нашему духовенству. Правда, послѣднее ниже перваго по своей образованности и развитію, но и той степени познаній и опытности, какою владѣетъ сельское духовенство, вполнѣ достаточно для того, чтобы оно могло преподать своимъ простымъ прихожанамъ и наставленіе, и совѣтъ, и утѣшеніе. Если бы г. Марковъ поближе зналъ жизнь нашего сельскаго духовенства и отношенія его къ своимъ прихожанамъ и на глазахъ его не лежала повязка предъубѣжденія противъ него; то онъ не рѣшился бы сказать о нашихъ священникахъ того, въ чемъ онъ обвиняетъ ихъ теперь. Скромная, мало кому извѣстная, дѣятельность сельскихъ пастырей представляетъ множество самыхъ убѣдительныхъ доказательствъ, что простой народъ постоянно обращается къ своимъ приходскимъ священникамъ за наставленіями, совѣтами и утѣшеніемъ и, большею частію, получаетъ желаемое. Но эти дѣла христіанскаго милосердія и пастырской заботливости мало кому извѣстны, молва о нихъ не разносится по всему свѣту. Извѣстность сельскаго священника, какъ добраго пастыря, большею частію ограничивается незначительными предѣлами его прихода: безграмотные крестьяне не имѣютъ возможности распространить славу о дѣятельности своего духовнаго отца такъ, чтобы молва о немъ дошла до ушей напр. г. Маркова и всѣхъ тѣхъ, которымъ издалека дѣятельность

сельскаго священника не замѣтна; сами священники не имѣютъ обычая кричать и трубить о своихъ дѣлахъ, да видимы будутъ міру, потому что преподать наставленіе, совѣтъ и утѣшеніе нуждающемуся въ нихъ прихожанину они считаютъ своей прямой обязанностью, не видятъ въ этомъ какой-нибудь особенной заслуги и потому считаютъ грѣхомъ выставлять на показъ свою дѣятельность, которая вся обыкновенно состоитъ изъ подобныхъ, ничѣмъ особеннымъ не поражающихъ дѣлъ пастырскаго служенія. Только въ послѣднее время, когда наше духовенство стало въ нашей литературѣ предметомъ глумленія, язвительныхъ насмѣшекъ, скромное духовенство *вынуждено* было говорить о своихъ дѣлахъ, о которыхъ оно прежде молчало: въ отвѣтъ на разнообразныя обвиненія, посыпавшіяся со всѣхъ сторонъ на духовенство, въ опроверженіе лжи и клеветы на него стали появляться въ нашей духовной литературѣ статьи и корреспонденціи, указывающія на разнообразную плодотворную дѣятельность нашего духовенства среди нашего народа. И въ этихъ немногочисленныхъ извѣстіяхъ о дѣятельности нашего сельскаго духовенства можно найти не мало фактовъ въ опроверженіе положенія г. Маркова, что „у насъ немыслимъ священникъ, какъ наставникъ, совѣтникъ, утѣшитель“ и пр. Отсюда мы узнаемъ, что священники являются наставниками, миротворцами, совѣтниками и утѣшителями въ разнообразныхъ случаяхъ жизни своихъ прихожанъ: священники своими наставленіями и увѣщаніями уничтожаютъ вражду и возстановляютъ миръ и согласіе въ семьяхъ своихъ прихожанъ, исправляютъ сбившихся съ истиннаго пути;— своими совѣтами не только уничтожаютъ распри семейныя, но и въ качествѣ третейскихъ судей прекращаютъ тяжбы и ссоры между цѣлыми селеніями [1]),

[1]) Кіев. Еп. Вѣд. 1882, № 15, стр. 281.

руководятъ ихъ въ изысканіи средствъ къ предупрежденію и тушенію пожаровъ, такъ часто постигающихъ наше сельское народонаселеніе; [1]) священники защищаютъ своихъ прихожанъ, вдовъ и сиротъ отъ притѣсненій, обидъ и всякаго рода неправды сельскаго самосуда; священники, обладающіе медицинскими свѣдѣніями часто оказываютъ значительную и своевременную помощь своимъ прихожанамъ въ раз-

---

1) Въ подтвержденіе нашихъ словъ приводимъ выдержку изъ некролога священника села Старой Майны, Ставр. уѣзда, Самарской губерніи *Гавріила Сиротκина*, о существованіи котораго г. Марковъ, конечно, никогда не слыхалъ. „Отношеніе его (о. Гавріила) къ прихожанамъ было самое близкое и радушное. Всякій, имѣющій въ чемъ бы то ни было нужду, обыкновенно, обращается къ своему духовному отцу: обижалъ ли мужъ жену, жена ли худо себя вела, или сынъ и дочь, о. Сироткинъ спѣшилъ въ эту семью и возстановлялъ тамъ спокойствіе. Повторялась подобная исторія, онъ снова отправлялся помирить враждующихъ и исправить совращающагося. Намъ извѣстно много случаевъ, гдѣ мужъ и жена жили врознь, но вслѣдствіе настоятельныхъ убѣжденій своего отца духовнаго снова сходились вмѣстѣ и теперь живутъ хорошо, воспитывая дѣтей въ страхѣ Божіемъ. Если кому-нибудь предстояло начинать какое-нибудь судебное дѣло, опять адресовались къ нему же, надѣясь встрѣтить всегда здѣсь благой совѣтъ. Когда произошло освобожденіе крестьянъ, то какихъ громадныхъ трудовъ стоило о. Сироткину уговорить крестьянъ, чтобъ они шли на большой надѣлъ. Такъ-какъ они принадлежали различнымъ господамъ, то не рѣдко, согласившись на большой надѣлъ, на другой день, поговоривши съ крестьянами другихъ господъ, снова отказывались отъ большаго надѣла. Цѣлыя ночи просиживалъ онъ съ ними, изъясняя имъ зависимость ихъ благосостоянія отъ того или другаго надѣла. Во время общественныхъ несчастій, напр. эпидеміи и пожаровъ, которыхъ каждый годъ бываетъ въ Майнѣ нѣсколько, онъ всегда былъ главнымъ дѣятелемъ. Обыкновенно, оставивши свой домъ, онъ спѣшилъ на пожаръ, руководя тамъ и словомъ и дѣломъ... Сначала народъ былъ неопытенъ и не имѣлъ никакихъ средствъ для тушенія пожаровъ поэтому его присутствіе и совѣтъ могли имѣть значеніе—оно ободряло ихъ къ энергическому дѣйствованію. Послѣ пожаровъ, когда народъ находился еще подъ ихъ вліяніемъ, онъ выходилъ на сходки и уговаривалъ ихъ изыскать средства для предупрежденія ихъ и уничтоженія, просилъ богатыхъ мужиковъ и купцовъ помочь сему; благодаря, между прочимъ, его содѣйствію теперь въ Майнѣ постоянно нѣсколько лошадей на готовѣ стоятъ и есть много пожарныхъ инструментовъ и даже насосовъ. Кромѣ того онъ доказалъ крестьянамъ необходимость постройки хотя маленькихъ, но каменныхъ домовъ. Народъ склонился на его убѣжденія и теперь большинство

нообразныхъ ихъ болѣзняхъ, [1]) вмѣсто земскихъ врачей и фельдшеровъ, которые за дальностью разстоянія и по многимъ другимъ причинамъ весьма рѣдко могутъ поспѣть къ больному во время; священники не только лѣчатъ больныхъ, но и убѣждаютъ

имѣетъ каменные дома, хотя нерѣдко очень маленькіе. Вообще бѣдняки и сироты находили въ немъ всегда отраду. Когда бѣдняки узнали о его смерти, то, заплакавши, приговаривали: „кто теперь къ намъ пойдетъ въ наши землянки и утѣшитъ насъ въ горѣ, несчастіи“? (Руковод. для сельск. паст. № 33, 1881 г.).

[1]) „Гдѣ священникъ душа въ приходѣ, тамъ рѣдкое дѣло обходится безъ его такого или иного, большею частію и невольнаго, участія, говоритъ авторъ „Слова за духовенство“. Съ нимъ совѣтуются главари крестьянства, его защиты проситъ обиженный, предъ нимъ плачется въ горѣ солдатка, вдова, сирота; не рѣдко одно его удачное слово сражаетъ наповалъ вопіющую неправду сельскаго самосудія. Если законъ устранилъ насъ отъ участія въ крестьянскомъ самоуправленіи, то для того именно, чтобы это самоуправленіе не перестало быть крестьянскимъ. Но никакой законъ не заставляетъ, да, полагаемъ, и не заставитъ насъ отречься отъ той священной роли вспомоществованія обижаемымъ, которая подъ именемъ „печалованія духовенства“ проходитъ свѣтлою чертою чрезъ всю нашу отечественную исторію — видимо до Петра Великаго, а невидимо до нашихъ дней. Въ крестьянскомъ самоуправленіи „на стѣнкѣ зарублено“, что если разжирѣвшій старшина, или иной писарь-проходимецъ „у стада забуянитъ и обижать онъ овцу станетъ“, то овца, не заходя далеко, расплачется предъ своимъ пастыремъ и, уже будьте увѣрены, найдетъ у него не одно только платоническое сочувствіе“. — „Говорятъ, что для крестьянъ есть сельскіе врачи и сельскія акушерки. Но скажите безъ улыбки, дѣйствительныя ли это лица или миѳическія? Мы ихъ никогда не видѣли и не знаемъ. Обязанность крестьянскаго врача лежитъ обыкновенно на волостномъ фельдшерѣ. Но можетъ ли этотъ бѣдняжка-фельдшеръ при нашихъ климатическихъ и иныхъ условіяхъ поспѣть вездѣ въ волости, состоящей изъ 12 — 15 разбросанныхъ селеній? Да и многіе ли больные захотятъ, какъ положено, привозить и отвозить фельдшера на собственныхъ лошадяхъ, когда эти лошади или заняты насущною работой, или и вовсе не имѣются? Поэтому-то обязанность врача въ селеніи большею частію исполняетъ священникъ, а обязанность акушерки въ трудныхъ случаяхъ исполняетъ его жена лично. Для этого мы держимъ въ домахъ посильный запасъ медикаментовъ, который по извинительной амбиціи называемъ „домашними аптечками“. И вотъ — не угодно-ли посмотрѣть наши дѣйствія. Утро. Приходитъ старичекъ въ слезахъ. Батюшка! Что намъ дѣлать съ нашимъ Михалкомъ? Вчера утромъ поѣхалъ въ Махновку воловъ продавать, а вечеромъ возвратился безъ воловъ, безъ денегъ и сумасшедшимъ“. Батюшка отправляется. Михалко хозяинъ-одиночка оказался дѣйствительно помѣшаннымъ: ходитъ и падаетъ, никого не узнаетъ и городитъ безсмыслицу.

крестьянъ въ необходимости при болѣзни искать медицинской помощи, убѣждаютъ въ пользѣ оспопрививанія и вредѣ кровопусканія; своими медицинскими совѣтами и помощью многіе изъ нихъ заслужили

Пульсъ до 130 и этакъ въ безсонницѣ со вчерашняго дня. Медлить нечего. Открыли кровь и вылили кружками ведеръ 10 на голову холодной воды. Больной началъ узнавать окружающихъ и жаловался на ознобъ. Уложили въ постель и дали лавровыхъ капель. Послѣдовалъ сонъ и во снѣ испарина. Вечеромъ больной проснулся здоровымъ и разсказалъ, какъ одинъ ярмарочный плутъ опоилъ его какимъ-то бѣшенымъ зельемъ, въ надеждѣ воспользоваться деньгами, вырученными за воловъ. Не угодно-ли еще. Ночь. Стучатъ въ окно. „Батюшка! Спасите мою жинку". Да что съ нею? „Дошло дитя до выхода и нѣтъ силы родить". „Ѣдемъ", говоритъ священникъ женѣ; и вотъ батюшка съ крестомъ, а матушка съ медикаментами отправляются. Не угодно-ли посмотрѣть, при какой обстановкѣ рождается податная душа. Изба въ полторы сажени, четверть ея занята печью. Три оконца ничѣмъ не завѣшены. За печью копошатся дѣти, подъ печью цыплята и поросята. Среди избы, на земляномъ полу, прикрытомъ соломою, лежитъ роженица съ распущенными волосами, съ закрытыми глазами и съ кожушиной на ногахъ. Надъ нею растерявшаяся бабка-повитуха стоитъ, понуря голову. Продолжительныя напряженія при безтолковомъ уходѣ обезсилили больную, а при каждомъ открытіи двери воздухъ обдаетъ ее холодомъ: она просто застываетъ. „Бѣдная жъ ты, Ганко", заговорила матушка, раздѣвалась. Больная открыла глаза и видитъ—кого? Батюшку съ матушкою? — Да, она узнала ихъ и съ послѣднимъ усиліемъ протянула къ нимъ руку; но они теперь для нея не люди, а небесные ангелы, посланные самимъ Господомъ для избавленія ея отъ сѣни смертной. „Успокойся, Богъ тебя скоро развяжетъ", говоритъ батюшка благословляя. И начинается работа. Больную освѣжили нашатырнымъ спиртомъ и питьемъ воды съ церковнымъ виномъ, перенесли ее на подмостки, печь растопили, окна завѣсили и перевели дѣтей къ сосѣдямъ. Пошло разогрѣваніе припарками, растираніе масломъ и эѳиромъ. Когда больная освѣжилась нравственно и физически, дали пріемъ отвара корицы. Начались правильныя потуги и .. вскорѣ раздается плачъ младенца. Это не картина, это фактъ, одинъ изъ множества перечувствованныхъ. Но между этими двумя экстренностями сколько проходитъ обыкновенныхъ случаевъ пользованія крестьянъ отъ лихорадки, воспаленія плевры, воспаленія горла, особенно у дѣтей, и подобныхъ болѣзней, которыя, будучи запущены, могутъ вести къ печальному исходу (авторъ указываетъ на дѣятельность въ этомъ родѣ священниковъ с. Станиловки Петра *Инфимовскаго* и с. Глуховецъ Владиміра *Бернацкаго*). Не говоримъ уже о трудахъ священника во время эпидемическихъ болѣзней... Синодальный указъ о поощреніи епархіальнымъ начальствомъ тѣхъ священниковъ, которые занимаются охраненіемъ народнаго здоровья, есть лучшее свидѣтельство, что мы не бездѣйствуемъ. Между нами есть священники, о которыхъ именно за это

сердечную благодарность отъ своихъ прихожанъ; есть между священниками и такіе, которые съ опасностью для себя и своего семейства, въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль, навѣщаютъ своихъ прихожанъ, зараженныхъ прилипчивою болѣзнью, ухаживаютъ за ними и доставляютъ имъ все необходимое во время болѣзни. [1]) Вообще надобно сказать, что священники, особенно тѣ, которые подолгу живутъ въ одномъ приходѣ, стоятъ весьма близко къ своимъ пасомымъ, сродняются съ ними и съ горячимъ участіемъ относятся къ каждому событію въ ихъ жизни; у такихъ пастырей нѣтъ крестьянской семьи въ приходѣ, съ которой не дѣлили бы они и радостей и горя. [2]) Уже и этихъ немногихъ фактовъ изъ дѣятельности духовенства вполнѣ достаточно для обличенія всей лживости положеніи г. Маркова, будто у насъ священникъ немыслимъ какъ наставникъ, совѣтникъ и утѣшитель и проч.

говорятъ прихожане: „это не батюшка, а отецъ родной“; есть священники, которымъ прихожане въ формальныхъ приговорахъ выразили сердечную благодарность за врачеваніе больныхъ, да есть одинъ награжденный серебряною медалью за безмездное оспопрививаніе крестьянскихъ дѣтей“ (Кіев. Еп. Вѣд. 1881, № 49).—Кромѣ упомянутыхъ въ „Словѣ за духовенство“ извѣстны своею врачебною дѣятельностью свящ. Іоаннъ *Шманкевичъ* и свящ. Ѳедоръ *Быстровъ*; первый изъ нихъ съ давнихъ поръ, а второй въ продолженіи 25 л. удачно лѣчатъ разныя болѣзни (Ц. Общ. Вѣстн. 1881, № 118). Но и каждому сельскому священнику приходится подавать медицинскіе совѣты своимъ прихожанамъ при помощи лѣчебниковъ.

[1]) Недавно намъ передавали слѣдующій несомнѣнно истинный разсказъ объ одномъ изъ священниковъ города Дмитрова: въ одной бѣдной семьѣ одновременно заболѣли тифомъ отецъ, мать и ихъ дѣти. Несчастные больные въ безпамятствѣ лежали безъ всякаго ухода и помощи; изъ опасенія заразиться болѣзнью никто изъ сосѣдей и знакомыхъ не рѣшался заглянуть въ ихъ домъ. Только приходскій священникъ не оставилъ этого брошеннаго семейства. Каждый день по три раза онъ навѣщалъ больныхъ, помогалъ имъ, чѣмъ могъ, удовлетворялъ ихъ жажду и, когда болѣзнь начала ослабѣвать и появился у больныхъ аппетитъ, доставлялъ имъ пищу. Разсказывавшая объ этомъ дѣлѣ милосердія хозяйка этой семьи плакала отъ умиленія и молила Бога за своего благодѣтеля. Дойдетъ ли этотъ фактъ до свѣдѣнія г. Маркова?

[2]) *Русь* 1881, № 88, стр. 16.

Въ опроверженіе словъ г. Маркова, будто „наши священники почти никогда не захотятъ, да и не съумѣютъ ни разъяснить ничего, ни поучить ничему“ — мы можемъ представить массу доказательствъ изъ жизни и дѣятельности духовенства, особенно за послѣдніе двадцать пять лѣтъ. Обратимъ-ли вниманіе на проповѣдническую дѣятельность нашего духовенства, или на дѣятельность его въ школахъ и внѣ школъ, при обыкновенныхъ житейскихъ его отношеніяхъ къ своимъ прихожанамъ,—мы на всѣхъ этихъ поприщахъ можемъ указать множество фактовъ, служащихъ яснымъ и убѣдительнымъ доказательствомъ того, что наши священники и *хотятъ* и *умѣютъ* разъяснить простому народу многое, чего онъ не понимаетъ, научить многому, чего онъ не знаетъ.

Что касается проповѣднической дѣятельности нашего духовенства, то она въ послѣднее двадцатипятилѣтіе весьма оживилась и усилилась. Теперь очень часто оглашаются словомъ истины каѳедры не только городскихъ, но и сельскихъ храмовъ. Содержаніе церковной проповѣди стало весьма разнообразно и широко; въ церковныхъ поученіяхъ не только положительнымъ образомъ раскрываются истины догматическія и нравственныя, но и опровергаются и обличаются ложныя мнѣнія и взгляды на предметы вѣры и нравственности, отражаются нападенія на откровенное ученіе, обличаются господствующіе въ обществѣ пороки и недостатки, обличаются разнаго рода суевѣрія и предразсудки простаго народа и пр. Ни одно замѣчательное событіе и явленіе въ жизни народа, ни одинъ современный вопросъ не оставлены церковными проповѣдниками безъ внимательнаго разсмотрѣнія и оцѣнки съ истинно-христіанской точки зрѣнія. Даже сельскіе проповѣдники не ограничивались въ своихъ бесѣдахъ катихизаціею о предметахъ вѣры Христовой и обличеніемъ пороковъ и суевѣрій

простаго народа; но нерѣдко обращались къ нему съ живымъ словомъ по поводу необычайныхъ событій въ исторіи нашего отечества, напр. по поводу покушеній на жизнь покойнаго Государя и по случаю варварскаго убіенія Его и пр. Поэтому въ послѣднее время и проповѣдническая литература чрезвычайно обогатилась; появилась и появляется масса проповѣдей и поученій; они печатаются какъ на страницахъ нашихъ духовныхъ журналовъ (изрѣдка и свѣтскихъ изданій), такъ и въ видѣ отдѣльныхъ книгъ и сборниковъ. Эти собранія проповѣдей и поученій принадлежатъ не однимъ только архипастырямъ, столичнымъ и городскимъ проповѣдникамъ, но и многимъ сельскимъ священникамъ. Но въ печати появляется далеко не все, что говорится съ церковной каѳедры нашими проповѣдниками—и не всегда самое лучшее. Значительнѣйшая часть подобнаго рода произведеній остается ненапечатанною: причина этого — отчасти недостатокъ средствъ къ изданію своихъ произведеній, отчасти скромность проповѣдниковъ. Намъ лично извѣстны проповѣдники, которые въ продолженіи своего служенія усердно и съ успѣхомъ занимались дѣломъ христіанской проповѣди, слово которыхъ отличалось и умомъ, и краснорѣчіемъ, и силою—и которые однако жъ не имѣли желанія печатать свои проповѣди и поученія. Ужели эти факты не свидѣтельствуютъ по крайней мѣрѣ о желаніи нашего духовенства учить народъ, о заботахъ его просвѣщать своихъ пасомыхъ въ религіозно-нравственномъ отношеніи? И ужели эти факты совсѣмъ неизвѣстны г. Маркову? а если извѣстны хоть самымъ поверхностнымъ образомъ; то какъ онъ могъ сказать, что наши священники *не хотятъ* ничему научить своихъ пасомыхъ?

Всякому безпристрастному человѣку мы, кажется, достаточно ясно показали, что желаніе учить своихъ пасомыхъ у нашего духовенства несомнѣнно есть.

Но есть ли у него *умѣнье* съ успѣхомъ вести это важное дѣло пастырскаго служенія? обладаетъ ли оно даромъ—просвѣщать умы и дѣйствовать на сердца своихъ слушателей?—Въ доказательство желанія духовенства учить народъ мы указали на массу проповѣдей и поученій, произносимыхъ имъ съ цер. каѳедры и отчасти появляющихся въ печати. Вопросъ: умѣетъ ли наше духовенство учить народъ?—заставляетъ насъ обратить вниманіе на качественную сторону этихъ проповѣдей и поученій. И здѣсь мы замѣчаемъ отрадное явленіе: въ послѣднее время церковная проповѣдь не только усилилась въ количественномъ отношеніи, но и значительно усовершенствовалась въ качественномъ. Она сбросила съ себя тяжелую заржавѣлую арматуру стариннаго краснорѣчія церковнаго; она стала пріобрѣтать большую свободу относительно формы; пріемы ея стали гораздо разнообразнѣе и проще; въ ней нѣтъ прежнихъ условныхъ принятыхъ формъ, нѣтъ прежней отвлеченности, прежняго несоотвѣтствія живымъ насущнымъ потребностямъ и вопросамъ жизни. Ораторское творчество развивается свободно и само создаетъ себѣ формы, соотвѣтствующія тѣмъ или другимъ обстоятельствамъ мѣста и времени и иногда достигаетъ замѣчательной силы мысли и изящества формы. Вотъ телеграмма изъ Петербурга [1]), извѣщающая, что „каѳедра Исакіевскаго собора оглашена замѣчательнымъ словомъ, произнесеннымъ протоіереемъ смоленско-кладбищенской церкви Матвѣевскимъ. Духовный ораторъ избралъ темой одинъ изъ вопросовъ нашей современной жизни. Онъ съ рѣдкимъ краснорѣчіемъ задался задачею выяснить корень заразы, отравляющей наше молодое поколѣніе. Причина, по словамъ проповѣдника, недостатокъ нрав-

[1]) Моск. Вѣд. № 269, 1881.

ственнаго воспитанія, отрѣшенность отъ національныхъ традицій, прельщеніе иноземщиной". Должно быть слово оратора дѣйствительно было замѣчательно по своимъ достоинствамъ, если на него обратила вниманіе и о немъ спѣшила сообщить наша свѣтская пресса, обыкновенно крайне равнодушная къ духовному краснорѣчію. Вотъ вамъ, г. Марковъ, весьма убѣдительный фактъ въ опроверженіе вашего крайне голословнаго утвержденія, что наше духовенство не умѣетъ ничему научить своихъ пасомыхъ. И это— фактъ далеко не единственный, не исключительный. Подъ возбуждающимъ вліяніемъ тяжелыхъ и горестныхъ событій послѣднихъ лѣтъ каѳедры не только столичныхъ, но и сельскихъ церквей оглашались замѣчательными произведеніями церковнаго краснорѣчія, отличающимися глубиной мысли и чувства. Между собраніями проповѣдей и поученій, принадлежащихъ сельскимъ священникамъ, есть не мало такихъ, которыя при назидательности содержанія, отличаются простотою и общепонятностью изложенія; ихъ легко могутъ понимать и простые, малоразвитые люди. Въ примѣръ такого рода поученій мы можемъ указать на „кругъ поученій на всѣ воскресные и праздничные дни въ году" протоіерея А. Бѣлоцвѣтова. Въ средѣ сельскаго духовенства о. протоіерей А. В. Бѣлоцвѣтовъ былъ личностью замѣчательной, выдающейся своими свѣтлыми умственными и нравственными качествами. Прямой, открытый, простодушный, честный во всѣхъ своихъ житейскихъ отношеніяхъ—онъ былъ и образцовымъ пастыремъ своей паствы, неусыпно заботившійся о духовномъ благѣ своихъ прихожанъ; онъ, по завѣщанію апостола, проповѣдывалъ слово Божіе благовременнѣ и безвременнѣ, обличалъ, запрещалъ и умѣлъ говорить съ своей паствой языкомъ чрезвычайно простымъ, удобопонятнымъ; рѣчь его была жива, убѣдительна, исхо-

дила отъ души и потому увлекала слушателей. Извѣстны ли вамъ, г. Марковъ, поученія о. Бѣлоцвѣтова? — Конечно, нѣтъ. Такъ потрудитесь отыскать ихъ, и удостойте своимъ вниманіемъ хоть одно изъ нихъ—и вы убѣдитесь, что и сельскіе *попы* наши и хотятъ, *и умѣютъ* поучить простой народъ высокимъ истинамъ религіи и нравственности, умѣютъ „возвышать сердца и мысли массъ отъ привычныхъ имъ матеріальныхъ интересовъ въ идеальныя области любви и правды“,—что „ихъ умъ не притупленъ схоластикою, что у нихъ есть и искренность чувства и правда знанія“. Судя по отзыву церковно-Общ. Вѣстника [1]), не малыми достоинствами отличаются напр. еще поученія священника *Масловскаго*, поученія о жизни христіанской свящ. *Томашевскаго*. Поученія этихъ священниковъ „съ удовольствіемъ могутъ читаться не только грамотными простыми людьми, но и болѣе или менѣе образованными читателями. Рѣчь ихъ проста, ясна. Вліяніе такихъ проповѣдей на слушателей, особенно на простой народъ, несомнѣнно“. И повѣрьте намъ, какъ людямъ, довольно близко знакомымъ съ духовной литературой и съ жизнью сельскаго духовенства, что о.о. Бѣлоцвѣтовъ, Масловскій, Томашевскій—далеко не единственные примѣры сельскихъ пастырей, умѣющихъ говорить съ простымъ народомъ, объяснять ему высокія истины Христовой вѣры и не только объяснять ихъ, но и проводить ихъ въ жизнь своихъ пасомыхъ, преобразовывать ихъ жизнь согласно съ Евангеліемъ [2]).

---

[1]) № 104, 1881.

[2]) Вотъ еще недавній образчикъ того, какъ многіе наши священники умѣютъ просто и безъискусственно говорить съ народомъ и своею проповѣдью возбуждать и направлять его къ добру. Крестьяне села Чернятина, Бердичевскаго уѣзда, 29 іюня сего года постановили закрыть кабаки. Предварительно они всѣ собрались въ церковь, гдѣ послѣ литургіи отслужено было молебствіе, при чемъ мѣстный священникъ о. Николай Вишневскій сказалъ своимъ при-

Но г. Марковъ можетъ возразить намъ: „если сельскіе священники умѣютъ учить, то отчего же мало замѣтны плоды пастырской проповѣди въ народѣ? Отчего нашъ народъ скуденъ познаніями о предметахъ вѣры и нравственности? Отчего въ немъ такъ много суевѣрій и нелѣпыхъ предразсудковъ?

Въ отвѣтъ на это мы замѣтимъ, что недостаточныя познанія и ошибочныя понятія ученика весьма часто и много зависятъ отъ него самого, отъ недостатка въ немъ вниманія и прилежанія, отъ слишкомъ малой степени его умственнаго развитія, отъ малой способности его къ воспріятію предлагаемаго ему ученія. Поэтому не всегда справедливо—изъ недостаточныхъ познаній ученика, изъ его неправильныхъ понятій, ошибокъ и заблужденій заключать о томъ, что его учитель не хотѣлъ или не умѣлъ сообщить ему достаточныхъ и правильныхъ познаній объ извѣстномъ предметѣ. Умозаключая такимъ образомъ, мы должны были бы признать лѣнивыми и неумѣлыми такихъ учителей, которые отличаются и усердіемъ къ своему дѣлу и преподавательскимъ талантомъ; у каждаго изъ такихъ учителей всегда бываютъ ученики слабые и малоуспѣшные. При такомъ способѣ сужденія о достоинствѣ учителей намъ бы пришлось обвинить въ недостаткѣ желанія и умѣнья учить людей даже того Учителя, Который пришелъ на землю

хожзнамъ: „Глядя на вашу безпорядочную жизнь, крѣпко, братія, боюсь за васъ. Не забывайте, что мое счастье на томъ свѣтѣ зависитъ отъ вашего счастья, такъ какъ мнѣ надобно будетъ отдавать отчетъ за душу каждаго изъ васъ. Страшно становится и за себя и за васъ. Молю и прошу васъ: живите честно, трезво, по христіански, и Богъ поможетъ вамъ. Всѣ сбереженія ваши останутся у васъ, а не у кабатчика. Будутъ тогда у васъ и достатки. Заведемъ школу, станемъ учить дѣтей, и горькій, пройденный нами путь, явится уже не знакомымъ нашимъ дѣтямъ“ (Моск. Вѣд 1882 № 204). Можно ли говорить съ народомъ проще и убѣдительнѣе, чѣмъ какъ говорилъ о. Вишневскій?

просвѣтить сѣдящихъ во тьмѣ и сѣни смертной, Который *говорилъ такъ, какъ никогда человѣкъ не говорилъ* (Іоан. 7, 46), *имѣлъ глаголы вѣчной жизни* (Іоан. 6, 68); потому что и Его проповѣдь, поражавшая сердца людей властію и могуществомъ, возжигавшая въ нихъ огонь горячаго чувства (Лук. 24, 32), имѣла однако жъ весьма мало успѣха среди іудейскаго общества; іудеи, надменные своею внѣшнею праведностію, закоренѣлые въ своихъ предразсудкахъ и суевѣріяхъ, оказались неспособными къ усвоенію Его спасительнаго ученія и не поняли того, что служило къ ихъ спасенію; почти весь народъ отшатнулся отъ Него и возсталъ противъ Него; только весьма небольшое общество учениковъ оказалось болѣе способнымъ понимать и цѣнить Его; но и эти избранные и лучшіе люди часто оказывались неспособными къ пониманію Его божественнаго ученія и крайне медленно отрѣшались отъ общихъ всему іудейскому народу воззрѣній и предразсудковъ, такъ-что при концѣ Своей земной жизни Онъ долженъ былъ сказать имъ: *еще многое имѣю сказать вамъ, но вы теперь не можете вмѣстить* (Іоан. 16, 12. Дѣян. 1, 6.). Точно такъ же и проповѣдь богодухновенныхъ апостоловъ не всѣхъ обращала ко Христу и не дѣйствовала неотразимо уничтожающимъ образомъ на суевѣрія, заблужденія и пороки іудеевъ и язычниковъ, уже увѣровавшихъ во Христа. Суевѣрія и пороки упорно держатся въ людяхъ и изчезаютъ только послѣ продолжительной борьбы съ ними со стороны и тѣхъ, которые преданы имъ. Удивительно-ли, что проповѣдь обыкновенныхъ проповѣдниковъ ученія Христова часто оказывается малоуспѣшною? Удивительно-ли, что и наши сельскіе священники своею проповѣдью не производятъ на своихъ пасомыхъ того широкаго и благотворнаго вліянія, какого мы желали бы отъ нихъ? Проповѣдь даже самыхъ

усердныхъ и способныхъ изъ нихъ, умѣющихъ просто и вразумительно говорить съ простымъ народомъ о предметахъ вѣры и христіанской нравственности, не сопровождается надлежащимъ успѣхомъ. Причины такого явленія заключаются съ одной стороны въ возвышенности истинъ Христовой вѣры, а съ другой въ недостаточномъ умственномъ развитіи нашего народа, въ ограниченности его понятій. Онъ не имѣетъ навыка къ систематическому мышленію, незнакомъ съ нашимъ литературнымъ, даже самымъ удобопонятнымъ языкомъ, потому онъ мало понимаетъ даже тѣхъ проповѣдниковъ, которые владѣютъ способностью говорить съ нимъ самымъ простымъ языкомъ. Вотъ что говоритъ объ этомъ предметѣ митрополитъ Иннокентій въ своей „запискѣ о воспитаніи“: „Что касается до проповѣдей и поученій, читаемыхъ въ церквахъ кѣмъ-бы то ни было, то они если и приносятъ пользу простолюдинамъ, то очень малую; а это главное потому, что они не понимаютъ ихъ, а не понимаютъ потому, что *ихъ понятія не простираются выше и далѣе обыденныхъ въ кругу ихъ предметовъ*. И потому они, хотя бы и имѣли усердное желаніе, не въ состояніи, не привыкли, не пріучены понимать ни словъ, ни мыслей, ни предметовъ, сколько-нибудь отвлеченныхъ, безъ особенныхъ разъясненій или толкованій, и то не иначе, какъ съ многократнымъ повтореніемъ одного и того же и разными способами. А дѣлать это и не заведено, да и неудобно при службахъ“ [1]). Чтобы убѣдиться въ томъ, что нашему народу мало понятенъ нашъ литературный языкъ съ его особеннымъ складомъ мысли и слова,—попробуйте прочитать простому неграмотному крестьянину самое лучшее и удобопонятное мѣсто изъ произведеній какого-нибудь рус-

---

[1]) *Русскій Архивъ* 1881, II, стр. 413.

скаго классика: крестьянинъ не пойметъ прочитаннаго, или пойметъ его неправильно, потому-что онъ не знакомъ съ формами литературнаго нашего языка; онѣ далеки отъ тѣхъ оборотовъ рѣчи, какими онъ привыкъ пользоваться для выраженія своихъ мыслей въ обыденной жизни. Когда нашъ народъ въ большинствѣ своемъ сдѣлается грамотнымъ, пріобрѣтетъ хоть нѣкоторую привычку къ чтенію, познакомится до нѣкоторой степени съ литературнымъ нашимъ языкомъ т.-е. съ складомъ понятій и воззрѣній образованныхъ людей и съ словесными формами, употребляемыми ими для выраженія своихъ мыслей; тогда и поученія, произносимыя съ церковной каѳедры, будутъ понятнѣе нашему простому народу, а потому будутъ оказывать гораздо большее вліяніе на его религіозно-нравственную жизнь. А теперь, при незнакомствѣ простаго народа съ нашимъ литературнымъ языкомъ многое остается для него непонятнымъ даже въ тѣхъ церковныхъ поученіяхъ, которыя могутъ быть названы образцовыми и по назидательности содержанія и по простотѣ выраженія. — Духовенство упрекаютъ въ неумѣньѣ учить народъ? Заставить бы самихъ обличителей духовенства испытать свои силы въ дѣлѣ ученья народа — многіе ли изъ нихъ оказались бы понятными и вразумительными народу? — Мы увѣрены, что рѣчь большинства нашихъ литераторовъ, пересыпанная множествомъ иностранныхъ словъ, и обратившаяся въ русско-французскій и русско-нѣмецкій жаргонъ, показалась бы нашему простому народу странною и непонятною.

Наше духовенство хорошо знаетъ, что простой народъ нашъ скуденъ истинными религіозно-нравственными познаніями и напротивъ того до сихъ поръ богатъ суевѣріями и предразсудками; оно не скрываетъ отъ себя того печальнаго факта, что церковныя поученія даже самыхъ лучшихъ народныхъ про-

повѣдниковъ мало понятны и доступны народу и потому оказываются недостаточнымъ средствомъ къ просвѣщенію его ума и къ уничтоженію разнообразныхъ его суевѣрій и нравственныхъ недостатковъ. Хорошо помня объ этомъ, наше духовенство стремится устранить эту причину малыхъ успѣховъ церковной проповѣди и найти другіе пути для распространенія въ народѣ религіозно-нравственнаго просвѣщенія. Находясь въ близкихъ и частыхъ сношеніяхъ съ своими пасомыми, наше духовенство пользуется всѣми удобными случаями для раскрытія народу истинъ христіанской вѣры,—напоминаетъ ему о томъ, что говорено было ему въ церкви, не лѣнится „повторять ему одно и тоже и разными способами“ при посѣщеніи домовъ своихъ прихожанъ, при совершеніи церковныхъ требъ, при исповѣди и пр.,—о чемъ мы уже говорили прежде. Но одною изъ самыхъ важныхъ и, думаемъ, самыхъ цѣлесообразныхъ мѣръ для достиженія указанной цѣли и для восполненія церковной проповѣди служатъ такъ называемыя *внѣцерковныя* собесѣдованія священниковъ съ своими прихожанами.

Внѣцерковныя собесѣдованія—явленіе замѣчательное въ жизни русской церкви и вполнѣ достойное вниманія, искренняго сочувствія и поддержки со стороны всѣхъ, истинно радѣющихъ о благѣ церкви и дѣлѣ религіозно-нравственнаго просвѣщенія народа. На него уже обратила вниманіе и къ нему сочувственно отнеслась не только духовная, но и свѣтская наша печать. Объ этомъ весьма полезномъ, все увеличивающемся и вполнѣ соотвѣтствующемъ потребностямъ и вкусу нашего простаго народа дѣлѣ внутренней миссіи появлялись извѣстія во многихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ, духовныхъ газетахъ и журналахъ [1]); отсюда свѣдѣнія эти проникали и на столб-

[1]) Напр. въ майской книжкѣ Странника 1881 г. сдѣланъ крат-

цы свѣтскихъ газетъ. Слѣдовательно то, что мы хотимъ сообщить здѣсь объ этихъ собесѣдованіяхъ, не будетъ новостью для людей, истинно сочувствующихъ благу церкви и съ удовольствіемъ замѣчающихъ всякое отрадное явленіе въ ея жизни. Но мы имѣемъ дѣло съ г. Марковымъ и ему подобными людьми, которые не видятъ или не хотятъ видѣть въ жизни нашего духовенства того, что говоритъ въ его пользу, свидѣтельствуетъ о его ревности къ просвѣщенію нашего народа. Поэтому въ полемикѣ съ г. Марковымъ мы позволимъ себѣ остановиться нѣсколько дольше, чѣмъ бы слѣдовало, на внѣцерковныхъ собесѣдованіяхъ священниковъ съ прихожанами, какъ на явленіи, свидѣтельствующемъ самымъ убѣдительнымъ образомъ о томъ, что наше духовенство думаетъ не объ однѣхъ только своихъ матеріальныхъ выгодахъ, не о грошахъ только и гривенникахъ, но что оно заботится о спасеніи своихъ пасомыхъ, радѣетъ объ истинно-христіанскомъ просвѣщеніи нашего народа.

Мысль о внѣцерковныхъ собесѣдованіяхъ съ народомъ возникла въ духовенствѣ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, когда оживилась наша общественная мысль и дѣятельность, и когда пробудилось въ въ правительствѣ и обществѣ сознаніе о крайней необходимости просвѣщенія для только что освобожденнаго отъ крѣпостной зависимости народа. Темныхъ людей, крайне нуждавшихся въ просвѣщеніи, было великое множество — десятки милліоновъ, а школъ для образованія теперь выпущеннаго на свободу народа почти совсѣмъ не было; да и невозможно было устроить ихъ скоро и въ достаточномъ количествѣ. И вотъ во многихъ мѣстахъ открываются для

кій очеркъ исторіи внѣцерковныхъ собесѣдованій, сообщено не мало свѣдѣній о мѣстѣ, времени, способѣ, предметахъ и значеніи этихъ собесѣдованій.

народа *воскресныя школы*, какъ нѣкоторая замѣна вполнѣ организованныхъ и благоустроенныхъ народныхъ школъ. Въ воскресныхъ школахъ обучались грамотѣ не только дѣти, но и взрослые, почувствовавшіе потребность въ грамотности; здѣсь кромѣ того со взрослыми велись бесѣды о разныхъ предметахъ для умственнаго и религіозно-нравственнаго ихъ развитія. Но такъ какъ въ воскресныя школы проникли люди съ противорелигіозными и противоправительственными стремленіями и чрезъ эти школы хотѣли распространить въ народѣ свои ложныя убѣжденія и взгляды; то воскресныя школы скоро были закрыты. Этой мѣрой конечно уничтожена была одна изъ первыхъ попытокъ мнимыхъ радѣтелей блага народнаго къ привитію нашему простому народу яда вредныхъ ученій; но вмѣстѣ съ тѣмъ у людей благонамѣренныхъ, истинно желавшихъ добра народу, съ закрытіемъ воскресныхъ школъ, отнято одно изъ лучшихъ средствъ къ распространенію среди темнаго народа истиннаго просвѣщенія. Въ такихъ людяхъ закрытіе воскресныхъ школъ оставило сожалѣніе, а вмѣстѣ живое и наглядное представленіе о томъ, какъ были бы полезны для просвѣщенія нашего народа простыя безъискуственныя бесѣды, которымъ начало положено было съ открытіемъ воскресныхъ школъ. Мысль о великой пользѣ такихъ бесѣдъ не умерла въ нашемъ духовенствѣ. И вотъ, спустя нѣсколько лѣтъ по закрытіи воскресныхъ школъ, нѣкоторыхъ священниковъ начинаетъ занимать мысль, какъ бы вывести своихъ взрослыхъ, пожилыхъ и уже состарѣвшихся прихожанъ изъ закоснѣнія и мрака невѣжества. Встрѣчались и такіе, которые озабочены были этимъ съ первыхъ же лѣтъ своей священнической службы [1]). Отъ мысли нѣкоторые перехо-

[1]) *Странникъ*, Май 1881. Внутрен. Церк. Обозр. стр. 72—82.

дятъ къ дѣлу; начинается борьба съ препятствіями, неизбѣжными при каждомъ новомъ дѣлѣ; нужно было побѣдить равнодушіе простаго народа къ этому новому дѣлу: „прихожу я въ деревню, говоритъ одинъ изъ священниковъ, и посылаю крестьянина въ каждомъ дворѣ возвѣстить о моемъ прибытіи въ извѣстный домъ для собесѣдованія. Крестьянинъ подворно обходитъ всю деревню. Часа полтора я ждалъ, не придетъ ли кто. Явились двѣ старушки. Почему же другіе нейдутъ? спросилъ я старушекъ. „Э, батюшка, у насъ всякаго народу много: кто говоритъ, зачѣмъ, да къ чему это, да прежде этого никогда не бывало... Насильно никого не вызовешь и не приведешь". Пошелъ тогда самъ, набралъ человѣкъ съ двадцать и съ симъ малымъ числомъ званныхъ, съ благословенія Божія, произошло первое собесѣдованіе" [1]). Нужно было найти пригодное помѣщеніе для устрояемыхъ бесѣдъ: „въ крестьянскихъ избахъ и душно, и тѣсно, а въ нашихъ холодныхъ церквахъ вести это дѣло съ успѣхомъ зимою рѣшительно невозможно. Къ тому же грязь и стужа служатъ у насъ не малымъ препятствіемъ и для усердныхъ къ дому Божію, особенно для людей старыхъ и не имѣющихъ, по бѣдности, крѣпкой и теплой обуви" [2]). Однако жъ указанныя и подобныя имъ препятствія не остановили осуществленія и развитія доброй мысли. Равнодушіе въ прихожанахъ мало по малу изчезало и развивался вкусъ къ собесѣдованіямъ. Добрый примѣръ нашелъ себѣ подражателей и въ другихъ мѣстахъ и приходахъ православной Россіи. Дѣло внѣцерковныхъ собесѣдованій сначала незамѣтное, малое, въ продолженіи какихъ нибудь десяти лѣтъ развилось, укрѣпилось и сдѣлалось фактомъ до

---

[1]) Тамъ-же стр. 73 и 74.
[2]) Тамъ-же 74.

того замѣтнымъ, что о немъ нельзя было умолчать въ оффиціальныхъ отчетахъ о состояніи дѣлъ церковныхъ. О внѣцерковныхъ собесѣдованіяхъ сельскихъ священниковъ съ своими прихожанами съ утѣшеніемъ упоминается въ отчетахъ г. оберъ-прокурора св. Синода за 1876—78 годы. „Во многихъ епархіяхъ, говорится въ отчетѣ за 1876 г., вмѣстѣ съ усиленіемъ и оживленіемъ церковной проповѣди распространяется и назиданіе паствы не съ церковныхъ каѳедръ, а въ видѣ собесѣдованій священниковъ съ прихожанами о предметахъ вѣры и нравственности, преимущественно въ воскресные и праздничные дни. Весьма утѣшительно, что собесѣдованія пользуются полнымъ вниманіемъ и сочувствіемъ народа, который собирается на нихъ весьма охотно и въ значительномъ числѣ“ (стр. 126). Отчетъ за слѣдующій годъ указываетъ, что внѣ церковныя собесѣдованія продолжаютъ развиваться и входить въ обычай во многихъ епархіяхъ. Тѣ же извѣстія мы находимъ и въ отчетѣ за 1878 г. съ присовокупленіемъ замѣчанія о пользѣ и значеніи этихъ собесѣдованій: „по отзывамъ преосвященныхъ, собесѣдованія, имѣя непринужденный, чуждый всякой оффиціальности, характеръ разговора пастырей и пасомыхъ, среди котораго свободно выражаются всякаго рода недоумѣнія и предлагаются вопросы со стороны поучаемыхъ, приносятъ обоюдную и существенную пользу“... (стр. 134). Въ слѣдующіе за тѣмъ годы дѣло назиданія и просвѣщенія народнаго посредствомъ внѣцерковныхъ собесѣдованій разрослось еще больше и вошло въ употребленіе во многихъ приходахъ епархій: Минской, Казанской, Самарской, Херсонской, Подольской, Кіевской, Таврической, Курской, Харьковской, Екатеринославской, Вологодской, Тверской, Московской, Владимірской, Саратовской.

Мѣстомъ этихъ собесѣдованій чаще всего бываютъ

церковь и школа, иногда церковная сторожка, домъ священника, волостное правленіе, иногда же, при благопріятной погодѣ, собесѣдованія ведутся подъ открытымъ небомъ въ церковной оградѣ, а иногда священникъ нарочно отправляется въ какую нибудь деревню—по предварительному приглашенію, или по мѣстнымъ соображеніямъ.—Собесѣдованія эти ведутся о разныхъ предметахъ, но главнымъ образомъ о предметахъ религіозно-нравственныхъ. Здѣсь читается слово Божіе порусски или послявянски, изучаются необходимыя молитвы, ведутся разсказы изъ священной исторіи Новаго и частію Ветхаго завѣта, читаются катихизическія поученія на символъ вѣры, молитву Господню, заповѣди и блаженства, объясняется литургія, обычаи христіанскія, обряды и постановленія церковныя, читаются житія святыхъ и другія хорошія и полезныя книги. Само собою разумѣется, что эта программа не вездѣ, не всегда и не вполнѣ выполняется; она видоизмѣняется примѣнительно къ потребностямъ слушателей.

Характеристической особенностью этихъ собесѣдованій служитъ то, что они бываютъ въ истинномъ смыслѣ *собесѣдованіями* т.-е. то, что въ нихъ принимаютъ живое и дѣятельное участіе не только священники, поучающіе своихъ прихожанъ, но и поучаемые ими прихожане; здѣсь и учитель и поучаемые чувствуютъ и ведутъ себя свободно, безъ стѣсненія и церемоніи; бесѣда ведется взаимная, по душѣ. Поэтому здѣсь не одинъ только священникъ держитъ рѣчь, поучаетъ, наставляетъ, но и слушатели его могутъ прерывать его рѣчь своими вопросами о непонятномъ для нихъ, требованіемъ повторенія, подробнѣйшаго и болѣе вразумительнаго объясненія предметовъ для нихъ непонятныхъ, темныхъ. Словомъ, здѣсь дѣйствительно идетъ живая бесѣда между учителемъ и поучаемыми. „Послѣ утрени, говоритъ авторъ „за-

писокъ сельскаго священника", выйду я на амвонъ, прочту и объясню евангеліе этого дня, прочту еще что-нибудь, спрошу: поняли-ли, нѣкоторыхъ прошу и разсказать, что говорилъ я. Въ хорошую же погоду выйдемъ всѣ на крыльцо церкви,—сяду, около меня посядутся всѣ, обступятъ со всѣхъ сторонъ внизу, я и читаю и толкую съ ними часъ или полтора. Тутъ дѣло идетъ у насъ запросто: тутъ я выслушиваю вопросы и сужденія каждаго, тутъ мы не стѣсняемся другъ друга. Послѣ обѣдни я объявляю, что пріѣду въ такую-то деревню... Увидятъ въ деревнѣ, что я пріѣхалъ,—соберется народъ, и начнется наша бесѣда. Тутъ мы совсѣмъ уже свои люди: и я безъ рясы, и слушатели мои въ чемъ попало. Здѣсь я читаю, разсказываю; мнѣ дѣлаютъ вопросы; я дѣлаю, и толкуемъ обо всемъ. Иногда говорятъ мнѣ: недавно пріѣзжали молокане и говорили вотъ что; или скажутъ, раскольники были и говорили вотъ что. Я конечно объясню на толки тѣхъ и другихъ. Тутъ толкуемъ мы и о хозяйствѣ, и о семейныхъ дѣлахъ, обо всемъ". Эта близость, искренность и простота отношеній между священникомъ и его слушателями во время собесѣдованій очень нравится нашему народу и располагаетъ его къ откровенности: онъ обнаруживаетъ предъ священникомъ всѣ сокровенныя думы, высказываетъ свои вѣрованія и суевѣрія, свои взгляды и понятія о самыхъ разнообразныхъ предметахъ; желаетъ, чтобъ священникъ произнесъ о нихъ свой судъ, указалъ ошибки и заблужденія, далъ ему свой совѣтъ, преподалъ ему наставленіе и вразумленіе.

Собесѣдованія эти приносятъ весьма большую пользу и пастырямъ и пасомымъ. Она весьма ясно сознается и тою и другою стороною и въ этомъ сознаніи заключается объясненіе того, почему эти внѣцерковныя собесѣдованія такъ быстро распространились и вошли въ обычай во многихъ приходахъ немалаго количества

епархій и почему на нихъ съ охотою собираются массы слушателей изъ простаго народа. Для *пастырей* церкви, эти собесѣдованія полезны въ томъ отношеніи, что доставляютъ имъ несравненно больше средствъ лучше и полнѣе раскрыть поучаемымъ всѣ важнѣйшія истины христіанской вѣры и нравственности и узнать, въ какой мѣрѣ поучаемые поняли и усвоили то, что имъ преподано и изъяснено; въ этомъ отношеніи внѣцерковныя собесѣдованія имѣютъ несомнѣнное преимущество предъ поученіями, произносимыми съ каѳедры церковной, во время богослуженія: во время собесѣдованій священникъ можетъ дѣйствовать гораздо свободнѣе, по своему усмотрѣнію можетъ прервать свою бесѣду для того, чтобъ обратиться съ тѣми или другими вопросами къ своимъ слушателямъ о томъ, что имъ было прочитано и изъяснено, заставить ихъ повторить то, о чемъ была бесѣда и такимъ путемъ узнать, что̀ и какъ поняли его слушатели, и сообразно съ этимъ онъ или переходитъ къ собесѣдованію о другихъ предметахъ, или снова возвращается къ тому, что уже было объяснено, но неправильно и недостаточно понято его простыми и малоразвитыми слушателями. Далѣе такія бесѣды допускаютъ взаимный обмѣнъ мыслей, обнаруживаютъ разнаго рода суевѣрія, предразсудки, заблужденія и вообще всѣ слабыя стороны умственной и религіозно-нравственной жизни или цѣлой паствы, или отдѣльныхъ пасомыхъ, и указываютъ пастырю, *на что* главнымъ образомъ должна быть направлена его просвѣтительная дѣятельность *и какъ* вести ее. Потомъ эти собесѣдованія служатъ для священниковъ хорошей приготовительной школой къ церковной проповѣди, развивая въ нихъ способность—ясно, просто и убѣдительно говорить съ народомъ и знакомя его съ лучшими пріемами борьбы противъ тьмы невѣжества, суевѣрій и предразсудковъ; наконецъ эти собесѣдова-

нія весьма много помогаютъ сближенію священниковъ съ ихъ пасомыми и увеличиваютъ вліяніе нашего духовенства на народъ. Отсюда уже сама собою понятна громадная польза такихъ собесѣдованій и для простаго *народа*: онъ пріобрѣтаетъ и усвояетъ здѣсь болѣе чистыя и правильныя религіозно-нравственныя понятія и, получая отъ священниковъ не мало разнообразныхъ свѣдѣній, развивается и подготовляется къ лучшему пониманію церковной проповѣди и церковнаго богослуженія. „Для простаго народа, говоритъ одинъ священникъ, собесѣдованія полезнѣе, чѣмъ говоримыя нами въ церкви, съ налоя, бесѣды и поученія, составленіе которыхъ стоитъ намъ не малаго труда и времени. Ибо въ церковномъ поученіи, по краткости объема онаго, много-ли мы можемъ высказать для пользы своихъ слушателей, и все-ли здѣсь можемъ высказывать имъ свободно, нисколько не стѣсняясь? Здѣсь же, въ поученіи своихъ прихожанъ, мы можемъ безъ всякой натянутости объяснить прочитанное или говорить нѣчто приготовленное отъ себя—однимъ предварительнымъ размышленіемъ—безъ особой заботливости о чистотѣ и плавности рѣчи, просто, какъ умѣемъ, разговорнымъ языкомъ, спрашивая отъ собесѣдниковъ отчета въ прочитанномъ или высказанномъ нами, и затѣмъ повторяя и, какъ Богъ насъ вразумитъ, все болѣе и болѣе поясняя одно и тоже,—до тѣхъ поръ, пока они поймутъ и сколько-нибудь усвоятъ... При семъ не только можно, но и нужно дать право всѣмъ крестьянамъ возражать намъ, высказывать свои недоумѣнія, сужденія и мнѣнія—съ цѣлію получить на нихъ нашъ отзывъ, замѣчаніе и разрѣшеніе. Это больше пріохотитъ крестьянъ къ собесѣдованіямъ и больше будетъ возбуждать въ нихъ вниманіе къ тому, о чемъ бесѣдуемъ... Тогда и успѣхъ церковной проповѣди будетъ вѣрнѣе, когда мы въ ней напомнимъ слушателямъ объ истинахъ и обязан-

ностяхъ христіанскихъ, бывшихъ прежде предметомъ нашихъ собесѣдованій съ ними“ [1]).

Исторія возникновенія и распространенія внѣцерковныхъ собесѣдованій служитъ наглядным и убѣдительнымъ доказательствомъ того, что наше духовенство и *хочетъ* и *умѣетъ* учить нашъ народъ многому. Но г. Марковъ не знаетъ, или не хочетъ знать объ этой просвѣтительной дѣятельности порицаемаго имъ духовенства и наперекоръ многочисленнымъ и очевиднымъ фактамъ твердитъ свое:—духовенство не хочетъ и не умѣетъ учить народъ.

Чѣмъ больше приходится разсматривать дѣятельность нашего духовенства по поводу и для повѣрки словъ г. Маркова: „у насъ священникъ немыслимъ, какъ наставникъ, совѣтникъ“ и пр., — „сельскій „попъ“ принадлежитъ къ тѣмъ лицамъ, которыя никогда не захотятъ, да и не съумѣютъ ни разъяснить ничего, ни научить ничему“—тѣмъ больше открывается фактовъ, противорѣчащихъ словамъ г. Маркова, тѣмъ больше поражаешься неосновательностью и голословностью его сужденія о духовенствѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, обратите вниманіе на болѣе важные моменты въ жизни нашего народа, когда онъ особенно нуждался въ наставленіи, совѣтѣ и руководствѣ—и вы увидите, что онъ съ довѣріемъ обращался за этимъ къ своимъ пастырямъ и всегда получалъ отъ нихъ необходимыя для него наставленіе, разъясненіе, совѣтъ и руководство и чрезъ это избѣгалъ многихъ важныхъ ошибокъ, тяжелыхъ бѣдствій. Когда крестьяне были освобождены отъ крѣпостной зависимости, то каждое слово Высочайшаго манифеста, каждый пунктъ „Положеній“ оказались для крестьянъ темными и требующими разъясненія. Къ кому народъ обращался за совѣтомъ и разъясненіемъ?—Къ священ-

---

[1]) „Странникъ“, Май 1881, стр. 74, 75.

никамъ. Многіе пункты „положеній“ не нравились крестьянамъ, возбуждали въ нихъ недовольство и волненіе; они мечтали, что они сейчасъ же, по прочтеніи манифеста, получатъ полную свободу отъ помѣщиковъ, получатъ отъ нихъ всю землю, лѣса и станутъ отъ нихъ внѣ всякой зависимости; но мечты ихъ не сбылись; на время они оставлены въ зависимости отъ помѣщиковъ и должны были работать на нихъ; самый надѣлъ ихъ землею, лѣсами и другими угодьями много зависѣлъ отъ воли помѣщиковъ. Все это крайне не нравилось крестьянамъ и волновало ихъ, и кто не знаетъ, съ какими трудностями соединено было составленіе уставныхъ грамотъ, даже самыхъ выгодныхъ для крестьянъ? Имъ казалось, что ихъ обманываютъ, обдѣляютъ, скрываютъ отъ нихъ настоящую волю царскую. Кто убѣждалъ ихъ къ терпѣнію, разъяснялъ имъ неосновательность ихъ мечтаній и незаконность ихъ притязаній, кто удерживалъ ихъ отъ волненій и неповиновенія начальству? Опять священники, которымъ они часто больше довѣряли ,чѣмъ даже мировымъ посредникамъ. Особенно была полезна и благотворна въ этомъ отношеніи дѣятельность духовенства въ западныхъ губерніяхъ, гдѣ польскіе паны употребляли всѣ усилія къ возмущенію народа противъ правительства. И многіе изъ тамошнихъ священниковъ получили выраженіе „благодарности за содѣйствіе правительству при введеніи уставной грамоты“ [1]).—А во время польскаго возстанія, когда поляки употребляли всѣ хитрости и обманы, чтобъ возстановить простой народъ противъ правительства и привлечь на свою сторону, и потомъ при повѣркѣ уставныхъ грамотъ въ западномъ краѣ—кто былъ руководителемъ и защитникомъ

---

[1]) Кіев. Епар. Вѣд. 1881, № 49, 1. Руков. для сел. пастыр. 1881, № 33, стр. 331.

темнаго народа? Опять таки тамошнее духовенство. „Съ опасностью для жизни, при слезахъ семейства, приходилось священникамъ утромъ говорить въ церкви, днемъ на улицахъ въ кучкахъ ходящаго словно въ туманѣ народа, вечеромъ ободрять, а иногда и разставлять караулы... Опять таки въ нашихъ послужныхъ спискахъ, говоритъ авторъ „слова за духовенство“, вы прочтете выраженіе офиціальной благодарности, а иногда и награды „за весьма похвальныя дѣйствія при усмиреніи польскаго мятежа“. А одинъ изъ насъ для руководства народа написалъ брошюру: „южно-русская народная правда“ [2]).

А общества трезвости, возникшія въ послѣдніе дни откупа сначала въ западномъ краѣ, а потомъ распространившіяся почти во всѣхъ мѣстахъ имперіи? Не свидѣтельствуютъ ли они о могущественномъ вліяніи нашего духовенства на народъ? Несомнѣнно, что одною изъ главныхъ причинъ распространенія обществъ трезвости были наши священники. Вотъ что говорится въ Моск. Вѣдомостяхъ объ этомъ движеніи противъ пьянства: „это движеніе не было мѣстнымъ, оно обнимало всю Россію... То и дѣло сообщались мірскіе приговоры объ учрежденіи обществъ трезвости, то и дѣло приходилось читать и слышать, какъ въ разныхъ мѣстахъ крестьяне собирались въ церкви, служили молебны и затѣмъ давали зарокъ не пить водки. Письменныя обязательства въ этомъ смыслѣ подписывались цѣлыми деревнями, цѣлыми волостями, при чемъ крестьяне сами опредѣляли штрафъ и тѣлесныя наказанія нарушителямъ зарока, выбирая особыхъ старшинъ для надзора за соблюденіемъ трезвости... Это повсемѣстное движеніе, наканунѣ предстоявшаго освобожденія крестьянъ, росло быстро и въ такихъ размѣрахъ, что нѣсколько винокурен-

---

[2]) Кіев. Епар. Вѣд. 1881, № 49 стр. 2.

ныхъ заводовъ должны были закрыться, нѣкоторые откупщики оказались несостоятельными... Церковь и ея служители подкрѣпляли народъ въ его добромъ начинаніи. *Одна за другою посылались въ Петербургъ жалобы на священниковъ за то, что они воздерживаютъ народъ отъ пьянства.* Тогдашняя свѣтская администрація дала ходъ этимъ жалобамъ, препроводивъ ихъ оберъ-прокурору Св. Синода. Но *Синодъ отвѣчалъ на нихъ благословеніемъ „священнослужителямъ ревностно содѣйствовать возникновенію въ нѣкоторыхъ городскихъ и сельскихъ сословіяхъ благой рѣшимости воздержанія отъ употребленія вина“*. Кабатчики потребовали *отмѣны* указа Св. Синода, *„ибо при содѣйствіи его, общества трезвости разведутся повсемѣстно“*, и добились своего. Сперва оберъ-прокурору св. Синода было сообщено, *„что совершенное запрещеніе горячаго вина посредствомъ сильно дѣйствующихъ на умы простаго народа религіозныхъ угрозъ и клятвенныхъ обѣщаній не должно быть допускаемо, какъ противное не только общему понятію о пользѣ умѣреннаго потребленія вина, но и тѣмъ постановленіямъ, на основаніи которыхъ правительство отдало питейные сборы въ откупное содержаніе“*. А затѣмъ сдѣлано было прямое распоряженіе: приговоры городскихъ и сельскихъ обществъ о воздержаніи уничтожить и впредь городскихъ собраній и сельскихъ сходокъ для сей цѣли нигдѣ не допускать“ [1]). Вотъ какая поддержка оказана была доброму стремленію народа! вотъ съ какимъ сочувствіемъ встрѣчена была плодотворная пастырская дѣятельность нашего духовенства! Народу чуть чуть не дано прямое приказаніе пьянствовать по прежнему, а духовенству вмѣнена въ преступленіе его проповѣдь противъ

[1]) Москов. Вѣдом. 1881, № 277.

пьянства и впредь запрещено склонять и убѣждать народъ къ трезвости и воздержанію на томъ весьма высокомъ и уважительномъ соображеніи, что кабатчики терпятъ убытки отъ трезвости народа. Итакъ пусть развращается и погибаетъ народъ, лишь бы процвѣтали кабаки и наживались ихъ содержатели! Нечего сказать памятное поощреніе дано было нашему духовенству! Не мѣшало бы почаще вспоминать объ этомъ тѣмъ изъ нашего свѣтскаго общества, которые любятъ укорять нашихъ священниковъ въ безпечности и нежеланьи учить и вразумлять народъ.

Напоминаемъ о благодѣтельномъ участіи нашего духовенства и въ современномъ движеніи нашихъ крестьянъ противъ кабаковъ. И теперь совершается то же, что было за двадцать лѣтъ предъ симъ. Со всѣхъ сторонъ получаются извѣстія, что крестьяне постановляютъ приговоры о закрытіи кабаковъ въ своихъ деревняхъ. Множество кабаковъ закрыто главнымъ образомъ подъ вліяніемъ пастырскаго слова противъ пьянства [1]). Но сходство современнаго движенія съ прежнимъ невольно возбуждаетъ опасеніе, какъ бы и конецъ его не былъ прежній.

Напоминаемъ наконецъ и о дѣятельности нашего духовенства во время анти-еврейскаго движенія въ юго-западной окраинѣ Россіи. Грабежъ и убійство озлобленнаго противъ жидовъ народа во многихъ мѣстахъ остановлены или предупреждены силою пастырскаго слова [2]).

---

[1]) Такъ крестьяне села Кубанскаго составили приговоръ о закрытіи кабаковъ на 3 года послѣ проповѣди свящ. Грищенко о вредѣ пьянства; такъ при Татевскомъ приходскомъ училищѣ составилось общество трезвости при участіи свящ. Молодова (Церк. Вѣстн. 1882, № 34, 10.). Въ селѣ Маломъ Чернятинѣ, о пьянствѣ жителей котораго гремѣла дурная слава на далекія пространства, крестьяне постановили закрыть кабаки. Это постановленіе состоялось глав. обр. подъ вліяніемъ убѣжденій о. Николая Вишневскаго, простая задушевная рѣчь котораго имѣетъ громадное вліяніе на его пасомыхъ (Кіев. Епар. Вѣд. 1882, № 15, 283).

[2]) Кіев. Еп. Вѣд. 1882, № 15, 280.

„Въ другихъ странахъ, особенно лютеранскихъ, говоритъ г. Марковъ, есть готовая рать для проведенія религіозной нравственности въ школу—ихъ просвѣщенное духовенство. Но у насъ, по мнѣнію г. Маркова, къ великому стыду и несчастью нашему“ нѣтъ такой готовой просвѣщенной рати.

Не отрицаемъ, что духовенство другихъ странъ отличается образованностью и представляетъ „готовую рать“ для распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія чрезъ школу. Но г. Марковъ какъ будто не знаетъ, что это просвѣщенное духовенство другихъ странъ не имѣетъ большаго вліянія на школы, и дѣятельность его, направленная къ религіозно-нравственному просвѣщенію молодаго поколѣнія, въ послѣднее время значительно стѣснена. Уже-ли неизвѣстно г. Маркову, что въ настоящее время, при анти-религіозномъ и анти-церковномъ направленіи западнаго общества, во многихъ странахъ духовенству почти совсѣмъ прегражденъ доступъ въ школу? Ужели онъ не знаетъ, что тамъ школа объявлена государственнымъ учрежденіемъ, и преподаваніе въ ней закона Божія запрещено? Такъ въ Америкѣ не терпятъ никакихъ учебниковъ, составленныхъ въ интересахъ того или другаго религіознаго братства; тамъ запрещено въ школѣ заниматься преподаваніемъ религіи [1]). Во Франціи „недавно состоялось правительственное постановленіе—объ уничтоженіи въ школахъ всѣхъ религіозныхъ предметовъ — крестовъ, изображеній и пр. и въ связи съ этимъ изданъ законъ, изгоняющій изъ общественныхъ школъ обученіе закону Божію, ставящій это обученіе необязательнымъ ни для кого; воспрещено, подъ страхомъ строгаго преслѣдованія, показывать дѣтямъ религіозныя картины, *упоминать о Богѣ даже въ поговоркѣ*; изъ

[1]) Дюлонъ. Изъ Америки стр. 99:

обычнаго разговора исключаются слова: Богъ, ангелъ, дьяволъ и всѣ, напоминающія о представленіяхъ, выходящихъ изъ сферы матеріальнаго міра; всѣ эти слова вычеркиваются изъ старыхъ, оставшихся за неимѣніемъ другихъ, учебниковъ и пособій; они исключаются изъ пѣсенъ и гимновъ, при чемъ учителямъ предлагается замѣнить ихъ другими понятіями, въ родѣ „природы", „добродѣтели", „порока" и т. п." [1]). Въ Швейцаріи существуетъ законъ, въ которомъ сказано, что образованіе должно быть основано на почвѣ религіозно-нравственной, но съ полнымъ исключеніемъ всякаго догматизма и вѣроисповѣднаго элемента. Въ Баденѣ, Готѣ, Виртембергѣ и Баваріи явились новыя узаконенія, которыя устранили духовенство отъ школы. Наконецъ и въ Пруссіи внесенъ былъ въ палату и прошелъ законъ, которымъ духовенство устраняется отъ надзора за школами и преподаваніе закона Божія въ школахъ не допускается [2]). Возможно-ли просвѣщенному духовенству вліять на религіозно-нравственное образованіе народа чрезъ школу въ тѣхъ странахъ, гдѣ постановленіями государственными запрещено преподаваніе закона Божія въ школахъ или позволено преподавать только такъ называемую всеобщую религію, не обращая вниманія на различіе вѣроисповѣданій, имѣя въ виду лишь то, что связываетъ людей, а не то, что разъединяетъ ихъ? [3]) Это явленіе есть послѣдній результатъ продолжительной борьбы между церковью и государствомъ изъ-за вліянія на школу, — борьбы, въ продолженіи которой противники вліянія церкви на школу всячески старались унизить и очернить просвѣщенное духовенство, говорили напр., что духовныя лица — „это

---

1) Странникъ. Февраль, 1881. стр. 306. 307.
2) Гренковъ. Церковь и государство, стр. 53.
3) Карлъ Шмидтъ. Истор. педаг. Т. 4, ч. I, стр. 362. 371.

самыя жалкія головы, самые невѣжественные люди, что они хлопочутъ только о своихъ выгодахъ", „заслуги ихъ для школы слишкомъ ничтожны", что „духовное сословіе, занятое своими собственными дѣлами, не можетъ слѣдить за успѣхами педагогики и школьнымъ преподаваніемъ", что „священники почти всегда лишены практической опытности въ школьномъ преподаваніи; далѣе опытомъ дознано, что подъ управленіемъ церкви школа упала, ухудшилась, вмѣсто того, чтобъ улучшаться и усовершенствоваться" [1]).

Видите, г. Марковъ, что во многихъ западныхъ странахъ духовенство устранено отъ всякаго участія въ дѣлахъ школы и въ религіозно-нравственномъ воспитаніи молодаго поколѣнія чрезъ школу. Не спасли его отъ изгнанія изъ школы ни его просвѣщеніе, ни его готовность трудиться въ школѣ. Готовая рать просвѣщенныхъ пастырей очутилась не у дѣлъ, дѣятельность ихъ признана вредною для школы. Не тоже-ли замѣчается и у насъ въ послѣднее время? „Въ Россіи числится свыше 40,000 церквей и монастырей, и при нихъ состоитъ священнослужителей, окончившихъ курсъ въ духовныхъ семинаріяхъ, до 70,000. Такимъ образомъ правительство можетъ сразу открыть десятки тысячъ народныхъ школъ и поставить надъ ними десятки тысячъ вполнѣ готовыхъ учителей, которые конечно будутъ въ состояніи обучать деревенскихъ дѣтей закону Божію, грамотѣ, письму и счету, и которые не отучатъ, а пріучатъ ихъ къ церкви" [2]). Итакъ многочисленная готовая рать для распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ народѣ чрезъ школу—у насъ на лицо. А намъ говорятъ, что ея нѣтъ. Г. Марковъ даже оплакиваетъ это отсутствіе, какъ великое несчастіе,

---

[1]) Тамъ же стр. 366. 367.
[2]) „Москов. Вѣд " 1882, № 238.

и отъ горькихъ слезъ не видитъ окружающихъ предметовъ. Что это значитъ? Дѣло въ томъ, что и у насъ по примѣру запада завелась партія людей, употребляющихъ всѣ усилія къ тому, чтобъ народную школу поставить внѣ вліянія нашей православной церкви и преградить духовенству всякій доступъ въ школу. Для этой цѣли стараются выставить наше духовенство въ самомъ позорномъ видѣ и лишить его уваженія и довѣрія общества. Несмотря на его несомнѣнную готовность трудиться для дѣла умственнаго и религіозно-нравственнаго просвѣщенія народа, о немъ кричатъ, что оно лѣниво и безпечно, не хочетъ учить народъ и устраняется отъ преподаванія закона Божія въ школахъ. Несмотря на его просвѣщеніе и образованность, его провозглашаютъ глупымъ, тупымъ и безнравственнымъ. Выводъ отсюда тотъ, что народную школу надобно вырвать изъ рукъ духовенства и вручить ее инымъ учителямъ достойнѣйшимъ.

Но справедливы-ли эти нареканія на духовенство? Когда вопросъ объ освобожденіи крестьянъ созрѣлъ и приближался къ разрѣшенію, когда сознана была настоятельная потребность открытія школъ и для простаго народа, готоваго выйдти на свободу изъ помѣщичьей зависимости; то наше духовенство прежде другихъ сословій приступило къ осуществленію мысли о школахъ для народа и съ горячимъ усердіемъ предложило свои силы и труды на дѣло просвѣщенія народнаго. Починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ кіевскому митрополиту Исидору, который въ 1859 году предложеніемъ отъ 31-го августа выразилъ желаніе, чтобъ „сельское духовенство по возможности старалось содѣйствовать въ сельскихъ обществахъ распространенію полезныхъ знаній,... чтобы во всѣхъ мѣстечкахъ и селахъ были открыты въ самыхъ домахъ священниковъ школы, если таковыхъ не будетъ

устроено со стороны сельскаго общества, и чтобы въ сихъ школахъ учили чтенію и письму и преподавали законъ Божій примѣнительно къ понятію сельскихъ дѣтей.“ Кіевское духовенство съ сочувствіемъ отнеслось къ мысли своего архипастыря и съ усердіемъ приступило къ осуществленію ея на дѣлѣ; въ продолженіи трехъ лѣтъ въ кіевской епархіи открыто было священниками 1316 приходскихъ школъ, въ которыхъ было учащихся 31,727. Эта дѣятельность кіевскаго духовенства нашла не менѣе усердныхъ подражателей и въ другихъ епархіяхъ, такъ что къ 1866 году, на всемъ пространствѣ Россіи, церковно-приходскихъ школъ было болѣе двадцати тысячъ и учащихся въ нихъ около полумилліона дѣтей, какъ это видно изъ циркуляра бывшаго Оберъ-Прокурора Св. Синода Ахматова отъ 5-го Марта 1866 года [1]). Нашимъ духовенствомъ положено было прекрасное начало дѣлу народнаго просвѣщенія. Многочисленная рать нашего духовенства съ усердіемъ выступила на дѣло просвѣщенія народнаго, выразила искреннюю готовность и большую способность вести это дѣло. Въ высшихъ правительственныхъ сферахъ даже появилась и довольно долго держалась мысль о передачѣ всѣхъ начальныхъ народныхъ школъ вѣдѣнію Святѣйшаго Синода съ одной стороны потому, что заботу о народномъ образованіи считали прямою обязанностью духовенства, а съ другой стороны потому, что въ народныхъ учителяхъ не духовнаго званія стали обнаруживаться свободомысліе и антирелигіозность. Проекту о передачѣ народныхъ школъ вѣдѣнію Св. Синода сочувствовали министры народнаго просвѣщенія графъ Путятинъ, Ковалевскій, Норовъ, Оберъ-Прокуроры Св. Синода—графъ А. П. Толстой и Ахматовъ, а графъ Д. Н. Блудовъ „умирая взялъ

---

[1]) Странникъ, Февр. 1881 г., стр. 284 и 285.

слово съ Буткова, что онъ будетъ умолять Императора Александра Николаевича, чтобы Онъ поспѣшилъ ввѣрить народную школу преобладающему попеченію духовенства“ [1]). Но предсмертному завѣщанію графа Блудова не суждено было исполниться. Во главѣ министерства народнаго просвѣщенія тогда стоялъ А. В. Головнинъ, которому противна была мысль о передачѣ народныхъ школъ вѣдѣнію церкви. Началась агитація противъ осуществленія этой въ высшей степени полезной мысли, употреблены всѣ средства, чтобы унизить духовенство въ глазахъ общества и убить существующія церковно-приходскія школы. Газеты (С.-Петербургскія Вѣдомости, Голосъ и друг.) затянули свою пѣсню, которую продолжаютъ тянуть и до сихъ поръ,—что духовенство неспособно заниматься обученіемъ народа; даже старались доказать, что духовенству и неудобно, и неприлично заниматься этимъ дѣломъ. Чтобъ охладить въ духовенствѣ охоту къ открытію новыхъ приходскихъ школъ,—ограничили его дѣятельность запрещеніемъ открывать школы въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ православное народонаселеніе смѣшано съ католическимъ; чтобъ уменьшить число учащихся въ церковно-приходскихъ школахъ, стали открывать начальныя школы свѣтскаго вѣдомства и переманивать въ нихъ учениковъ изъ церковныхъ школъ. Получая на свое содержаніе и управленіе громадныя суммы изъ средствъ земства и государственнаго казначейства, свѣтскія народныя школы стали быстро расти и развиваться, такъ что къ 1879 году всѣхъ начальныхъ народныхъ училищъ было не менѣе 50 тысячъ при 61 учительской семинаріи для приготовленія учителей для народныхъ школъ; 27 тысячъ народныхъ школъ и 11 учительскихъ семинарій содержались на средства

---

[1]) Москов. Вѣдом. 1882 г., № 238; Голосъ 1882 г., № 229.

земствъ; остальныя же начальныя народныя школы и учительскія семинаріи получали содержаніе изъ средствъ министерства народнаго просвѣщенія [1]); тогда какъ церковно-приходскія школы оставлены были безъ всякой матеріальной поддержки со стороны государства. При такой сильной конкурренціи, при крайнемъ недостаткѣ матеріальныхъ средствъ могли-ли существовать и развиваться церковно-приходскія школы? Конечно нѣтъ. И мы видимъ, что число ихъ и учащихся въ нихъ начинаетъ быстро упадать; въ 1866 г. церковно-приходскихъ школъ было 20 тысячъ съ 500 тысячъ учащихся, а въ 1877 г. число этихъ школъ упало до 6.321 съ 180 тысячами учащихся [1]). Казалось, при видѣ уменьшенія числа церковно-приходскихъ школъ и при умноженіи школъ, открываемыхъ на средства министерства и земства, у нашего духовенства не было достаточныхъ основаній скорбѣть и жаловаться; повидимому, измѣнялось только мѣсто его дѣятельности; повидимому, ему слѣдовало только перенести свою просвѣтительную дѣятельность изъ школъ церковно-приходскихъ въ школы земскія и министерскія. Но на самомъ дѣлѣ оказалось, что съ паденіемъ церковно-приходскихъ школъ и съ усиленіемъ земскихъ и министерскихъ значительно стѣснена была дѣятельность нашего духовенства и уменьшилось вліяніе его на народное воспитаніе. Въ церковно-приходскихъ школахъ духовенство было полновластнымъ хозяиномъ и распорядителемъ; отъ него зависѣли ходъ и направленіе воспитанія и обученія крестьянскихъ дѣтей; оно вело воспитаніе и обученіе дѣтей въ духѣ православной церкви; тогда какъ въ земскихъ и министерскихъ народныхъ школахъ наше духовенство должно было стать въ унизительную за-

---

[1]) Странникъ, Февраль 1881 г., стр. 287, 288.
[2]) Тамъ же, стр. 287.

висимость отъ людей полуграмотныхъ, но несмотря на это относившихся къ нему съ обиднымъ пренебреженіемъ [1]); далѣе въ земскихъ школахъ дѣятельность духовенства была стѣснена и ограничена крайне малымъ числомъ уроковъ; но важнѣе всего то, что дѣятельность его встрѣчена была здѣсь недоброжелательно и враждебно: земскія и министерскія школы были наполнены учителями и учительницами, не сочувствовавшими вліянію церкви на школу и не рѣдко дышавшими фанатической ненавистью къ религіозно-нравственному и церковному элементу. Министерству и земству не трудно было надѣлить народныя школы учителями подобнаго рода. Дѣло въ томъ, что въ то время весьма распространены были въ нашемъ обществѣ взгляды и убѣжденія людей, которымъ противны были религіозно-нравственныя истины христіанской вѣры и которымъ хотѣлось всѣхъ христіанъ обратить въ язычество и распространить въ православномъ русскомъ народѣ культъ плоти, служеніе чувственности; въ то время съ голоса Добролюбова, Писарева и другихъ, распространявшихъ идеи Фейербаха, Молешотта, Бюхнера, религіозныя вѣрованія называли „космогоническими бреднями“, исказившими естественныя стремленія, причинившими много

---

[1]) „Нѣкоторыя земства, говоритъ почтенный авторъ „Замѣтокъ о сельскихъ школахъ“, рѣшившись прибѣгнуть къ этому средству (назначенію вознагражденія за учительскіе труды) для привлеченія священниковъ къ законоучительству въ сельской школѣ сумѣли обставить его крайне стѣснительными и непрактическими условіями. Священнику выдается почасная плата, по аттестаціи учителя. Во-первыхъ этимъ напередъ ставится предѣлъ его школьной дѣятельности. Во-вторыхъ, слѣдуетъ вспомнить, что учитель — нерѣдко мальчишка, исключенный изъ средняго учебнаго заведенія за неспособность усвоить правила элементарной орѳографіи,—но читающій газеты, напитанный *передовыми* идеями, считающій долгомъ, по примѣру старшихъ, относиться къ священнику, *предъ которымъ онъ совершенный неучъ*, съ высокомѣрнымъ презрѣніемъ и канцелярскою придирчивостью. Само собою разумѣется, что этою организаціею священникъ отталкивается отъ школы“. Русь, 1881 г., № 47, стр. 14.

зла человѣчеству [1]), нравственное воспитаніе,—„гнилымъ, тупоумнымъ ученіемъ о приниженіи личности, объ аскетическомъ, безплодномъ пожертвованіи живою дѣятельностью ради какого-то внѣшняго, невѣдомо кѣмъ установленнаго принципа о долгѣ и нравственности“; въ то время наклонны были думать, что „кто исполняетъ требованія долга, тотъ поступаетъ безчестно и подло, есть жалкая дрянь и тряпка“ [2]). Эти безнравственныя и нелѣпыя мнѣнія проникли во многія учительскія семинаріи и усвоены были молодыми людьми, готовившимися быть просвѣтителями нашего православнаго народа. Поэтому религіозно-нравственное состояніе многихъ учительскихъ семинарій было ужасное: здѣсь все религіозное подвергали насмѣшкѣ, говорили о нелѣпости православной вѣры, святыхъ называли пьяницами, Троицу выдумкой, утреннія и вечернія молитвы почти ежедневно служили поводомъ для всевозможныхъ скандаловъ и кощунствъ [3]). И молодые люди, воспитанные въ такой враждѣ къ религіи и церкви, дѣлались учителями народныхъ школъ и самовластвовали въ нихъ. Нашему народу были противны и ужасны подобные учителя и—будь его воля—они скоро-бы изчезли изъ его школъ. Но онъ не воленъ былъ въ выборѣ учителей для своихъ дѣтей. Этимъ распоряжались за него дѣятели земства и министерства. Что касается земскихъ дѣятелей, то нѣкоторые изъ нихъ, отличаясь враждою къ религіи и церкви, дѣйствовали съ замѣчательной энергіей и самоотверженіемъ: на свои собственныя средства открывали школы тамъ, гдѣ ихъ не было, являлись усердными покровителями школамъ уже существующимъ, жертвовали своими капиталами

---

[1]) Добролюбовъ, Т. 3, 461, 463.
[2]) Тамъ же, Т. 2, стр. 367—380.
[3]) Гражданинъ, 1877 г., № 7, стр. 188. Ср. „Земскія учительскія школы“, Христ. Чт. 1879, январь—февраль, стр. 136.

на содержаніе учителей, на улучшеніе и обогащеніе училищныхъ библіотекъ и, пользуясь своимъ вліяніемъ, вводили въ школы такихъ учителей и учительницъ, которые желали вытравить изъ душъ своихъ питомцевъ всякое религіозно-нравственное представленіе и чувство, выбирали и выбрасывали изъ училищныхъ библіотекъ всѣ священныя книги, какъ глупыя [1]). Большинство же земскихъ интеллигентныхъ людей проникнуто было позорнымъ равнодушіемъ ко всему религіозному и церковному и потому къ религіозному воспитанію дѣтей относилось съ крайнимъ пренебреженіемъ. Совершенно справедливо говоритъ объ этомъ авторъ прекрасныхъ „Замѣтокъ о сельскихъ школахъ“: „Отношеніе нашей интеллигенціи къ религіозному элементу въ школѣ — извѣстно: оно допускаетъ его лишь ради соблюденія какихъ-то консервативныхъ приличій, или какъ уступку невѣжественнымъ требованіямъ простонародія—и это лицемѣрное отношеніе къ нему вреднѣе прямаго гоненія“ [2]). Такое же пренебрежительное отношеніе и позорное равнодушіе къ религіи и религіозному воспитанію замѣтно было въ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ даже тѣхъ лицъ, которымъ высшею правительственною властію ввѣрено было попеченіе о народныхъ школахъ нашего отечества и о религіозно-нравственномъ воспитаніи молодаго поколѣнія; „что касается министерства (народнаго просвѣщенія), говоритъ тотъ же авторъ, то его постановленія, циркуляры, инструкціи преисполнены выраженіями неустанной заботливости о процвѣтаніи религіознаго элемента въ школахъ всѣхъ возможныхъ наименованій. Но во всемъ этомъ мало искренности. Стоитъ только вспомнить то приниженное положеніе, которое отведено преподаванію Зако-

---

[1]) Тамъ-же.
[2]) Русь, 1881 г., № 45, стр. 10.

на Божія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Относительно сельскихъ школъ, стоитъ только заглянуть въ каталогъ книгъ для употребленія въ сельскихъ школахъ, изданный министерствомъ въ 1875 г. Слѣдуетъ замѣтить, что всякая книга, не входящая въ этотъ каталогъ (распадающійся на списки книгъ рекомендованныхъ, одобренныхъ и допущенныхъ), безусловно запрещена. Повѣритъ-ли мнѣ читатель, если я скажу ему, что въ этомъ каталогѣ не значится ни Часослова, ни Псалтиря, ни Ветхаго Завѣта? Новый Завѣтъ „одобренъ", но „не рекомендованъ"... Всякому конечно извѣстно, что безъ Часослова и Псалтири сельская школа немыслима, что Ветхій Завѣтъ во всякой школѣ необходимъ. Тѣмъ не менѣе употребленіе этихъ книгъ въ школахъ оказывается „*безусловно запрещеннымъ*" со стороны министерства. Это запрещеніе ни малѣйшаго практическаго результата не имѣетъ. Оно даетъ только мѣрку внимательности министерства къ духовно-нравственнымъ нуждамъ народа [1]).

При такомъ равнодушномъ, а весьма часто и враждебномъ отношеніи образованныхъ классовъ нашего общества, „задающихъ тонъ нашей сельской школѣ", — при невнимательности министерства народнаго просвѣщенія къ религіозному элементу въ народной школѣ понятнымъ становится, почему наше духовенство, по слову своихъ архипастырей съ такимъ жаромъ принявшееся за дѣло обученія крестьянскихъ дѣтей, охладѣло къ нему и стало уклоняться отъ него, когда ему пришлось перенести свою просвѣтительную дѣятельность въ свѣтскія народныя школы. Многія изъ нихъ были такъ поставлены, что духовенство, припоминая слова Спасителя (Мѳ. 10, 14), должно было бѣжать изъ нихъ: ихъ созидали, ими завѣды-

---

[1]) Тамъ же.

вали и правили люди, которымъ противенъ былъ духъ христіанства и православной церкви, которымъ поэтому и проповѣдники ученія Христова и представители православной вѣры казались распространителями невѣжества и суевѣрія. Удивительно ли послѣ этого уклоненіе нашего духовенства отъ дѣятельности въ такой народной школѣ? И г. Рачинскій одну изъ существенныхъ причинъ равнодушія нашего духовенства къ народному образованію находитъ именно въ антирелигіозномъ и антицерковномъ направленіи людей, завѣдующихъ народной школой. Мнѣніе г. Рачинскаго объ этомъ предметѣ имѣетъ особенный вѣсъ и значеніе, какъ мнѣніе человѣка, не по наслышкѣ только знакомаго съ народной школой, но принимающаго непосредственное горячее участіе въ дѣлѣ народнаго образованія, потому хорошо знакомаго съ потребностями и нуждами народной школы, съ отношеніями къ ней нашихъ образованныхъ сословій,—какъ мнѣніе свѣтски образованнаго человѣка, сужденіе котораго о нашемъ духовенствѣ, объ отношеніи его къ школѣ и о значеніи его для школы никакъ не можетъ быть заподозрѣно въ пристрастіи и односторонности. Мы не можемъ удержаться, чтобъ не повторить словъ этого почтеннаго педагога, самоотверженно посвятившаго свои силы на служеніе истинному народному просвѣщенію,—словъ, заключающихъ въ себѣ тонкую и правдивую оцѣнку религіозно-нравственнаго состоянія нашего образованнаго общества и рѣдкихъ въ нашей журналистикѣ по безпристрастному взгляду на наше ославленное и опозоренное духовенство. „Оглянемся на себя! говоритъ г. Рачинскій. Вспомнимъ хоть на мгновеніе, что мы не католики, что въ церковныхъ вопросахъ мы не имѣемъ права отдѣлять себя въ качествѣ безсильныхъ, ни за что не отвѣтственныхъ мірянъ отъ непогрѣшимаго, всѣмъ управляющаго

клира. Вѣдь церковь—это также мы; въ вопросахъ образованія и ученія это преимущественно мы, люди досуга и знанія, надѣленные и временемъ и данными для оцѣнки неизмѣримой важности этихъ вопросовъ. Будемъ откровенны, будемъ искренни! Для многихъ ли изъ насъ вопросы вѣры—вопросы жизни? Принялъ ли хоть одинъ изъ насъ на себя эту должность священника, о важности и святости которой мы такъ охотно толкуемъ? Что я говорю! Многіе ли изъ насъ пошевельнутъ пальцемъ, чтобы имѣть въ своемъ приходѣ достойнаго священника, чтобы удержать его въ немъ? *Многіе ли изъ насъ смотрятъ на религіозный элементъ въ школѣ, какъ на самую ея суть, а не какъ на благовидный безвредный придатокъ?* И мы жалуемся на то, что священники наши плохи, что вліяніе ихъ на нашу школу ничтожно!—Нынѣ замкнутость духовнаго сословія уничтожена закономъ. Двери на стежъ (онѣ и прежде всегда бы раскрылись предъ твердою волею, предъ искреннимъ призваніемъ), но никто въ нихъ не входитъ, кто-же въ этомъ виноватъ?—Легко ссылаться на Петровскія реформы, на цѣлый рядъ правительственныхъ постановленій, облекшихъ нашу церковь въ мертвящія формы казеннаго вѣдомства. Но все это еще не корень зла, а вопіющій его признакъ. Надъ живою церковію никакое правительство въ мірѣ не властно; зло не въ мѣрахъ правительства, а въ медленномъ, постепенномъ, по большей части безсознательномъ отпаденіи отъ церкви всего, что у насъ есть образованнаго, богатаго, властнаго. Дивиться ли тому, что это отпаденіе, у людей образованныхъ обставленное всѣми приличіями сдержанной недосказанности, въ подражающей имъ полуобразованной массѣ выражается безобразнымъ кощунствомъ или грубымъ лицемѣріемъ? Дивиться ли приниженному матеріально и нравственно положенію на-

шего духовенства, въ свою очередь выталкивающему изъ него, почти поголовно, всѣ силы, которыя могли бы поднять его нравственный уровень, его нравственный авторитетъ? Полу-робкому *полу-раздраженному отношенію его къ школѣ, водворяемой въ нашихъ селахъ этимъ нецерковнымъ, или даже противуцерковнымъ элементомъ нашего общества?* Тому, что у насъ попадаются священники, вовсе непонимающіе значенія церкви для школы и школы для церкви? Тому, что большинство изъ нихъ выжидаетъ, чтобъ искренность настояній на ихъ участіи въ школьномъ дѣлѣ выразилась хотя бы назначеніемъ имъ какого-либо вознагражденія за ихъ учительскіе труды? Что священникъ, *только для виду* приглашаемый въ школу, *только для виду* исполняетъ въ ней свои обязанности?—Дивиться нужно скорѣе тому, что у насъ встрѣчаются сельскіе священники, и число ихъ не мало, въ тишинѣ и смиреніи совершающіе свое святое дѣло, за которое никто никогда не скажетъ имъ спасибо. — Это печальное положеніе продлится до тѣхъ поръ, пока *не измѣнится отношеніе къ церкви нашихъ образованныхъ классовъ, и пока эти классы будутъ задавать тонъ нашей сельской школѣ.* Тутъ не помогутъ никакія министерскія циркуляры, никакія архипастырскія увѣщанія [1]).

Сказанное нами, кажется, достаточно ясно показываетъ, что и у насъ есть многочисленная готовая рать для проведенія религіозной нравственности въ школу — наше духовенство, что оно въ большинствѣ случаевъ не уклонялось отъ исполненія этой лежащей на немъ высокой и священной задачи, что оно напротивъ, особенно въ послѣднее время, обнаружило много усердія и готовности—посвятить свои силы на служеніе дѣлу народнаго просвѣщенія. Но къ не-

---

1) Русь 1881 № 47, стр. 14.

счастію и вреду нашего народа, образованные слои нашего общества, взявшіе въ свои руки дѣло народнаго просвѣщенія, подозрительно и пренебрежительно отнеслись къ просвѣтительной дѣятельности духовенства и употребили всѣ усилія, чтобы вырвать изъ рукъ духовенства дѣло народнаго образованія и охладить въ немъ то усердіе, съ которымъ оно принялось за дѣло устроенія школъ для народа. Оскорбленное подозрительностью, пренебреженіемъ и недоброжелательствомъ интеллигентныхъ людей свѣтскаго общества, наше духовенство часто сторонится отъ народной школы. И вотъ многочисленная готовая рать съ огромнымъ запасомъ силъ для рѣшенія важнаго и труднаго вопроса о народномъ образованіи отведена въ сторону и осуждена на бездѣйствіе. Старая испытанная рать потеряла кредитъ; всѣ надежды возлагаются на силы новобранцевъ, наскоро сформированное и обученное войско.

Но можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ старая готовая рать утратила свои силы и способности и не можетъ уже сослужить ту службу, въ которой нуждаются наше отечество и народъ, такъ что поневолѣ пришлось удалить старую армію съ театра дѣйствій и вывести на поле сраженія только что набранное и кое-какъ обученное войско и на него возложить всѣ надежды? Можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ, говоря языкомъ не фигуральнымъ, наше духовенство до такой степени упало въ умственномъ и нравственномъ отношеніи, что опасно было ввѣрить ему дѣло народнаго образованія и явилась настоятельная необходимость устранить его отъ этого дѣла и вручить его новымъ дѣятелямъ, новому учительскому сословію, составленному отчасти изъ воспитанниковъ учительскихъ семинарій, отчасти изъ учениковъ признанныхъ въ другихъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ неспособными къ продолженію

учебнаго курса, а министерствомъ народнаго просвѣщенія радушно принятыхъ въ сословіе народныхъ учителей?

Если судить о религіозно-нравственномъ и умственномъ состояніи нашего духовенства на основаніи аттестаціи, какую даетъ послѣднему г. Марковъ и многіе другіе подобные ему публицисты; то дѣйствительно министерству народнаго просвѣщенія ничего не оставалось дѣлать, какъ употребить всѣ средства къ скорѣйшему изгнанію духовенства изъ народныхъ школъ и къ уничтоженію его вліянія на дѣло народнаго образованія. „Еслибы вручить, говоритъ г. Марковъ, нашу зарождающуюся школу теперешнему духовенству; то въ ней очень скоро не осталось бы даже отдаленнаго намека на религіозно-нравственныя начала, точно такъ же, какъ не осталось слѣда ихъ въ семинаріяхъ и духовныхъ училищахъ"; потому что само духовенство „проходитъ темную школу грубости и тупости. Язычески — грубое отношеніе къ религіи, крайняя матеріальность взглядовъ и вкусовъ, схоластическое притупленіе ума, замѣна лживою реторикою искренности чувства и правды знанія, наконецъ униженіе въ себѣ человѣческаго достоинства — вотъ неизбѣжные плоды бурсацкихъ вліяній, гдѣ бы и подъ какимъ бы титуломъ ни появлялись они" (194 стр.).

Въ самомъ дѣлѣ, если духовныя школы, въ которыхъ наше духовенство получало и получаетъ свое образованіе, дѣйствительно таковы, какими рисуетъ ихъ г. Марковъ; то, конечно, онъ совершенно правъ, предостерегая общество отъ людей, прошедшихъ чрезъ эти школы: выступая на общественную и въ частности педагогическую дѣятельность, они могутъ распространять среди молодаго поколѣнія только мракъ невѣжества, грубости и тупости, заражать его невѣріемъ и безнравственностью и проч. Но на какомъ основаніи г. Марковъ рисуетъ такими отвратитель-

ными красками духовныя школы, наши духовныя семинаріи и училища, на какихъ достаточныхъ данныхъ онъ произноситъ смертный приговоръ надъ духовной школой и надъ духовенствомъ, которое проходитъ эту школу?

Едва ли можно предположить, чтобъ суровое сужденіе г. Маркова о нашихъ духовныхъ школахъ утверждалось на личномъ близкомъ знакомствѣ его съ жизнью и бытомъ осуждаемыхъ имъ школъ. Мы имѣемъ достаточныя основанія утверждать, что онъ презрительно относится къ духовнымъ семинаріямъ и училищамъ съ чужаго голоса; унизительная аттестація, какую онъ даетъ этимъ школамъ, есть не болѣе, какъ отголосокъ того ходячаго мнѣнія, которое составилось въ нашемъ свѣтскомъ обществѣ о духовныхъ школахъ на основаніи книгъ: „О духовныхъ училищахъ“ *Ростиславова*, „Очерковъ бурсы“, *Помяловскаго* и многихъ другихъ статей, касавшихся воспитанія въ нашихъ духовныхъ училищахъ и семинаріяхъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ появились эти сочиненія и произвели въ свое время немалое впечатлѣніе на читающую публику, прошелъ не одинъ десятокъ лѣтъ, и наступила пора безпристрастнаго сужденія о степени достоинства этихъ обличительныхъ произведеній; пора сознать, что такія литературныя произведенія, какъ книги Ростиславова и Помяловскаго, изображающія духовныя школы чѣмъ-то въ родѣ „мертваго дома“, крайне односторонни, сообщаютъ превратное представленіе о духовной школѣ. Авторы ихъ проникнуты болѣзненною раздражительностью и озлобленіемъ противъ той школы, изъ которой они вышли; они видятъ въ ней одно дурное и ничего хорошаго. Книга Ростиславова—это сборникъ ходячихъ анекдотовъ, заимствованныхъ изъ скандальной хроники духовныхъ семинарій и училищъ всей Россіи, чуть не за весь періодъ ихъ существо-

ванія. Но къ подобнымъ сборникамъ анекдотовъ надобно относиться съ крайней осторожностью. Извѣстно, переходя изъ устъ въ уста, анекдоты большею частію значительно искажаются, каждый разсказчикъ прибавляетъ къ нимъ обыкновенно такъ много своего, что анекдоты всегда имѣютъ множество варіацій и утрачиваютъ историческую достовѣрность: въ нихъ трудно бываетъ отдѣлить правду отъ лжи, истину отъ созданій досужей и черезчуръ живой фантазіи разсказчиковъ. Особенно же разсказчики анекдотовъ страдаютъ тѣмъ важнымъ недостаткомъ, что пренебрегаютъ хронологіей, и то, что случилось напр. пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, не считаютъ грѣхомъ выдавать за случившееся въ нынѣшнемъ и прошломъ году. Этого недостатка не избѣжалъ и г. Ростиславовъ въ своей книгѣ. Благодаря такому пріему характеристики духовныхъ школъ, получается поразительно-мрачная, но крайне невѣрная картина; случившееся въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ пріурочивается къ одному времени; отъ того духовныя школы являются у него чѣмъ-то въ родѣ помойной ямы, въ которую авторомъ сгребается вся грязь, накопившаяся въ разныхъ мѣстахъ и при томъ въ продолженіи многихъ десятковъ лѣтъ. Что касается очерковъ бурсы Помяловскаго, то они представляютъ рядъ мрачныхъ, ужасныхъ и отвратительныхъ картинъ изъ быта семинарскаго и училищнаго; въ нихъ изображаются не люди, въ которыхъ, при всѣхъ ихъ недостаткахъ, всегда есть хоть что нибудь доброе, нравственное, а скорѣе какіе то дикіе звѣри, грубыя, нечистоплотныя, омерзительныя животныя, безъ проблесковъ ума, безъ признаковъ чистоты и теплоты сердечной. Уже это одно обстоятельство заставляетъ безпристрастнаго читателя произведеній Помяловскаго усомниться въ исторической правдѣ очерковъ бурсы, предположить въ авторѣ ихъ болѣзнен-

ную раздражительность, озлобленіе противъ духовной школы и недостатокъ спокойнаго и трезваго отношенія къ описываемому имъ предмету. Дѣйствительно, люди, учившіеся въ духовной школѣ между двадцатыми и тридцатыми годами, указываютъ прежде всего на односторонность очерковъ Помяловскаго; они находятъ ихъ невѣроятными и неправдоподобными. Не отрицая многихъ значительныхъ недостатковъ въ семинарскомъ обученіи и воспитаніи, они свидѣтельствуютъ, что духовныя школы даже и въ ихъ время, болѣе грубое и суровое, вовсе не были такъ дурны, какъ изображаетъ ихъ Помяловскій. И въ ихъ время, какъ всегда и вездѣ, въ духовныхъ школахъ были темныя стороны и въ обученіи и въ воспитаніи, были суровые, грубые и даже жестокіе начальники и наставники, но никогда семинаріи и училища духовныя не были въ такомъ ужасномъ, мрачномъ и грязномъ состояніи, въ какомъ изображаетъ ихъ Помяловскій и какое подало поводъ Писареву сравнить учениковъ духовныхъ школъ съ каторжниками сибирскаго острога, съ жителями Мертваго Дома. Но если бурса Помяловскаго не можетъ быть источникомъ вѣрныхъ свѣдѣній о духовныхъ училищахъ былаго времени; то тѣмъ меньше позволительно по бурсѣ Помяловскаго судить о духовныхъ училищахъ настоящаго времени. Не нужно терять изъ виду того важнаго обстоятельства, что состояніе духовныхъ школъ въ послѣдніе двадцать пять лѣтъ настолько измѣнилось къ лучшему, что только люди подобные г. Маркову, т.-е. совсѣмъ незнакомые съ духовными школами и въ сужденіяхъ о нихъ руководящіеся стариннымъ предубѣжденіемъ противъ нихъ, могутъ называть ихъ „темной школой грубости и тупости“: преподаваніе наукъ въ нихъ не хуже, если не лучше, чѣмъ въ другихъ свѣтскихъ школахъ, религіозно-нравственное воспитаніе учениковъ гораздо лучше, обращеніе съ

ними—благородное, мягкое, гуманное; объ „униженіи въ нихъ человѣческаго достоинства“ теперь не можетъ быть и рѣчи.

Но мы готовы идти на возможныя уступки г. Маркову, готовы признать, что очерки Помяловскаго и Ростиславова были и до сихъ поръ остаются вполнѣ вѣрными дѣйствительности и что нѣтъ достаточнаго основанія сомнѣваться въ вѣрности той характеристики умственнаго и религіозно-нравственнаго состоянія воспитанниковъ духовныхъ семинарій и училищъ, какую дѣлаетъ г. Марковъ на основаніи упомянутыхъ произведеній нашей литературы.

Но если вы, г. Марковъ, современное состояніе духовныхъ семинарій и училищъ характеризуете на основаніи книгъ Помяловскаго, Ростиславова и другихъ статей нашей литературы шестидесятыхъ годовъ; то почему же вы употребляете этотъ пріемъ по отношенію только къ духовнымъ школамъ, только ихъ подвергаете осмѣянію и позору, только ихъ пачкаете тою грязью, какую вы находите въ клоакахъ Помяловскаго и Ростиславова? Вѣдь въ памятникахъ литературы шестидесятыхъ годовъ состояніе и прочихъ нашихъ школъ рисуется не въ лучшемъ видѣ, чѣмъ состояніе духовныхъ семинарій. Тогдашняя литература, увлеченная духомъ обличенія съ особеннымъ жаромъ занималась преданіемъ гласности всевозможныхъ недостатковъ частной и общественной нашей жизни; она не оставила не осмотрѣнными ни одного темнаго мѣста, угла и закоулка и старалась вымести оттуда грязь и соръ, которыхъ дѣйствительно не мало накопилось у насъ отъ нашей прежней жизни. Выставляя на показъ и нещадно бичуя различные недостатки нашей общественной жизни, она перерыла весь старый хламъ и нашихъ школъ, обдавшій публику запахомъ гнили и мертвечины. Предъ взорами читающей публики на-

рисована была ужасно-мрачная картина нашего особенно школьнаго воспитанія. Во всѣхъ статьяхъ, обсуждавшихъ педагогическіе вопросы, во всѣхъ воспоминаніяхъ о нашихъ разнообразныхъ школахъ—кадетскихъ корпусахъ, коммерческихъ училищахъ, гимназіяхъ, семинаріяхъ, университетахъ, въ очеркахъ домашняго и общественнаго воспитанія преобладало отрицательное направленіе, духъ мрачнаго изувѣрскаго самобичеванія; здѣсь, почти безъ изъятія, начальники учебныхъ заведеній изображались или деспотами, или людьми глупыми, или умѣвшими набивать только свой карманъ; учителя являлись или тиранами, или потѣшными чудаками, или пьяницами; надзиратели—людьми развратными, пошлыми, возбуждающими отвращеніе и презрѣніе, ученики —ничтожными рабами, надъ которыми творилъ свою безобразную волю жалкій сбродъ директоровъ, инспекторовъ, учителей, надзирателей, экономовъ и пр. Вообще по этимъ литературнымъ памятникамъ того времени выходило, что въ нашихъ школахъ разнообразныхъ вѣдомствъ дѣтей не воспитывали, а только притупляли ихъ умъ, развращали ихъ нравственно, мучили ихъ голодомъ, холодомъ и жестокимъ обращеніемъ. Прослѣдите воспоминанія о разныхъ учебныхъ заведеніяхъ, помѣщавшіяся въ журналистикѣ того времени, къ которому принадлежатъ и произведенія Помяловскаго, Ростиславова съ братіею, и вы увидите, что выставлена была на показъ чернота и грязь *не однихъ только духовныхъ семинарій и училищъ*, но и прочихъ учебныхъ заведеній.

Чтобъ не быть голословными, мы, съ позволенія читателей, сдѣлаемъ нѣсколько выдержекъ изъ воспоминаній объ учебной и воспитательной части въ различныхъ свѣтскихъ заведеніяхъ. Намъ крайне непріятно развертывать предъ читателями страницы скандальной хроники свѣтскихъ учебныхъ заведеній раз-

ныхъ вѣдомствъ. Но такъ какъ у людей, подобныхъ г. Маркову, слишкомъ живо и ясно воспоминаніе о недостаткахъ только духовной школы, напротивъ у нихъ совсѣмъ нѣтъ памяти о тѣхъ язвахъ, которыми страдали и можетъ быть и до сихъ поръ страдаютъ свѣтскія учебныя заведенія; то мы беремъ на себя крайне непріятный трудъ развернуть предъ ними хоть нѣсколько страницъ этой непривлекательной хроники. При сличеніи хроники свѣтской школы съ хроникою духовной школы, у людей, борзыхъ на порицанія нашей духовной школы, авось пробудится чувство справедливости и хоть нѣсколько охладится охота къ глумленію и язвительному смѣху надъ презираемой ими бурсой.

Вотъ что напр. говоритъ авторъ воспоминаній о воспитаніи въ горномъ кадетскомъ корпусѣ: „Вообще наше ученіе, особенно въ нижнихъ, а часто и въ среднихъ классахъ, по тогдашнему повсемѣстному способу преподаванія, состояло всего болѣе въ упражненіи памяти. Ужъ какъ же ей бѣдной доставалось! Все учили наизусть. Долбили катихизисъ, ничего не понимая, зубрили по цѣлымъ страницамъ опредѣленія и правила грамматики по французски и по нѣмецки, едва умѣя читать на этихъ языкахъ; выучивали длинную вереницу иностранныхъ словъ; съ пѣніемъ и хорами затверживали мы таблицу умноженія, громоздили память свою безчисленнымъ множествомъ историческихъ и географическихъ именъ, неоживленныхъ никакимъ интересомъ, и потому скоро забываемыхъ. Даже логику—логику знаменитаго Баумейстера—Богъ ему судья!—и ту усиливались втиснуть въ нашу память. За то логика и производила въ насъ какое-то одуряющее дѣйствіе: она представляла намъ въ непроницаемомъ туманѣ даже и тѣ предметы, которые мы безъ этой науки ясно видѣли и понимали.— Обдумывать, разсуждать, соображать и требовать поясненія предмета для насъ непонятнаго — намъ не

дозволяли: „это-де не ваше дѣло, на то есть старшіе классы“. Итакъ, въ ожиданіи перехода въ вожделѣнные старшіе классы, мы должны были умственныя наши силы оставлять въ неподвижномъ, окаменѣломъ состояніи. Выражать своими словами выученное — тоже воспрещалось, и многіе учители спрашивали урокъ по книгѣ. При такой насильственной дрессировкѣ, мы часто затруднялись отвѣчать на самые обыкновенные вопросы. Если иногда пробуждалась въ насъ неудержимая любознательность, и мы обращались съ вопросомъ къ нашимъ учителямъ: то отъ иныхъ получали въ отвѣтъ грозное: „молчать! не разговаривать“! отъ другихъ — снисходительное выраженіе: „ваше дѣло слушать и учиться, а не спрашивать“, отъ третьихъ—прелюбезный отзывъ: „послѣ, послѣ узнаете“.

„Много было у насъ наградъ, а наказаній еще больше. У насъ въ корпусѣ не жалѣли ни розогъ, ни виноватаго; розги были въ большомъ изобиліи, да еще не простыя розги, какъ производитъ ихъ природа, — нѣтъ, какой-то добрый человѣкъ ухитрился мочить ихъ въ соляномъ растворѣ. Возлѣ нашей столовой, въ буфетѣ, вмѣстѣ съ разными припасами и принадлежностями для стола, рѣзко бросались въ глаза огромные чаны съ цѣлымъ лѣсомъ розогъ, которыя, до употребленія ихъ въ дѣло, мокли въ водѣ съ солью. Въ умывальной, въ цейхаузѣ, въ дежурной комнатѣ, въ инспекторской—вездѣ были розги; даже въ лазаретѣ отъ нихъ не было спасенія, — и тамъ задавали выпорку свѣже-просольными“.

„Отъ офицера до директора — всѣ имѣли право сѣчь кадетъ; впрочемъ, надобно сказать правду, что хотя у насъ наказывали тѣлесно очень часто, но не доходили, по крайней мѣрѣ въ мое время, до такихъ жестокихъ наказаній, какимъ подвергались тогда кадеты въ другихъ корпусахъ. При мнѣ былъ толь-

ко одинъ изъ начальниковъ, отличавшійся безчувственностью (?) къ такимъ наказаніямъ. Но худо было въ особенности то, что, при назначеніи тѣлеснаго наказанія, часто не разбирали ни степени вины, ни возраста, ни нравственнаго характера кадета, ни прежняго хорошаго поведенія. Попался въ какомъ нибудь проступкѣ—и всѣ прежнія добрыя качества его забыты. Тутъ не было никакихъ, извѣстныхъ въ юриспруденціи, смягчающихъ обстоятельствъ".

„Изъ другихъ наказаній существовали у насъ: карцеръ — мрачная, тѣсная комната, въ родѣ каземата, гдѣ было очень грязно и душно. Сюда запирали виновныхъ на нѣсколько часовъ, на цѣлый день, а иногда и на всю ночь". „Оставляли безъ завтрака, безъ обѣда или ужина, лишали послѣдняго блюда, ставили во время обѣда къ стѣнѣ или къ столбу, ставили въ уголъ, на колѣни просто и голыми колѣнами на песокъ, надѣвали сѣрую куртку, дурацкій колпакъ и выставляли въ такомъ видѣ на общее посмѣяніе; не увольняли на праздники домой. Нерѣдко случалось, что за шумъ въ классѣ, во время отсутствія учителя, запирали всѣхъ безъ исключенія въ томъ классѣ на всю ночь".

„За одну небольшую вину иногда подвергали нѣсколькимъ наказаніямъ. Учитель поставитъ кадета за невниманіе или разговоры въ уголъ; увидитъ инспекторъ—велитъ ему стать на колѣни; придетъ командиръ — прикажетъ отвесть виноватаго въ карцеръ; дежурный офицеръ запишетъ его въ журналъ, какъ замѣченнаго учителемъ въ шалости, а маркшейдеръ, по этому журналу, не отпуститъ на воскресенье или на праздникъ домой".

„Обращеніе съ нами нѣкоторыхъ учителей, какъ и вообще въ учебныхъ заведеніяхъ стараго времени, было очень невѣжливое, дикое. Прибить кадета до слезъ, схватить его за волосы, выдрать уши — было дѣломъ обыкновеннымъ".

„Должность помощника командира по воспитательной части исправлялъ въ первое время моего пребыванія въ корпусѣ К. Ѳ. Г — ъ, человѣкъ суровый, холодный, неумолимый, безпощадный въ жестокихъ наказаніяхъ. Мы никогда не видали улыбки его, никогда не слыхали ласковаго слова. Гордый видъ, всегдашняя угрюмость, непривѣтливость этого начальника отталкивали насъ отъ него. Въ наказаніяхъ онъ руководствовался, кажется, кровавыми правилами Дракона: за всякую вину, какъ за большую, такъ и за малую, сѣкъ безъ милосердія. Всѣхъ, замѣченныхъ въ теченіи недѣли въ какой-либо шалости или въ нерадѣніи Г — ъ приказывалъ вносить въ такъ называемый *субботній списокъ*. Наступала суббота, и дежурный унтеръ-офицеръ вызывалъ записанныхъ въ этотъ роковой списокъ и отводилъ несчастныхъ цѣлыми десятками на квартиру Г — а, гдѣ раздавались крики, стоны, плачъ и скрежетъ зубовъ. — Суббота была для насъ самымъ тревожнымъ днемъ... Многіе изъ моихъ современныхъ однокашниковъ и теперь еще хорошо помнятъ *день субботній*“.

А вотъ образчикъ того, какъ учителя обращались съ кадетами. Учитель грамматики А. Д. Марковъ „имѣлъ свой неистощимый лексиконъ бранныхъ словъ и выраженій, которыя щедро разсыпалъ при всякомъ случаѣ: ласкалъ ли, хвалилъ ли, или бранилъ кого. Бывало — отвѣтишь, какъ слѣдуетъ, на его вопросы изъ грамматики, Марковъ поморгаетъ, да и скажетъ: ну, чушка полосатая, хорошо; старайся, хомякъ, старайся, тюлень; я тебѣ, сусликъ, отличную отмѣтку поставлю“.

„Если зашумятъ въ классѣ, то Марковъ закричитъ: тише вы, егозы, свинопасы, что заорали, буйволы,— безъ каши всѣхъ оставлю“!

„Ошибешься въ урокѣ—бѣда! Марковъ забросаетъ своими избранными: „ахъ ты, тюрикъ, тюфякъ, ба-

рабанная палка, кашный горшокъ, — что ты тутъ навралъ, пентюхъ, рохля, сивый меринъ, косолапый чортъ, — ступай, дармоѣдъ, повтори, затверди".

„Если же кто ничего не могъ ему отвѣтить, то Марковъ разилъ всѣми перунами своего гнѣва: „а, ты молчишь, сиволапый лабазникъ... а, ты ничего не знаешь, оселъ, байбакъ, сычъ, филя, олухъ; славную же ты задалъ отстойку съ барабаннымъ боемъ! ахъ ты, сивачъ, толкачъ, моргачъ — маршъ подъ лавку! Провались, окаянный"! [1]).

Вотъ что творилось въ заведеніи, находившемся подъ особымъ попеченіемъ высочайшихъ Особъ, имѣвшемъ пансіонеровъ Императрицы! Ученье и воспитаніе мальчиковъ лучше ли было здѣсь, чѣмъ въ презрѣнной бурсѣ, описанной Помяловскимъ? Или не угодно ли кому прочитать „Воспоминанія С—ва о Московскомъ коммерческомъ училищѣ" [2]), или воспоминанія о „первомъ кадетскомъ корпусѣ" Занденгорста [3]). Въ послѣднихъ воспоминаніяхъ между прочимъ говорится: „По методѣ тогдашняго воспитанія, розги были необходимое и естественное средство для управленія дѣтей—въ ихъ нравственности. На этомъ основаніи наши камерныя дамы не упускали случая употребить это материнское наказаніе, нерѣдко и за маловажныя дѣтскія шалости. М-me Бертгольдъ, какъ директорша, наказывала дѣтей за особые важные проступки: эти экзекуціи производились въ классахъ, и послѣ наказанія кадетъ былъ обязанъ, со слезами на глазахъ, поцѣловать руку М-me Бертгольдъ и поблагодарить ее. Домашнія наказанія производились *собственноручно* нашими дамами"...

---

[1]) Современникъ 60-хъ год., Т. LXXVI, отд. 1-й. Воспоминанія о воспитаніи въ горномъ кадетскомъ корпусѣ 1815 — 1822 г. Ардаліона Иванова.

[2]) Русскаго Вѣстника, Т. XXXVI, Воспоминанія о Московскомъ коммерческомъ училищѣ 1831—1838 г.

[3]) Русск. Старина, Февраль, 1879 г., стр. 305—316.

„О тѣлесныхъ наказаніяхъ, совершенно сходныхъ съ „солдатскими“, я умолчу; всякій можетъ представить себѣ это жестокое истязаніе! За важные проступки виновные кадеты были заключаемы въ тюрьму (карцеръ) на недѣлю и болѣе. Тюрьма эта состояла изъ небольшой отдѣльной комнаты съ небольшимъ окошечкомъ, съ желѣзной въ немъ рѣшеткой; кровать и столъ, прибитые къ полу; кровать безъ соломенника; а вмѣсто подушки были прибиты доски въ наклонномъ положеніи; виновному давали только хлѣбъ и воду. Когда оканчивался срокъ заключенія, ротный командиръ приходилъ въ тюрьму, сопровождаемый четырьмя служителями, съ пучками розогъ,— и заключенный подвергался жестокому тѣлесному наказанію“.

„Русская пословица говоритъ: „съ одного вола двухъ шкуръ не деруть“, но корпусное начальство ея не придерживалось; за каждый сколько-нибудь важный проступокъ виновный кадетъ почти постоянно подвергался *двумъ*, а иногда и тремъ наказаніямъ“.

Вышеуказанныя воспоминанія служатъ несомнѣннымъ доказательствомъ того, что во всѣхъ этихъ заведеніяхъ *ученье* утверждалось за зубристикѣ, безсмысленномъ упражненіи памяти, а школьная *дисциплина* отличалась суровостью, жестокостью и крайнимъ неуваженіемъ къ личности воспитанника, крайней неразборчивостью въ употребленіи дисциплинарныхъ мѣръ, пустымъ и мертвящимъ формализмомъ, доводящимъ до слѣпаго, автоматическаго повиновенія, до механическаго и тупаго исполненія даже предписаній и уставовъ религіи и церкви. Начальники, наставники и надзиратели рисуются здѣсь крайне жестокими и тупыми людьми. Если бы въ этихъ заведеніяхъ учились Ростиславовъ и Помяловскій и оставили воспоминанія о своемъ ученьѣ; то при ихъ мрачномъ и одностороннемъ взглядѣ на свою школьную жизнь,—

при ихъ пріемахъ разсказывать о событіяхъ прошлаго времени, они, безъ сомнѣнія, нарисовали бы картины хуже и отвратительнѣе картинъ бурсацкой жизни; безъ сомнѣнія, они опозорили бы и подвергли всеобщему поруганію и эти заведенія, какъ они заклеймили позоромъ бурсу, въ которой, какъ оказывается, пріемы ученья и воспитанія были ничуть не хуже, чѣмъ въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Теперь приведемъ нѣсколько выдержекъ изъ воспоминаній о воспитаніи въ гимназіяхъ. У насъ подъ руками нѣсколько воспоминаній о гимназіяхъ [1]) — и во всѣхъ ихъ и начальники, и наставники, и надзиратели рисуются весьма непривлекательными красками; и учебная и воспитательная часть во всѣхъ гимназіяхъ, къ которымъ относятся воспоминанія этихъ различныхъ авторовъ, находилась въ весьма худомъ состояніи. Такъ авторъ „гимназическихъ воспоминаній“ начинаетъ рѣчь о своей гимназіи слѣдующими словами: „Во время моего семилѣтняго пребыванія въ гимназіи, учителя толковали объ улучшеніи преподаванія, о развитіи моральныхъ силъ ученика, для того, чтобы каждый, кончившій курсъ, могъ съ успѣхомъ поступить въ университетъ, а *на дѣлѣ не дѣлали ничего*. Что я пріобрѣлъ, выслушавши полный гимназическій курсъ и получивши хорошій аттестатъ?—Пріобрѣлъ только сознаніе, какъ узко, ничтожно и поверхностно мое первоначальное образованіе; то же самое подтвердятъ, я думаю, всѣ бывшіе мои товарищи. Кромѣ слабости силъ, мальчика устрашали трудности, которыя сулили учителя при изуче-

---

[1]) „Школьныя воспоминанія Воронова“. Журналъ для воспитанія т. 5-й II, 68 и 120.

„Гимназическія воспоминанія В.“ Воспитаніе т. 8-й, II, 61.

„Изъ воспоминаній о Д. гимназіи Ф. Островскаго.“ Воспитаніе т. 9, III, 97.

„Очерки общественнаго воспитанія Шестакова“. Тамъ же, 208 и 310.

ніи предмета; кромѣ того суровымъ обхожденіемъ они вселяли къ себѣ, если не отвращеніе, то по крайней мѣрѣ нерасположеніе и неуваженіе учащагося и наконецъ, сухостію изложенія ихъ собственнаго предмета—антипатію къ нему".

„Всякій ученикъ гимназіи, переходящій изъ 3 класса въ 4-й зналъ, что двери университета отворены только знающему латинскій языкъ. Это же самое говорилъ и учитель латинскаго языка М., когда являлся въ первый разъ къ новымъ его слушателямъ: „Да вѣдь не всякому же можно лѣзть въ университетъ, говаривалъ онъ, тамъ нужно имѣть и голову-то золотую, да и память-то хорошую. Ну, куда васъ столько сюда зашло? Зачѣмъ? И силъ-то вашихъ не хватитъ и утомитесь-то вы, да и учителю-то тяжкій трудъ; чрезъ мои руки прошло 20 курсовъ; предусмотрительные и добросовѣстные, понявши истину моихъ словъ, удалялись; я знаю, что изъ этого числа и половины не перейдетъ въ слѣдующій классъ, и что же? годъ даромъ пропалъ, а пользы — ни на грошъ, кромѣ укора отъ родителей". Мальчики, подмѣтившіе неудовольствіе учителя, принявшаго ихъ съ перваго раза такъ недружелюбно, упадали духомъ; они ожидали встрѣтить сочувствіе, ободрительный взоръ, но вмѣсто этого увидѣли только его суровое лицо, внушающее невольный страхъ; услышали его холодное привѣтствіе, такъ мало располагающее ученика къ учителю"... „На слѣдующій разъ только половина приходила слушать латинскій языкъ, остальная перешла на законовѣдѣніе. М., увидавши меньшее число слушающихъ, былъ довольнѣе и принимался за объясненіе урока... Въ бытность мою въ гимназіи изучали грамматику по руководству Бѣлюстина. Въ этомъ руководствѣ, какъ теперь помню, было множество существительныхъ третьяго склоненія, кончащихся на *is*, какъ исключеніе мужскаго

рода, которыя обязаны мы были выучить и отвѣтить именно въ томъ порядкѣ, въ какомъ они стояли въ руководствѣ. Эти-то существительныя были для нашего учителя пробнымъ камнемъ. Если ученикъ могъ перебрать всѣ эти имена; то учитель заключалъ, что ученикъ способенъ заниматься; если же онъ начиналъ говорить не въ томъ порядкѣ, то учитель говорилъ ему—*садись, пустая башка!* (его обыкновенное выраженіе). Многимъ пришлось выслушать эти слова при отвѣтѣ урока, и эти-то многіе оставлялись на произволъ судьбы".

„Отверженныхъ (учениковъ) учитель спрашивалъ урокъ всегда съ пренебреженіемъ, не называя даже фамиліи, кого намѣревался спрашивать, говоря, обыкновенно тыкая пальцемъ въ воздухъ: „ну, вы, господинъ, да знаете ли что-нибудь, а то не тратьте времени". Ученики молчали. „Да что, языкъ-то на привязи что-ли? али приморозило? Въ кои вѣки спросишь и тутъ толку не добьешься, да отвѣчайте что нибудь!" Ученики по прежнему молчали и не двигались съ мѣста, не зная, кого учитель спрашиваетъ и къ кому онъ относитъ эти слова. А учитель сердился, выходилъ изъ себя, наконецъ рѣшался произнести начальныя буквы фамиліи ученика, который вставалъ и начиналъ отвѣчать.

„Каждую ошибку отвѣчающаго М. желчно порицалъ и произносилъ слѣдующія слова, отъ которыхъ ученикъ еще болѣе конфузился: „да чѣмъ у тебя голова-то набита, да зачѣмъ она дана тебѣ, развѣ только шапку носить? Да не мучь ты меня, пожалуйста, садись, садись!" и учитель, кончивъ съ однимъ, начиналъ заниматься съ другимъ, и на долю этого доставались тѣ же слова, та же грубость обращенія".

„Математика въ нашъ выпускъ въ высшихъ классахъ шла дурно"...

„У учителя русской словесности П., какъ у старыхъ педагоговъ, все вниманіе было обращено *на риторику, теорію краснорѣчія, для изученія которыхъ посвящались цѣлые годы*; сочиненія, обличающія степень развитія ученика, у насъ почти не писались... Обыкновенно учитель заставлялъ учить и риторику и теорію краснорѣчія по своимъ запискамъ, составленнымъ лѣтъ за десять. Эти записки переходили отъ одного поколѣнія къ другому, и несмотря на десятилѣтнюю давность были слишкомъ незрѣлы..."

„Учитель исторіи К. не сообщалъ своимъ ученикамъ взгляда на историческій фактъ, и мы ограничивались только сухимъ изложеніемъ Смарагдова. Религія народовъ, ихъ бытъ, однимъ словомъ, внутренняя сторона (?) была для насъ terra incognita. Этого мы и не подозрѣвали въ исторіи. Исторія была для насъ собраніемъ войнъ и годовъ. *Учитель никогда не разсказывалъ уроковъ, а обыкновенно подходилъ къ первому ученику, бралъ книгу и, отсчитавши листа три или четыре, а иногда и болѣе, проводилъ ногтемъ черту и говорилъ многозначительно: „до сихъ поръ"*.

„Изъ всѣхъ предметовъ, преподаваемыхъ у насъ въ гимназіи, хуже всего шелъ французскій языкъ. Въ младшихъ классахъ т. е. до пятаго, учитель съ нами хоть съ грѣхомъ по поламъ, но занимался: заставлялъ переводить и учить грамматику, имъ самимъ составленную на русскомъ языкѣ съ множествомъ безсмыслицъ. Но какъ только ученики переходили въ пятый классъ, г. Д. уже буквально *ничего* не дѣлалъ. Классъ французскаго языка былъ для насъ отдохновеніемъ отъ трудовъ. Учитель нашъ или спалъ, сидя на каѳедрѣ, или разсказывалъ намъ городскія новости и сплетни. Чтобъ ближайшее начальство не узнало о такомъ препровожденіи времени въ классѣ, учитель нашъ заставлялъ одного ученика писать на

доскѣ всегда одинъ и тотъ же переводъ съ русскаго на французскій языкъ. Обыкновенно должность переводчика исполнялъ постоянно ученикъ М. Для того, чтобы отвлечь окончательно подозрѣніе начальства, учитель всегда ставилъ отмѣтки за мнимые отвѣты въ спискахъ, хотя никогда никого не спрашивалъ".

Вотъ вамъ, г. Марковъ, не малое число типовъ невѣжества, грубости, тупости и безсовѣстнаго отношенія къ дѣлу среди учителей одной только гимназіи! И среди такихъ учителей гимназіи единственнымъ свѣтлымъ и отраднымъ явленіемъ былъ преподаватель, вышедшій изъ той школы, которую вы называете „школою грубости и тупости". „Про одного только наставника, говоритъ г. В. въ заключеніе своихъ безотрадныхъ воспоминаній о гимназіи, — „можно вспомнить съ любовію и уваженіемъ. Онъ навсегда у насъ останется въ памяти — это учитель закона Божія. Этотъ законоучитель умѣлъ вселить въ насъ любовь къ занятіямъ. Для насъ была истинная радость, когда былъ часъ его занятій въ классѣ; когда онъ входилъ, у всѣхъ были довольныя лица. Если бы кто нибудь не зналъ урока, что было чрезвычайною рѣдкостью, —учитель кротко говорилъ, что это дурно, доказывалъ ему необходимость въ постепенномъ, но постоянномъ изученіи предмета и что пробѣлы въ знаніи отзовутся для него впослѣдствіи; доводилъ ученика до чистосердечнаго раскаянія, такъ что невыучившій урока самъ ясно видѣлъ, какъ онъ дурно сдѣлалъ. И уже на другой разъ онъ зналъ то, чего прежде не приготовилъ, и это дѣлалось не изъ страха наказанія отъ начальства, но изъ чувства собственнаго убѣжденія, что должно поправить ошибку. Уважаемый наставникъ давалъ понять ученикамъ, что безъ знанія закона Божія они не могутъ назваться христіанами. У него былъ прекрасный даръ слова, и когда бывало нач-

нетъ объяснять урокъ; то весь классъ превращается вслухъ (въ слухъ), и никто не проронялъ ни одного его слова. *Единственно* онъ вселилъ въ насъ любовь къ наукѣ, ему мы обязаны всѣмъ хорошимъ, что въ насъ есть, и навсегда, повторяю, останется въ памяти у насъ такой дорогой наставникъ".

Нисколько не въ лучшемъ видѣ изображаетъ учебную и особенно воспитательную часть въ гимназіи г. *Островскій* въ своихъ „воспоминаніяхъ о Д. гимназіи". Свои воспоминанія онъ начинаетъ слѣдующими словами: „Что доставляли наши гимназіи своимъ питомцамъ? Достаточное ли количество нужныхъ научныхъ свѣдѣній? Приспособляли ли ихъ къ общественной дѣятельности? Достаточно ли развивали ихъ къ усвоенію высшихъ научныхъ истинъ — къ учебной самодѣятельности?—Увы! на всѣ эти вопросы, говоря вообще, приходится отвѣчать отрицательно. Гимназіи не задавали себѣ предложенныхъ нами вопросовъ и съ невозмутимымъ равнодушіемъ выпускали въ свѣтъ чиновниковъ, — чиновниковъ-формалистовъ, не способныхъ ни къ какой другой дѣятельности".

А вотъ нѣсколько картинокъ, касающихся начальства и преподавателей Д—й гимназіи. „Директоръ, исправлявшій эту должность во всю мою бытность воспитанникомъ Д—ой гимназіи, былъ нѣкотораго рода спекулянтъ, страшный охотникъ до картъ... Онъ посѣщалъ классы много разъ въ годъ, и то на нѣсколько минутъ; вся его дѣятельность въ отношеніи къ воспитанникамъ состояла въ томъ, что по жалобѣ инспектора на кого нибудь изъ насъ, онъ отправлялся съ виновнымъ въ сторожевскую и тамъ *при себѣ приказывалъ несчастному отпускать педагогическую порцію—100 розогъ, рѣдко меньше*. Мальчика били до того, что онъ уже переставалъ кричать".

„Инспекторъ М. любилъ порядкомъ выпить, часто въ классъ являлся подъ хмѣлькомъ, хотя это ему и не мѣшало быть хорошимъ преподавателемъ, но конечно, имѣя самъ слабость, не могъ быть настойчивымъ къ исполненію своихъ обязанностей другими учителями, которые почти каждые полъурока проводили въ бесѣдѣ между собою". Первый учитель латинскаго языка К. „обладалъ чрезвычайно-смѣшною наружностью", возбуждавшей громкій хохотъ въ гимназистахъ при каждомъ его появленіи. „Не научивъ гимназистовъ понимать даже легкія латинскія фразы, К. объяснялъ красоты слога разныхъ латинскихъ писателей и все это на томъ же латинскомъ языкѣ". „Второй учитель латинскаго языка, А., при довольно приличной наружности, но сильномъ неряшествѣ, былъ что-то въ родѣ полусумасшедшаго. Войдя въ классъ, г. А, не обращая вниманія ни на кого изъ учениковъ, садился на свое мѣсто, произнося звукъ эрхіооо..., длившійся нѣсколько минутъ, потомъ открывалъ книгу и начиналъ переводить съ интонаціею пѣнія.—Буква *р* пользовалась необыкновеннымъ сочувствіемъ г. А., онъ произносилъ ее вездѣ, гдѣ только встрѣчалъ: въ родѣ урррр..., голову откинувъ назадъ и глаза закативъ; казалось въ это время онъ испытывалъ удовольствіе артиста-музыканта, исполнявшаго труднѣйшій пасажъ. Иногда А. своимъ гармоническимъ чтеніемъ, сопровождаемымъ хохотомъ гимназистовъ, производилъ шумъ, заставлявшій инспектора заглядывать въ классъ, при чемъ конечно нашъ хохотъ стихалъ, а А. при общей тишинѣ еще удобнѣе предавался своимъ мелодіямъ. Для полноты очерка индивидуальности А. нужно прибавить, что онъ былъ скупъ неимовѣрно, до того, что ломоть чернаго хлѣба, кусочекъ карандаша, огрызочекъ яблока все имъ принималось". — „Третій учитель латинскаго языка Л. свое преподаваніе сопровождалъ

постоянными зѣвками, доходившими иногда до совершеннаго усыпленія, особенно во время разбора комментаріевъ Ю. Цезаря. При такихъ случаяхъ мы или слѣдовали его примѣру, или тихонько уходили домой, предоставивъ Л. проснуться съ помощію звона, возвѣщавшаго окончаніе классовъ". Преподаваніе новыхъ языковъ, словесности, исторіи и математики г. Островскій находитъ тоже не удовлетворительнымъ.

Но еще хуже поставлена была въ Д—й гимназіи воспитательная часть. Воспитатели этой гимназіи „стремились уничижить званіе гимназиста", проводили принципъ: не разсуждать, „называли воспитанниковъ нулями, спекулировали насчетъ своихъ воспитанниковъ". „При Д—й гимназіи была учреждена одна общая ученическая квартира, для неограниченнаго числа своекоштныхъ воспитанниковъ и для 10 казенныхъ. Содержалась она первоначально частными лицами по контрактному условію съ гимназіею. Квартира такая постоянно состояла изъ двухъ, а много трехъ большихъ комнатъ и двухъ малыхъ для надзирателей. Конечно, частное лицо, принявши на себя обязанность содержать общую квартиру, задобривъ директора и живя въ полномъ согласіи съ надзирателями, старалось, какъ весьма натурально при всякой спекуляціи, съ возможно-меньшей затратой капитала, получить возможно—большія выгоды; съ этою цѣлію помѣщеніе нанималось самое неудобное, но за то дешевое: такъ въ спальнѣ нашей сажени 4 въ длину, около трехъ въ ширину помѣщалось до 40 и болѣе кроватей, самыхъ разнокалиберныхъ, покрытыхъ въ свою очередь столь же разнообразными одѣялами. Такая спальня производила не весьма пріятное впечатлѣніе и въ то время, когда въ нее проникалъ дневной свѣтъ; ночью же поражала входящаго нестерпимая духота и совершенный мракъ (вентиляторы и ночники считались излишнею роскошью),

что вѣроятно и побуждало гг. надзирателей въ ночное время не заглядывать въ спальню. Подъ залъ для занятій, а также рекреацій назначалась комната о 5 окнахъ въ длину и 2 въ ширину; посрединѣ ея помѣщался длинный узкій столъ съ скамейками по обѣ стороны и съ узкими проходами по концамъ. За этимъ-то столомъ намъ приходилось проводить время отъ окончанія классовъ до ночи, а также утолять свой голодъ, ибо на немъ же мы обѣдали и ужинали. Такъ какъ комната эта обращена была окнами на солнечную сторону, то за отсутствіемъ шторъ въ лѣтнее время была жара нестерпимая. Зимой долго послѣ смерканія, освѣщалась она сальными свѣчами, разставленными въ длину на упомянутомъ столѣ. Посторонній человѣкъ былъ бы пораженъ раздававшимся здѣсь разнаго рода завываніемъ, съ цѣлію затвердить заданное. Гимназисты, сидя вокругъ стола и человѣкъ по шести довольствуясь свѣтомъ одной свѣчи, на разныя ноты твердили свои уроки—твердили большею частію покачиваясь, заткнувъ уши, чтобъ не слышать товарищей столь же усердныхъ ихъ перекричать".

Сказавъ, что въ этой общей квартирѣ было не только крайне тѣсно и дурно и крайне голодно и холодно, такъ что „въ сильно морозные дни тепло въ нашей квартирѣ понижалось до 0, а въ классахъ уже шли минусы и ученики топали ногами и хлопали въ ладоши въ подражаніе перемерзшимъ", (стр. 105), г. Островскій прибавляетъ: „Все это было такъ, когда содержали общія ученическія квартиры частныя лица; тогда и ропотъ недовольныхъ имѣлъ хотя малое значеніе, улучшая на нѣкоторое время столъ. Но вскорѣ знаменитый педагогъ, директоръ гимназіи, отдавъ свои средства на произволъ двоекъ, семерокъ, тузовъ и королей, понялъ, что зависящему отъ произвола этихъ, часто измѣнчивыхъ, патроновъ, должно старательнѣе заботиться о полнотѣ своего

кармана. И вотъ содержателемъ квартиръ дѣлается самъ директоръ. О, тогда все дурное, какъ подаваемое отъ лица начальника, должно было считаться превосходнымъ! За упрекъ экономкѣ въ безвкусіи булокъ, статутъ г. N гласилъ: наказаніе розгами". Затѣмъ содержаніе общей квартиры перешло въ руки учителей гимназіи Ю. и С.—„столь же достойныхъ педагоговъ-спекулянтовъ"; при нихъ подавалась гнилая говядина, горькое масло, и жалобы на это были невозможны или считались нарушеніемъ дисциплины и вели за собою наказаніе протестантамъ. „Для цѣлости (?) этой картины нашего житья-бытья въ общей ученической квартирѣ прибавимъ, что казенные воспитанники не смѣли и заикаться о своемъ неудовольствіи; имъ тотчасъ напоминали, что они нищіе, что, вышедъ изъ гимназіи, они и очень рады были бы имѣть хотя такое содержаніе, но и того не будетъ. Новое платье намъ давалось тогда, когда старое было уже совсѣмъ негодно къ употребленію, о починкѣ же должны были сами заботиться. Иногда случалось, что казенный воспитанникъ не шелъ въ классы, по неимѣнію сапогъ или платья".

О своихъ старшихъ надзирателяхъ, учителяхъ гимназіи, г. Островскій говоритъ съ крайнимъ пренебреженіемъ. Особенно же отъ него достается младшему надзирателю П. Этотъ послѣдній окончилъ гдѣ—то курсъ гимназіи, лѣтъ 30-ти поступилъ на должность надзирателя, человѣкъ совершенно безхарактерный, любящій порядочно выпить. Прозваніе, данное ему учениками, при всей своей безсмысленности, отлично характеризуетъ его: „*Лыла*" — слово, кажется, ни на одномъ изъ человѣческихъ нарѣчій не имѣющее опредѣленнаго значенія, а между тѣмъ сочетаніемъ своихъ звуковъ какъто напоминающее что-то вялое, сырое, ни къ чему не годное. Преуморительныя съ нимъ сцены бывали, особенно когда П. отвѣдывалъ даровъ Ба-

хуса, что обыкновенно случалось къ вечеру. Въ то время въ немъ проявлялась охота ораторствовать. П. съ самодовольной улыбкой вмѣшивался въ кружокъ учениковъ и начиналъ проповѣдывать о христіанскомъ смиреніи, заставлявшемъ и его, г. надзирателя, тѣмъ болѣе долженствовавшемъ заставить и насъ съ полною покорностью вкушать горькое масло и гнилой картофель. Но увы! когда его рѣчь достигала своего пафоса, вдругъ изъ котораго нибудь конца залы раздавалось громогласное роковое *Лыла*, энтузіазмъ пропадалъ, и несчастный П. бѣгомъ бросался въ уголъ, издавшій столь недружелюбный для него звукъ; но тамъ уже было все тихо и смирно, а заколдованное *Лыла*, какъ будто эхо перваго, раздается въ другомъ концѣ залы. П. мечется въ разныя стороны, бѣгаетъ отъ одной группы къ другой, вопрошаетъ, кто смѣлъ? кто дерзнулъ! но звучное *Лыла* не перестаетъ повторяться, сопровождаемое громкимъ смѣхомъ воспитанниковъ. Наконецъ, измученный, усталый, погрозивъ завтра наказать виновныхъ, отправляется въ свою комнату, а ученики бредутъ въ спальню... Еще занимательнѣе бывали сцены во время вечерней молитвы. Вотъ одна изъ нихъ: у насъ существовало обыкновеніе, чтобъ ученики, ставъ на колѣни вокругъ стола, громко повторяли слова молитвы, наизусть читанной надзирателемъ; часто случалось, что П., раздѣливъ время съ Бахусомъ, являлся къ молитвѣ, что называется, безъ заднихъ ногъ; ставъ на колѣни и произнесши нѣсколько словъ, онъ засыпалъ; ученики, замѣтивъ съ помощію хриплыхъ звуковъ, издаваемыхъ носомъ П., что сонъ его уже довольно крѣпокъ, потихоньку отправлялись спать, а П. иногда и долго оставался въ такомъ положеніи. Многимъ можетъ быть покажется невѣроятнымъ, чтобы такой порядокъ вещей долго существовалъ, но дѣйствительно такъ было".

Но если вы, безпристрастный читатель, желаете получить болѣе ясное понятіе о томъ, что̀ такое былъ гимназическій пансіонъ, и лучше-ли онъ въ нравственномъ отношеніи опозоренной на весь міръ бурсы; то мы рекомендуемъ вамъ прочитать „школьныя воспоминанія“ Воронова. Здѣсь авторъ нарисовалъ рядъ мрачныхъ и отвратительныхъ картинъ пансіонской жизни. Начальники—безсовѣстные казнокрады, для своей наживы моривше пансіонеровъ голодомъ и въ тоже время съ фарисейскимъ лицемѣріемъ читавшіе имъ проповѣдь на слова: не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ; учителя—взяточники; пансіонеры—сбродъ грубыхъ, голодныхъ и жадныхъ школьниковъ, считавшихъ благороднымъ подвигомъ обворовывать кладовыя начальства, рѣзать пальто и шинели надзирателей, наполнять водою или сбивать въ комокъ ихъ пуховыя шляпы, бить стекла, казенную посуду, мебель и пр.;—обиравшихъ своихъ слабыхъ товарищей,—находившихъ удовольствіе въ травлѣ крысъ по подваламъ и карцерамъ; надзиратели—это типы нравственнаго уродства и безобразія: „трудно представить себѣ, говоритъ авторъ, что-нибудь подобное той коллекціи невѣждъ и нравственныхъ уродовъ, которымъ порученъ былъ ближайшій уходъ за развитіемъ нашихъ нравственныхъ способностей. Это были какіе-то обноски людей, которымъ нужно же было чѣмъ-нибудь кормить себя—и вотъ дали имъ мѣста пансіонскихъ надзирателей. Шевелю свои воспоминанія, перебираю все, что сохранила моя память объ этихъ лицахъ, и не нахожу тамъ ничего отраднаго, кромѣ грязныхъ пятенъ, которыя однако-жъ должны быть выведены на свѣтъ. Такъ и быть, оживите предъ глазами наблюдателей, еще разъ покричите и подеритесь, наши пресловутые наставники въ нравственности“. И вотъ проходятъ предъ нами мрач-

ныя тѣни *Лакеева и Корнака*—уродовъ физически и нравственно, служащихъ потѣхою и посмѣшищемъ для школьниковъ,—рыжаго *Мутмана*, обращавшаго въ свою пользу разныя бездѣлушки и казенныя булки своихъ питомцевъ и потому заслужившаго отъ нихъ кличку вора, воряги, воришки, — *Франсуа* — презрѣннаго лѣнивца, управлявшаго гимназистами при помощи „площадной брани“,—*Шагевича*—отвратительнаго полячишки, прозваннаго *гадюкой* за свой змѣиный характеръ, жестокаго въ обращеніи съ воспитанниками, уснащавшаго свою рѣчь поговорками, сравненіями, прибаутками, поражавшими площаднымъ цинизмомъ. „О Боже мой, Боже! какъ темно и грязно начало моей нравственной жизни!“ невольно вырывается у автора восклицаніе, которымъ заканчиваетъ онъ описаніе коллекціи этихъ нравственныхъ уродовъ. — Коллекція эта обогатится еще больше, если вы, безпристрастный читатель, возьмете на себя трудъ познакомиться съ „очерками общественнаго воспитанія“ Шестакова.

Мы утомились и безъ сомнѣнія утомили читателей, перебирая старый хламъ школьныхъ воспоминаній. Но намъ необходимо было покопаться въ этомъ архивѣ, чтобъ извлечь оттуда документальныя доказательства того положенія, что наша свѣтская школа была, если не хуже, то и нисколько не лучше нашей обезславленной и опозоренной духовной школы. Предубѣжденіе противъ послѣдней не только не уменьшалось, но съ годами все росло и въ послѣднее время сдѣлалось до того сильно, что никто бы не повѣрилъ вышеупомянутому положенію, если бы оно было высказано нами голословно. Теперь же, заручившись такими доказательствами, мы смѣло можемъ сказать, что и свѣтская школа не въ меньшей степени страдала тѣми же недостатками и въ ум-

ственномъ и нравственномъ отношеніи, какіе по какому-то странному недоразумѣнію приписываются одной только духовной, и упрекъ въ „грубости и тупости, въ язычески-грубомъ отношеніи къ религіи, крайней матеріальности взглядовъ и вкусовъ, схоластическомъ притупленіи ума, замѣнѣ лживой реторикой искренности чувства и правды знанія, въ униженіи человѣческаго достоинства“ — съ полнѣйшимъ правомъ можемъ обратить къ г. Маркову и подобнымъ ему людямъ: они вышли изъ школы, ни чуть не лучшей осмѣиваемой ими бурсы. Будетъ вамъ, г. Марковъ, величаться своимъ умомъ и нравственной чистотой предъ воспитанниками духовной школы! Оглянитесь на себя и на свою школу; она ни чуть не лучше презираемой вами бурсы. Плоды вліянія вами пройденной школы на лицо: грубость, голословность и нахальство вашихъ нападеній на духовенство весьма ясно показываютъ, что школа, которую вы прошли, очень мало развила въ васъ умъ и нравственное чувство. Какъ мало здѣсь правды знанія и какъ много лживой реторики! Полно вамъ, г. Марковъ, корчить изъ себя угнетенную невинность, страдающую будто бы отъ бурсацкихъ вліяній, и съ ужимками лицемѣра говорить: „мы слишкомъ давно и слишкомъ близко познали ихъ (бурсацкія вліянія) и страдаемъ отъ нихъ, чтобъ еще могли сомнѣваться въ этомъ въ настоящую минуту“! Вы сознаетесь, что вамъ слишкомъ давно и слишкомъ близко извѣстны эти вліянія; будьте же великодушны — доведите свое сознаніе до конца; не старайтесь скрывать отъ себя и другихъ, что если вашему благородному сердцу причиняютъ страданіе „языческигрубое отношеніе къ религіи, крайняя матеріальность взглядовъ и вкусовъ, притупленіе ума, замѣна лживой реторикой искренности чувства и правды знанія,

униженіе человѣческаго достоинства", то вы страдаете не по *чужой* винѣ. Напрасно вы кричите на весь міръ, что перечисленныя вами непривлекательныя черты нашего общества суть плоды бурсацкихъ вліяній; надъ выращиваніемъ этихъ плодовъ и распространеніемъ ихъ среди нашего общества весьма много и много потрудились и гизназіи, и прочія свѣтскія учебныя заведенія.

